

Небеса рассудили иначе

Татьяна ПОЛЯКОВА

авантурный детектив

«И жизнь, и слезы, и любовь... Ни один роман Татьяны Поляковой не обходится без этих трех составляющих. Именно на них писательница умело нанизывает неожиданные сюжетные повороты, невероятные приключения, изящный юмор, душевные переживания и, разумеется, страстные любовные отношения. Но, главное, что после прочтения книг Поляковой остается долго не проходящее чувство позитива».

Еженедельник «Собеседник»

Annotation

Сестрица Агата подкинула Феньке почти неразрешимую задачу: нужно найти живой или мертвой дочь известного писателя Смолина, которая бесследно исчезла месяц назад. У Феньки две версии: либо Софью убили, чтобы упечь в тюрьму ее бойфренда Турова и оттяпать его долю в бизнесе, либо она сама сбежала. Пришлось призвать на помощь верного друга Сергея Львовича Берсеньева. Введя его в курс событий, Фенька с надеждой ждала озарений. Тот и обрадовал: дело сдвинется с мертвой точки, если появится труп. И труп не замедлил появиться: его нашли на участке Турова. Только пролежал он в земле никак не меньше тридцати лет. С каждым днем это дело становилось все интереснее и запутанней. А Фенька постоянно думала о своей потерянной любви, уже не надеясь обрести выстраданное и долгожданное счастье. Но небеса рассудили иначе...

- [Татьяна Полякова](#)
    -
    -
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Татьяна Полякова

Небеса рассудили иначе

© Полякова Т. В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Где-то ангелы кричат
Прости-прощай.
Плавится душа, как свеча.
Разлилась по сердцу печаль,
Я навеки твой, ты – ничья!*

Би-2 «Ее глаза»

– Навещать родителей – наша святая обязанность, – с постной миной заявила Агатка. – Но выполнять ее сегодня как-то не хочется.

Мне тоже не хотелось, оттого я и согласилась с сестрицей, что, в общем-то, бывало не часто. Кивнула и, подперев щеку рукой, попыталась прикинуть: есть варианты избежать обязательный ужин в родительском доме? Решила, что нет, и обреченно вздохнула.

– Фимка, – позвала сестрица через минуту. Уверена, наши мысли текли в одном направлении, оттого ее последующие слова не удивили. – Двигай к предкам одна, соври, что у меня работы по горло, а я тебе лишний выходной дам. О'кей?

– Еще чего, – возмутилась я. – Отдуться за двоих за какой-то жалкий выходной... А как же принципы, сестрица? Кто мне всегда твердит, что старшим врать нехорошо?

– Ненавижу принципы, – фыркнула Агатка. – Им нет места в юридической практике.

Сестра у меня адвокат, и я, кстати, тоже. В основном ее стараниями. Мои личные амбиции выше ставки дворника в местном ЖЭКе никогда не поднимались. Но в семье решили, что это бросает тень на наше честное

имя, и Агатке пришлось взять меня в свою контору. Надеюсь, она не слишком об этом жалеет.

Не реже чем раз в неделю я кляну тот день и час, когда нога моя ступила на порог ее офиса. Наша мама – обладатель черного пояса по занудству, но ее лучшие приемчики блекнут рядом с тем, что вытворяет Агатка без всякого усилия.

– У меня встречное предложение, – ядовито произнесла я. – Почему бы тебе для разнообразия не засвидетельствовать дочернюю любовь в одиночку? Раз уж принципы сегодня отменяются, могла бы соврать, что у меня температура и ты, заботясь о сестре, оставила меня наедине с градусником и горячим питьем.

– Умная, да? – хмыкнула сестрица. – Чтобы мама тут же заявила, что я тебя работой уморила? Нет уж, я останусь у мамы на хорошем счету.

– Ну, удачи тебе...

– Как ни крути, а идти придется, – пробормотав сквозь зубы замысловатое ругательство, поморщилась Агатка и добавила: – Она кого-то там пригласила.

– Очередной жених? – нахмурилась я, теперь страдания сестры стали понятны.

У мамы навязчивая идея выдать старшую дочь замуж. На мою свободу она не посягает, замужем я уже была, причем не один раз, и, по мнению мамы, лучше б мне было в старых девах сидеть. В том смысле, что мои замужества маму совсем не порадовали. Меня, кстати, тоже, оттого я до сих пор радуюсь жизни в одиночестве. Мама мечтает о внуках. С моей точки зрения, мечтать она могла еще лет пятнадцать совершенно спокойно, а при современном уровне медицины и вовсе практически бесконечно, но у мамы на этот счет свое мнение. Она определила крайний срок в пять лет, и Агатке следовало в него уложиться, если она дочь, а не чудовище, готовое спровадить в могилу собственную мать раньше времени... Пять лет – это немало, но мама способна их так отравить, что лучше в самом деле поторопиться.

В кои-то веки я была с мамой согласна, Агатка старшая – ей и карты в руки, то есть, скорее, памперсы. А там, глядишь, и я подтянусь... Но с памперсами все не так просто – у Агатки большая любовь, к сожалению, неразделенная. Никого другого сестрица не хочет, а любовь по имени Сергей Львович Берсенев постоянно глаза мозолит, в общем, забыть его раз и навсегда проблематично. У меня на любовном фронте полный швах, так что маму, в общем-то, понять можно...

– Ага, – отозвалась Агатка. – Оттого и говорю: выручи сестру, метнись

одна.

– Есть же совесть предлагать такое, мама старалась, а ты не придешь. Меня в порошок сотрут...

– Каждый раз, когда ты говоришь «нет» старшей сестре, безнадежно портишь себе карму. Ладно, потопали, – взглянув на часы, сказала она, поднимаясь из-за стола. Мне пришлось последовать ее примеру. Я подала сестре пальто, подхалимски забежав вперед, в тайной надежде, что карму это несколько улучшит, а Агатка хмуро буркнула: – Мама умеет так долго пилить человека, точно у нее внутри вечный двигатель.

– Согласна, – кивнула я. – Этого у вас не отнимешь.

Агатка продемонстрировала мне кулак в ознакомительных целях, после чего я решила тему не развивать. Намотала шарф на шею, надела пальто и первой шагнула к двери. На работу я пришла пешком, так что ехать на двух машинах не придется. Новенький «Мерседес» сестрицы стоял неподалеку, рождая в душе легкую зависть.

– Хорошая машина, – сказала я, устраиваясь на переднем сиденье.

– Займи денег у предков и купи такую же.

– Куплю, когда сама заработаю, – ответила я.

А Агатка фыркнула:

– Не вздумай просить прибавки к зарплате. Я и так выбрасываю деньги на ветер.

– Может, мне в дворники вернуться? В ЖЭКе меня ценили.

– Я тебе вернусь... – пригрозила Агатка.

А я широко улыбнулась:

– К тебе заедем? Если у нас сегодня смотрины, тебе бы следовало придеться.

– Сделай сестре приятное, заткнись, – ласково улыбнулась она, а я пожала плечами.

Мама с особой жестокостью расправлялась с овощами, стоя в белом переднике возле стола, и бесперебойно отдавала приказы. Я, Агатка, папа и домработница Катя сновали из кухни в столовую, испуганно переглядываясь. Судя по маминому настрою, затевалось что-то грандиозное. В люстре сияли все двадцать семь лампочек (в прочее время счастливо обходились девятью), стол накрыт скатертью с вензелем, в котором, если приглядеться, видны две буквы – «А» и «К», между прочим, мамино приданое; извлекали скатерть на свет божий, как правило, лишь на годовщину свадьбы.

– Жесть, – успела шепнуть Агатка, пролетая мимо.

Я сосчитала приборы, которые успела расставить Катя, и задумалась: стол накрыт на восемь персон, следовательно, в гости ждут четверых. Благородное семейство?

Тут в дверь позвонили, мама сбросила передник и пошла открывать, погрозив нам пальцем:

– Смотрите у меня...

– Куда смотреть-то? – ахнула Катя, которой сегодня досталось даже больше, чем нам, и оттого соображала она не очень.

– Это призыв вести себя прилично, – шепнула я, прислушиваясь к маминому голосу, доносящемуся из прихожей. – Чтоб жениха не спугнуть...

– Женихов, – жарко зашептала мне в ухо Катя.

– Мама устраивает тендер? – удивилась я.

– Мама хочет вас разом с рук сбить, – совершенно серьезно заявила Катерина, подтвердив свои слова кивком.

– Меня-то за что?

– А то ты не знаешь? Маме внуки нужны. И ни когда-нибудь, а сейчас, пока силы есть их на ноги поставить.

– Сил у мамы немерено... – начала я.

Но тут дверь в столовую распахнулась, и в комнату в сопровождении мамы вошла пара в годах, худенькая женщина, со стрижкой каре, и представительный мужчина с благородной сединой. Я решила, что дядьке очень бы подошла военная форма, и не ошиблась: гость оказался генералом, правда, уже в отставке. Женщина, по имени Софья Васильевна, работала в канцелярии областной администрации, где мама большой начальник. Папа старательно улыбался, пожимая генералу руку, мама пояснила, кто есть кто, впопыхах едва не забыв о гвозде программы: за спинами родителей скромно стоял мужчина из породы вечных мальчиков: невысок, строен и румян. Судя по морщинкам возле глаз и наметившейся лысине, ему уже за тридцать, но если не приглядываться, можно навскидку дать лет двадцать пять. Звали его Славик, и было ясно, что в Славиках ему ходить еще долго. Агатка криво усмехнулась, а он под ее взглядом пунцово покраснел. Отличное начало вечера. Судьба последнего прибора оставалась загадкой, может, Катя зря меня пугала, и прибор предназначался ей? Принимать участие в семейных трапезах она не любила, потому что, по ее словам, есть по-благородному не умела и стеснялась, но маме-то на это наплевать.

Тут в дверь вновь позвонили, на сей раз открывать пошел папа. Вскоре он вернулся с симпатичным мужчиной лет тридцати, в двубортном костюме

в тонкую полоску, с легкой небритостью и насмешливым взглядом.

Только я успела подумать: «А почему бы и нет?» – имея в виду, что Агатке и впрямь не помешает роман с продолжением или без, как сестрица, подняв брови, весело произнесла:

– Привет. А ты какими судьбами?

Мужчина покосился в сторону мамы и торопливо произнес, игнорируя Агаткин вопрос:

– Рад тебя видеть.

– Давайте за стол, – скомандовала мама.

Я плюхнулась на ближайший стул, а мама, рассаживая гостей, недовольно спросила:

– Так вы знакомы?

– Конечно, – кивнула Агатка. – Ты что, забыла? Мы с Елисеем Андреевичем в одной группе учились.

Елисей Андреевич улыбнулся, а я подумала, что жить с таким именем, должно быть, нелегко. Наверное, его мама, как и моя, считали, что обладателю редкого имени проще стать выдающимся человеком. Маму, кстати, зовут Августа, в детстве она много претерпела, и, наверное, в отместку назвала нас Ефимией и Агатой. Спасибо ей за это большое. Но Елисей, пожалуй, даже круче. Агата и Елисей, а сынка назовем Акаишем, и жизнь, считай, удалась...

Тут я сообразила, что Елисей скорее всего предназначался мне, и растянула рот до ушей в ответ на его улыбку. У нас родится дочь, и назовем мы ее в честь мамы – Августой. А что? В наше время среди Аглай, Василис и Маланий она не затеряется.

Мамуля сидела напротив, между папой и Агаткой, точно триумфатор, хвастающийся пленными. Папа, впрочем, не без удовольствия болтал с генералом, а Агатка с Елисеем. Теперь я удивилась, как это сразу не разглядела в нем адвоката. Славик рядом с сестрицей чувствовал себя потерянным, его родительница поглядывала на него с материнской любовью и досадой. Елисей ей очень не нравился, глядя на него, она, против воли, начинала хмуриться. И совершенно напрасно. Он ее сыну не конкурент. Просто не будь здесь Елисея, мы б от тоски загибались, а так ужин вполне удался, по крайней мере, разговор не прерывается, гости улыбаются...

Мама хоть и улыбалась, но терялась в догадках. Славик сидел тише мышки, а Елисей заливался соловьем, но не в том направлении, что указывала мама. Короче, все опять шло наперекосяк, и мама решила, что виновата в этом я, сверлила меня взглядом, поджимая губы. Часа через

полтора, когда Катя подала десерт, Елисей, взглянув на часы, сказал, приложив руку к сердцу:

– Прощу меня простить, но вынужден вас покинуть. У меня через полчаса встреча...

Мама к тому моменту заметно к нему охладела и молча кивнула, Агатка пошла его проводить до двери, и я тоже, из желания показать, что мамину заботу оценила, а еще из любопытства, конечно.

– Как тебя к нам занесло? – предусмотрительно понижая голос, спросила Агатка.

– Вашей маме не отказывают, – зашептал он.

– А где вас черт свел?

– У Вовки Свиблова на свадьбе. Его предки дружат с вашими. Надеюсь, ты об этом помнишь?

– Помню, но от свадьбы нам с Фимкой удалось отвертеться. Выходит, мало что выгадали. Значит, мама тебя Фимке в женихи наметила.

– Я – перспективный молодой человек, а когда сказал, что до сих пор не женат...

– И девушки нет...

– Ага. Об остальном-то она не спрашивала. А сестра у тебя красотка, – заявил он и подмигнул, после чего спешно покинул нашу квартиру.

– Мама с женихами не угадала, – хмыкнула Агатка, закрывая дверь за приятелем.

– Царевич Елисей девушками в принципе не интересуется? – начала соображать я.

– Еще в студенчестве зарекомендовал себя стойким педиком. Мечтал отличиться в следственном комитете, но ориентация этому воспрепятствовала, так далеко наш либерализм не распространяется. Пришлось податься в адвокаты.

– Бедная мама. Правда, у нас еще Славик остался.

– Боюсь, что нет, – со скорбным видом ответила Агатка. – Ты заметила, на царевича он смотрел с большим интересом.

– Наговариваешь на мужика, чтобы от замужества отвертеться? – хмыкнула я.

– Ни-ни... чутье прирожденного сыщика подсказывает.

Мы покинули прихожую, к тому моменту Катя уже убирала со стола, а гости переместились в гостиную. Папа с генералом засели за шахматы и, судя по всему, были вполне счастливы. Славик сидел возле электрического камина и стойко улыбался. Мамуля и гостя пытались вести светскую беседу.

– Ушел? – спросила мама, завидя нас. – Что это за дела вечером в пятницу?

– Он по пятницам ходит с друзьями в баню, – пожала Агатка плечами. – Традиция.

– Ему жениться надо, а не в баню ходить. Что за глупость, в самом деле? У приличных людей свои бани по подвалам распиханы...

– У нас финская сауна, – встряла Софья Васильевна. – И бассейн. Славик каждое утро плавает.

– Вам повезло. А мои каждый день только нервы треплют.

– Что вы, Августа Николаевна, у вас такая прекрасная семья. Константин Викторович, можно сказать, идеальный супруг, и дочери – красавицы... просто ваши копии.

– Моя погибель, – рыкнула мама и надолго замолчала.

Софья, промучившись с полчаса, подхватив генерала и Славику, отчалила. Папа, доигрывая партию в одиночестве, что-то насвистывал под нос, пока мама не рявкнула:

– Прекрати свистеть! Денег не будет.

– Что опять не так? – возмутился папа.

– Все не так. Это не дети, а какое-то недоразумение.

– Ты Славику имеешь ввиду? Мне он тоже не понравился. А вот Иван Петрович, по-моему, симпатичный человек...

– Он женат уже сорок лет.

– Так это же прекрасно... Августа, – нахмурился папа. – Ты опять за свое, оставь девочек в покое. Что за домострой, в конце концов? Почему им непременно надо срочно выходить замуж?

– Потому что природу не обманешь, а все эти новомодные привычки... Бабы с бородой в телевизоре, это нормально? Не успеешь оглянуться, все усами обзаведутся, а мужики титьки отрастят.

– Августа...

– Что – Августа? Мир с катушек съехал, а тебе хоть бы что... – Мама удалилась в свою комнату, успев напоследок шепнуть: – Паразиты...

К кому это относилось, не ясно, но мы на всякий случай почувствовали себя виноватыми.

– У мамы неприятности на работе, – вздохнул папа. – Кулагина спровадили на пенсию...

– Мама боится, ее тоже спроведят? – брякнула я.

– С какой стати? – удивился папа. – Хотя... если вам интересно мое мнение, мама с удовольствием променяла бы свой высокий пост на гордое звание бабушки.

– Если это мама так сказала, я бы не стала особенно доверять ее словам, – вклинилась Агатка. – Мама часто путается в показаниях.

– Не стыдно тебе? – хмыкнул папа.

– Мама – это святое, – в три голоса закончили мы.

Агатка села на место генерала, решив сыграть партию, а я пошла помогать Катерине.

– Досталось от мамы-то? – тут же включилась она в процесс воспитания. – И правильно. Нет бы, как людям, замуж-то выйти, детей родить... И мама бы спокойна была, ведь вам добра желает.

В общем, вечер удался. Мама из своей комнаты так и не показалась, и мы минут через сорок тихо смылись. Катя покинула квартиру вместе с нами, Агатка вызвалась ее подвезти, стало ясно: сестрица знать не знает, чем себя занять. Грустно. Обратная сторона свободы. Я простилась с ними возле машины и зашагала домой.

До дома оставалось два квартала, когда зазвонил мобильный. Звонил Димка Ломакин. Мои замужества материнством не увенчались, зато я успела обзавестись пасынком. Начинали мы с ним чуть ли не врагами: Димка считал меня виновной в гибели мужа и соответственно его отца. Но потом вдруг подружились. Временами эта дружба тяготила. Агатка утверждает, что Димка в меня втюрился, наплевав на наши родственные узы. Да что Агатка, я и сама так думала. И счастья это не прибавляло.

Взглянув на дисплей, я довольно долго слушала веселый мотивчик, прикидывая, стоит отвечать или нет. Совсем было собралась сунуть мобильный в карман, но, памятуя о настойчивости Ломакина, все-таки ответила.

– Привет! – заорал он мне в ухо, там, где он был, гремела музыка, и он меня плохо слышал, а вот я его прекрасно. – Вы где?

– Мы – это кто?

– Ты и сестрица, естественно. Серега сказал, у вас сегодня родительский день.

– Так и есть.

– Давай ты скажешь предкам, что у тебя срочные дела, а я через полчаса подъеду?

– Вы с Берсеневым отдыхаете?

– Нет. У Сереги тоже какие-то дела нарисовались. Фенька, я тоскую без тебя и вот-вот умру. Соглашайся, выпьем, поболтаем... пятница все-таки.

– Ясно. Уже успел надраться?

– Ничего подобного...

– Я предкам обещала у них остаться. Так что перебьешься.
– Нет в тебе сострадания...
– Посмотри вокруг, на свете много женщин, жаждущих твоей любви, не стоит жмотничать. Пока.

И, поспешно отключившись, я продолжила свой путь.

Во двор я входила, когда уже стемнело, и сразу обратила внимание на мужчину в глубине детской площадки. Свет единственного во дворе фонаря туда не доходил, и толком разглядеть мужчину не удалось. Он сидел на скамейке, ссутулившись, нахлобучив на голову капюшон. Вчера я его тоже видела, примерно в десять вечера. Вернулась домой, пила чай, сидя на подоконнике, и, только выключив свет в кухне и машинально взглянув в окно, обратила внимание: на детской площадке кто-то есть. Вчера он сидел на качелях. И сердце мое сладко екнуло, потому что я на мгновение решила: это Стас, и собралась бежать к нему со всех ног. Но тут мужчина поднялся и зашагал в сторону переулка, и стало ясно: кроме высокого роста, между ним и Стасом ничего общего. Он шел низко склонив голову, слегка прихрамывая, точно жал ботинок. Разглядеть лицо было невозможно, даже когда он оказался под фонарем, а я подумала, что мужчина, наверное, в возрасте, чувствовалась в нем усталость, обреченность какая-то, точно у тяжелобольного или бомжа, но этот-то не бомж: куртка новая и скорее всего не дешевая. В тот момент ничего, кроме разочарования, я не почувствовала. Мужчина – случайный прохожий, ненадолго нашедший приют в моем дворе.

И вот теперь он снова здесь. Я была уверена – он. Хотя с качелей мужчина переместился на скамью, где его и вовсе не разглядишь. Я замедлила шаг, всматриваясь в темноту. Он сидел не шелохнувшись и, судя по положению головы, пялился в землю. Погружен в свои мысли или очень хочет, чтобы я решила: ему до меня дела нет. Я направилась к подъезду, на ходу достала ключи из сумки. На душе вдруг сделалось скверно. Смутное беспокойство – предвестник скорой беды. Я замерла в трех шагах от двери, повернулась и решительно позвала:

– Мужчина! – И даже шагнула в сторону детской площадки, сама не зная зачем. Он сразу поднялся и очень быстро устремился к переулку, почти бежал. – Мужчина! – отчаянно повторила я и тоже побежала, но тут вся нелепость моего поведения обрисовалась очень ясно, и я, досадливо выругавшись сквозь зубы, вернулась к подъезду.

Догнала бы я его, и что? Документы спросила? Человек имеет право сидеть на скамье в чужом дворе. Законом это не запрещено. Да и догнать его было весьма проблематично, так что возраст мужчины теперь

под сомнением, как и больная нога. По крайней мере, она не помешала ему раствориться в темноте в рекордно короткий срок. С чего я взяла, что мужчина, точнее, его появление во дворе, имеет ко мне отношение? Он может быть влюбленным (и вовсе не в меня) или жуликом. Кем угодно. Из девиц на выданье в подъезде только я, а народ здесь живет небогатый. Если дядя надумал кого-то ограбить, то либо он весьма неприхотлив, либо его ждет большое разочарование.

Само собой, весь вечер я нет-нет да и возвращалась к мыслям о нем, и даже пару раз подходила к окну. Двор был пуст, на детской площадке ни души. Спокойнее от этого не стало.

Утро выдалось пасмурным, наверное, по этой причине проснулась я в половине десятого, и мир вокруг не порадовал. А между тем на календаре весна, правда, солнце балует редко, ночью еще заморозки, но снега в городе уже давно нет, и воздух весенний, особенный.

– Весной все живое тянется к любви, – хмыкнула я, переворачиваясь на спину и закидывая руки за голову. С любовью проблемы, точнее, большая беда. Тут же явились непрощенные мысли о Стасе... впрочем, они никуда и не девались, но серая хмарь за окном оптимизма не прибавляла, и мысли были ей под стать.

На кухне что-то звякнуло, и я насторожилась. Жила я в коммуналке, которую когда-то делила с двумя симпатичными гражданами, как никто умевшими скрасить мой досуг. Но они меня покинули, обретя счастье в личной жизни. Какое-то время я жила в надежде на квартирантов. Даже если это будут неприятные субъекты, жизнь все равно заиграет новыми красками: мы либо подружимся, либо я куда-нибудь сбегу, но тут влез Димка и купил обе комнаты, да еще на мое имя. Большое ему за это спасибо. Я бы и сама могла, если б хотела. Но кто ж меня слушает? В общем, теперь вся квартира принадлежит мне, но кто-то в кухне гремит посудой. Глупо, но на ум сразу же пришел Стас. Оттого я вскочила и, даже не удосужившись взглянуть в зеркало, выпорхнула из комнаты.

Могла бы не торопиться. Димка возился с заварочным чайником. На столе коробка с пирожными.

– Привет, – расплылся он в улыбке, заметив меня.

– Привет, – буркнула я и направилась в ванную.

Не спеша приняла душ, почистила зубы, расчесалась и с минуту разглядывала себя в зеркало. Димка к тому моменту принялся барабанить в дверь.

– Фенька, ты скоро? Чай остынет.

– Безотвязный ты мой, – пробормотала я в досаде, надела спортивные штаны и футболку, которая висела здесь, и босиком пошлепала в кухню.

Димка прихлебывал чай из пузатой чашки (его подарок) и с веселой ухмылкой на меня поглядывал.

– Чего кислая? – спросил, оставив чашку. Отправил в рот половину пирожного и стал жевать.

– Планировала спать до обеда.

– А я помешал?

Я сочла, что отвечать не стоит, и стала пить чай.

– Давай махнем куда-нибудь? – улыбнулся Димка, а я поморщилась. – Что не так? – тут же прицепился он. – Мы...

– Дима, – погрозила я пальцем. – Никаких «мы» нет, то есть, конечно, есть, но в тебе я вижу друга и почти что родственника. И слишком большое внимание меня напрягает.

– Значит, видеть меня здесь ты совсем не рада? – развел он руками в большой печали.

– Ага. Но гнать не могу, раз уж квартира на две трети твоя.

– Квартира твоя, и давай больше не будем об этом. Я бы, кстати, ремонт сделал...

– Не надо. Не то сбегу.

Тут входная дверь хлопнула, и в кухню стремительно вошла сестрица, как всегда, не снимая пальто и забыв переобуться в тапочки. Димку удалось приучить, а эта – ни в какую. Однако в тот момент мне бы и в голову не пришло возмущаться ее поведением, появилась Агатка весьма кстати, избавив меня от неприятного разговора.

– Утро на дворе, и ты уж тут как тут, – съязвила она, адресуясь к Димке, поздороваться она тоже не считала нужным. – Или... – тут она перевела взгляд с него на меня и добавила: – Надеюсь, у тебя хватает ума не пускать его в свою постель?

– Почему это «хватает ума»? – проворчал Димка, сестрицу он слегка побаивался.

– Потому... Специально для тугосоображающих: во-первых, ты ее пасынок, а скандал нашему благородному семейству ни к чему, во-вторых, не такой зять маме нужен. Она, конечно, здорово нас достала, но доводить ее до инфаркта никто не собирается. Короче, это плохая идея. Пусть уж лучше за Берсеньева идет. Я буду рыдать в подушку, зато предки порадуются.

При упоминании Берсеньева мы с Димкой дружно фыркнули. Он тут же решил не принимать всерьез Агаткины слова. А зря.

– Сама-то чего прилетела с утра пораньше? – спросил он, помог старшенькой снять пальто и отнес его в прихожую. Сестра тем временем устроилась за столом, взяв из шкафа чашку, вернувшийся Димка налил ей заварки и пирожные придвинул.

– С ума сошел? А фигура? – буркнула она, взглянула на меня, махнула рукой и потянулась к пирожному.

А я-то надеялась, что с ней делиться не придется. Димкин вопрос повис в воздухе, но тут Агатка заговорила:

– Час назад позвонили. Скорбная весть пришла, откуда не ждали. Царевич Елисей погиб...

– Как это? – нахмурилась я. Ясно, что звучало сие весьма глупо, но подобная новость в голове плохо укладывалась.

– Вот так, – вздохнула Агатка и потерла нос.

– Авария? – спросила я.

– Нет. Тело нашли рано утром, третий уровень паркинга торгового центра «Северный». Судя по всему, убит вчера вечером.

– Он про какую-то встречу говорил тебе... Папа позвонил? (Папа у нас, кстати, прокурор области, и такое предположение вполне логично.)

Агатка головой покачала:

– Секретарша Елисея. Ее пару часов назад по тревоге подняли, а она сразу мне.

– Почему тебе? – не поняла я.

– Потому что я, в некотором смысле, его наследница. Его делами теперь нам заниматься придется.

– Эй, – включился Димка. – Очень извиняюсь, дамы, но любопытство жевать спокойно не дает. Как звать царевича?

– Елисей и звать, – вздохнула Агатка. – Нилов Елисей Андреевич. Слышал о таком?

– Нет.

– Ну и хорошо, горевать не будешь. Хотя парня в любом случае жалко.

– А Феньке с какой стати горевать? – нахмурился он.

– С такой, что вчера за одним столом сидели, – ответила я.

– Где?

– Господи... тебе-то не все равно? У родителей...

– Мамуля опять женихами допекает? – скривился Димка. – Глядишь, через пару лет и я сойду за милую душу. А чего? По всем статьям товар уже залежавшийся... – с трудом сдерживая смех, добавил он.

– Что делает на твоей кухне этот тип? – буркнула сестрица.

– Пирожные жрет. Дима, пей чай молча. К чужой кончине приличные

люди проявляют уважение.

– Я не приличный, а он – конкурент. А с конкурентами, знаешь, что делают?

– Глубокое заблуждение: ты бы понравился ему куда больше, чем мы. Но бедная мама об этом не знала.

– Куда катится мир... – хмыкнул Димка.

А я повернулась к Агатке:

– Кончина имеет отношение к его профессиональной деятельности? Я не просто так спрашиваю, вдруг злодей на этом не успокоится, а ты, то есть мы, теперь наследники?

– Менты считают, это ограбление. Ударили сзади тяжелым тупым предметом. Нилова возле машины нашли, она в ряду последней стояла, поэтому труп и заметили не сразу. Документы оставили, айфон и бумажник забрали.

– Вряд ли в бумажнике много наличности, а картой не воспользуешься. Елисей не похож на парня, который будет в бумажнике хранить записочку с PIN-кодом.

– А что у него за тачка? – вновь вклинился Димка.

– «Мерседес», понятное дело.

– И его не угнали? Чудные грабители.

– Может, боялись, что охранник на выходе их запомнит? Уходить через торговый центр безопаснее.

– Зато «мерс» денег стоит. Такой налички в бумажнике адвоката уж точно не нашлось бы.

– Кто знает, – пожала Агатка плечами. – Надеюсь, менты разберутся. Он с кем-то встречался, вдруг этот некто вернул ему долг, к примеру?

– А с делами, которые он вел, это точно не связано? – не унималась я.

Сестра вновь пожала плечами:

– Мы ж виделись недавно, я не вчерашний вечер имею в виду... ничего такого о своих делах он не говорил. Если честно, адвокат он средненький... был. И дела вел соответственные. С какой стати адвоката убивать? – фыркнула она.

– Мне своего иногда придушить очень даже хочется, – сказал Димка. – Дерет, гад, такие деньги. И за что?

– А ты меня в адвокаты возьми, – со своей лучшей улыбкой предложила Агата.

– У меня денег не хватит, – съязвил Димка. – Вот что, барышни. Елисей ваш уже ни в чем не нуждается, а выходные бог дает, чтоб у человека была радость в жизни. Поэтому предлагаю: забыть дела

до понедельника, а сегодня напиться. Помянем адвоката... можем в кино сходить...

– До чего ты надоедливый тип, – покачала я головой.

– Допустим, я сейчас уйду. А чем займетесь вы? Выпьете пять литров чая и будете гадать, кто Елисея убил? Много пользы. Короче, Фенька, одевайся и едем навстречу весне и новой жизни.

– Вообще-то он прав, – вздохнула сестрица. И я отправилась переодеваться.

Через полчаса мы покинули мою квартиру. Я была намерена как следует развлечься, если уж Агатке пришла к тому охота, и намерение мы выполнили. Полдня проторчали в боулинге, запивая пивом наши скромные победы, до отвала наелись морепродуктами в симпатичном ресторанчике и даже посмотрели кино. С этим, правда, вышла незадача: фильм понравился только Агатке, мы с Димкой, комментируя происходящее на экране, весело хихикали, а Агатка шипела и грозилась вывести нас из зала. Наконец фильм закончился, а вскоре пришла пора расставаться. Агата Константиновна слегка удивила, предложив мне заночевать у нее. Такое, скажем прямо, случалось не часто. Хоть временами сестрицу и посещают невеселые мысли об одинокой старости, наедине с самой собой ей не скучно. По крайней мере, жалоб на этот счет я никогда не слышала, зато на отсутствие времени – сколько угодно. В общем, сестрица умела занять себя, и то, что она весь день, по ее терминологии, дурака валяла, весьма удивительно, а приглашение в конце вечера удивило вдвойне. Сама я к сестрице хаживала нечасто: Агатка зануда и общения с ней мне на работе хватало. Но я тут же согласилась по двум причинам: во-первых, было любопытно узнать, с чего такая милость, во-вторых, так проще избавиться от Димки. Его занудство в последнее время доставало больше сестрициного.

– Не поверишь, – поднимаясь по лестнице к своей квартире, заговорила она. – Этот охламон в самом деле мне нравится.

– Ну, так в чем проблема? Порадуй маму.

– Мама Диме не обрадуется, о чем тебе прекрасно известно. К тому же влюблен он в тебя. И я нахожу его хорошим парнем.

– У тебя в детстве было сотрясение мозга, так что не удивительно.

– У тебя тоже было. И не в детстве. Мозги на место до сих пор не встали. – Агатка замерла, сурово на меня взирая.

Я тоже вынуждена была остановиться и недовольно спросила:

– Начнешь вправлять их прямо сейчас? Я бы предпочла более комфортную обстановку, за чашкой чая...

– Что толку? Твои мозги – загадка природы. По мне, так у тебя их вовсе нет, – сестрица сердито махнула рукой и зашагала дальше. – Димка в тебя влюблен, это видно невооруженным глазом, и что ты собираешься с этим делать, балда?

– А у меня есть выбор? – разозлилась я. – Не реже двух раз в неделю я напоминаю ему о наших родственных узах, но ему по фигу... Отделаться от него возможным тоже не представляется. Хотя, если честно, не хочется разбивать нашу веселую компанию, не так много радостей в моей жизни.

– Парадокс в том, что вы идеально подходите друг другу, – отпирая дверь, вздохнула Агата. – Димка охламон, ты – редкая раздолбайка...

– Нет такого слова...

– Не перечь сестре. И смотрите так, что хоть сейчас на обложку журнала.

– И к чему все эти речи? – первой входя в прихожую, задала я вопрос.

– Просто стенания по поводу несправедливости судьбы. Ты его не любишь, да?

– У тебя есть сомнения?

– Нет, к сожалению. Влюбись ты в него, и, глядишь, на свете стало бы на двух счастливых людей больше.

– А мама с папой? – удивилась я.

– Ради счастья дочери иногда можно и напрячься...

– Мама напрягаться не любит. Роман с собственным пасынком – это даже по моим меркам слишком. Какого лешего ты завела этот разговор? – всерьез разозлилась я. К тому моменту я успела оказаться в кухне и включить чайник.

– Беспокойство у меня, – плюхнувшись на стул, заявила сестрица. – Жизнь вопреки ожиданиям не становится ни проще, ни лучше. Все еще надеешься, что Стас...

– Отвали, – ласково попросила я.

Агатка кивнула, точно соглашаясь, и сменила тему.

– А куда Берсенев подевался? Димка ему раза три звонил, но он не ответил...

– Понятия не имею, где его носит, – проворчала я и подумала: «Неужто к своей былой любви подался? Нет. Он дал слово, а такие, как Сергей Львович, слово не нарушают».

– Ну, если и ты не знаешь...

– Я что, его секретарь?

– Нет. Ты человек, которым он по-настоящему дорожит. Не Димкой и не мной, как это ни прискорбно, а тобой.

– Мама дорогая, женихи штабелями укладываются, а у меня постельный пост который месяц...

– Любовь, дурища, бывает разной, – разливая чай, с умным видом заявила Агатка.

– Ага... я люблю моченые яблоки, книжки про котов и раннюю осень.

– Точно. А Берсенев любит тебя.

– Как моченые яблоки?

– Подозреваю, куда больше. Димка не ревнует?

– Есть немного.

– Ну и гораздо же ты, сестрица, усложнять себе жизнь, – хихикнула Агатка и стала пить чай, ненадолго заткнувшись. А я подумала: «Старшенькая, как всегда, права: с легкостью бытия у нас явные проблемы».

Спать мы легли поздно, но больше не дискутировали, а тихо-мирно смотрели телевизор.

Утром объявилась мама и потребовала сопроводить ее в торговый центр, ей нужны туфли, а к ним неплохо бы сумку. Агатка, как всегда, переложила дочерний долг на меня, и я полдня болталась с мамой по магазинам. Серьезное испытание. В общем, я очень порадовалась, когда выходные, наконец, закончились.

Понедельник не обещал ничего особенного, солнце по-прежнему пряталось, я, как всегда, не выспалась, зевала во весь рот, вызывая перешептывания немногочисленных сотрудников (мы сидели в общей комнате, своего кабинета мне не полагалось). Девчонки немного похихикали на тему моей бурной личной жизни и кругов под глазами. Я списала их слова на зависть. Вспыхнувшую дискуссию пришлось прервать: в конторе появился мужчина лет тридцати пяти, с короткой стрижкой и манерами обитателя притонов. Кожаная куртка нараспашку и бейсболка, которую не мешало бы постирать, а лучше просто выбросить, догадки лишь укрепили. Он с ходу принялся острить, да так, что даже у терпеливой Верки желваки заходили. Когда она собралась указать ему на дверь, парень, предъявив удостоверение, заявил, что жаждет видеть Агату Константиновну. Вера улыбнулась с намеком на сочувствие и, пожелав ему удачи, доложила Агатке о прибывшем. Парень скрылся в кабинете, а минут через пять Агата Константиновна вызвала меня. Куртку Петр Сергеевич (так звали гостя) успел снять, и шутить ему уже не хотелось. Агатка нас представила, кивком предложив мне сесть, и обратилась к гостю:

- Продолжайте, господин Тарасов.
- Турова, как мне сказали, теперь защищать будете вы? – кашлянув, заговорил Петр Сергеевич.
- Правильно сказали.
- Дело абсолютно ясное... – из голоса Тарасова уверенность испарилась точно по мановению волшебной палочки, Агатка, сложив руки на столе, смотрела на него с веселым озорством. – Никаких сомнений, что именно он убил девушку...
- У меня еще не было времени ознакомиться с делом.
- Я знаю, и... собственно, я просто подумал, что нам не мешало бы поговорить и... По закону адвокат положен даже распоследнему ублюдку, прошу прощения. Но думаю, как женщина, вы согласитесь, подобные, с позволения сказать, люди, должны сидеть за решеткой.
- Если должны, то сядут. На всякий случай хочу предупредить, я занимаюсь адвокатской практикой не ради участия в игре, а ради победы.
- Вот это меня и беспокоит, – вздохнул гость.
- С какой стати? Вы ведь уверены в виновности Турова, значит, доказательства у вас стопроцентные.
- Стопроцентных доказательств не бывает, – отмахнулся Петр Сергеевич.
- Выходит, есть сомнения?
- Никаких. Вы бы рожу его видели...
- Надеюсь, ваши обвинения основываются не на визуальном восприятии подозреваемого?
- Сестрица умеет и святого довести до бешенства, а Тарасов святым не был.
- У меня, между прочим, восемьдесят шесть процентов раскрываемость. Слушайте и рыдайте: восемьдесят шесть процентов. И этот ублюдок не отвертится...
- Встретимся в суде, – широко улыбнулась Агатка, и Петр Сергеевич, схватив куртку, спешно нас покинул.
- Симпатичный паренек, – кивнула я ему вдогонку. – По какому случаю дым коромыслом?
- Одно из дел, что от Елисея досталось. Убийство Софьи Смолиной, дочери известного писателя. Подозревают ее бойфренда, девчонка была беременна.
- И мы будем его защищать, – кивнула я.
- Будем.
- Потому что уговор дороже денег?

– Потому что никто его добровольно защищать не будет. Если честно, я даже не знала, что Елисей влез в это дерьмо...

– Вдруг повезет и обвиняемый сам от нас откажется?

– Когда это нам везло? Тарасов что-то слишком нервничает, небось напортачили следаки... Придется спешно заняться этим делом, то есть самого дела я еще даже не видела, знаю обо всем только из СМИ.

– А я и вовсе ничего, – покаялась я и нарвалась на укоризненную физиономию.

– Как можно жить в городе и ничегошеньки не знать из того, что здесь происходит? Это ж наш хлебушек с икоркой.

– Корысть до добра не доводит. Кстати, это один из семи смертных грехов.

– Серьезно? Жуть. Но если остальные не нарушать, может, и прорвемся. Значит, так. Ты на хозяйстве, а я побежала. Попытаюсь еще сегодня встретиться с клиентом.

– Агатка, – позвала я и за ухом почесала, демонстрируя сомнение. – Ты там насчет Елисея все-таки выпроси, вдруг на тот свет его спровадил вовсе не грабитель?

Подумав немного, она пожала плечами:

– Может, и не грабитель. Но к этому делу его убийство точно никакого отношения не имеет. Да и с какой стати адвоката убивать? Чтоб Денис Туров без защитника остался? Так другого дадут.

– Дадут. Но вряд ли ожидали, что тебя.

– Что ты хочешь сказать? – удивилась она.

– Я хочу сказать: не каждый день у нас такие визитеры. Сколько я здесь работаю? А подобного не припомню.

– Да ладно... – отмахнулась Агатка и вскоре покинула нашу контору.

Само собой, появление Тарасова живо обсуждали в коллективе, девчонки принялись вспоминать о недавнем убийстве. Правда, навспоминали немного. Убитая – дочь известного писателя Геннадия Смолина, он родился в нашем городе, и хотя уже много лет назад обосновался в Москве, но продолжал здесь часто бывать, жил подолгу. В самом центре у него была квартира, в так называемом доме творческих работников. Он ее продал и приобрел дом в поселке Бережки, в нескольких километрах от города. Место дачное и на редкость красивое. Девятнадцатилетняя дочь Смолина тут жила практически постоянно (намекали на проблемы с матерью – второй женой писателя, которая проживала в Москве). Однако ничего конкретного по поводу этих самых проблем припомнить не смогли и перешли к следующему пункту

обсуждения. Смолин женат в третий раз, но смог удивить: супруга оказалась не моложе мужа лет на двадцать, а на два года старше. Говорят, они дружили еще в детском саду, потом жизнь развела в разные стороны и вдруг вновь соединила. Первая жена писателя живет здесь, так же как и внебрачный сын. Смолин-младший работает на местном телевидении самым главным начальником одного из каналов.

– А об этом Турове что известно? – задала я вопрос.

Девчонки дружно пожали плечами:

– Говорили, что он вел себя по-свински, избивал ее...

– Кто говорил?

– Кто-кто... дед Пыхто. По телевизору говорили... Ты телевизор когда-нибудь смотришь?

– В субботу смотрела. Но про Турова там ничего не было.

– Девчонку убили почти месяц назад, а ее бойфренда арестовали через несколько дней...

– И что, он сознался?

– Понятия не имею, – ответила Вера за всех.

– Ладно, сестрица вернется – все узнаем.

– А где она?

– Навещает падших в узилище.

– Значит, защищать этого упыря будет Агата? – вздохнула Вера.

– Кто, если не мы? – выпятив грудь, торжественно произнесла я.

– Хорошо кривляться. Если хочешь знать, я бы таких, как этот Туров...

– Если хочешь знать, я бы тоже, – перебила я. – Но тут решают другие.

«Другие» явились только в половине восьмого вечера, когда из всего нашего сплоченного коллектива на рабочем месте оставалась лишь я. Сидела за столом, подперев щеку рукой, и ждала Агатку. Рабочий день кончился, следовательно, работать – грех, тем более что за сверхурочные не платят. А уйти не позволяло любопытство.

Наконец входная дверь хлопнула, и вошла Агата, на ходу разматывая длинный шарф, который каким-то совершенно особым способом завязывала вокруг шеи. Выглядела сестрица усталой. Лицо бледное, круги под глазами темные, не удивлюсь, если она поест за весь день не удосужилась. Впрочем, я тоже.

– Сидишь? – спросила она с той особой интонацией, за которой обычно следовал нагоняй.

Чувствуя себя совершенно безвинной, я нахмурилась, неодобрительно глядя на Агатку, чтоб особенно не увлекалась. Она достала из сумки толстенную папку и бухнула передо мной на стол.

- Изучай.
- Прямо сейчас? – вздохнула я.
- А что мешает?

Папка была посвящена Турову Денису Яковлевичу, о чем свидетельствовала надпись на обложке.

– Ты с ним встречалась? – задала я вопрос, открыв папку без всякой охоты.

- Имела удовольствие.
- И как?
- Взгляни на фотографии.

Я, конечно, взглянула. С фотографии на меня смотрел парень лет двадцати пяти, бритый наголо, вместо волос череп украшала татуировка кобры, голова которой висела над правой бровью.

– Симпатяга, – констатировала я, вглядываясь в физиономию с боксерским носом и глубоко посаженными глазами. Смотрел парень исподлобья, и как-то чувствовалось: окружающий мир симпатий у него не вызывал. Он у меня тоже.

– В жизни Туров еще прекрасней, – заверила Агатка, подтянула стул и устроилась на нем верхом.

Теперь мы сидели рядом, соприкасаясь локтями.

- Что говорит?
- То же, что и все. Невиновен.
- Понятно.

– Елисей был уверен: девчонку он убил. Склонял его покаяться. Но этот ни в какую. Наш покойный друг собирался его слить. Навещал регулярно, но палец о палец не ударил, чтобы все перепроверить.

– А надо? – спросила я, приглядываясь к сестре.

– Честно? Не знаю. На редкость противный парниша. Хамить горазд, а руки дрожат. Боится, но вида не показывает. В общем... я подумала, то, что он мне не нравится, еще не повод на него всех собак вешать. Не повод?

– Ну... – пробормотала я, пытаюсь угадать, куда она клонит.

– Гну. Короче, займись этим. Время есть...

– Я?

– А кто? За мной общее руководство. И не перечь сестре, а то хвост вылезет.

– Какой еще хвост?

– Свиной. Старшей сестре перечат только свиньи. Запиши сие изречение и держи бумажку перед глазами.

– А если я накосячу? – с сомнением спросила я.

– Тогда невинный человек окажется в тюрьме... или сядет совершенно заслуженно.

Я пожалала плечами, решив обойтись без критики. Переубеждать Агатку возможным не представлялось.

Через полчаса мы покинули контору. Сестрица вызвалась меня отвезти, но я решила проявить благородство, видя, что она с ног валится от усталости, и отправилась пешком.

Входя во двор своего дома, шаги замедлила, приглядываясь к детской площадке. Никаких подозрительных субъектов, впрочем, как и любых других. Я внимательно осмотрела двор, замерев возле подъезда. Вдруг после вчерашнего он прячется, например, за гаражами. Если и прятался, то вполне успешно. С легкой досадой я вошла в подъезд. Радости от того, что кто-то в моем дворе пасется, никакой, но еще хуже, если все еще пасется, но я об этом не знаю.

Дома я заварила чай и устроилась за кухонным столом, прихватив папку с делом Турова. Перелистывая бумаги, то и дело поглядывала в окно. Иногда во дворе кто-то появлялся, соседи или случайные прохожие, но вчерашнего типа никто даже отдаленно не напоминал. А я, вспоминая его удаляющуюся фигуру, ловила себя на мысли, что было в ней нечто знакомое. Игры разума. Говоря проще, выдаю желаемое за действительное.

Выпив третью по счету чашку чая, я посоветовала себе сосредоточиться на работе, но покидать кухню не стала. Кухонный стол для работы – место самое удобное. В моей комнате есть только журнальный стол, а в две другие комнаты я не заглядываю вовсе, не считая их своими. Димка их купил, вот пусть у него голова и болит, что с ними делать.

Часа через два я все еще сидела в кухне, погруженная в чтение, одновременно прикидывая, как подступиться к этому делу, с кем встретиться, кого опросить. На первый взгляд все вроде бы казалось очевидным. Туров поссорился со своей подругой накануне ее исчезновения. Несколько свидетелей уверяют: ссора получилась бурной, дошло до рукоприкладства, причем с обеих сторон. На следующий день они вновь встретились по инициативе Софьи Смолиной. Судя по всему, выясняли отношения, на этот раз вроде бы вполне мирно. Софья попросила отвезти ее на дачу отца, хотя ее собственная машина находилась на парковке торгового центра. Туров объяснил это тем, что Софья выпила в кафе, где они встречались, два бокала вина, и за руль садиться не стала, машину она собиралась забрать завтра. В поселок Бережки вела отличная дорога, но Туров выбрал менее удобную, сославшись на то, что она

значительно короче. В принципе, вполне может быть правдой: у него джип и плохая дорога ему не страшна. Оказавшись в машине, молодые вновь ссорятся, и вскоре Туров высаживает девчонку в нескольких километрах от города, прямо на дороге, и, развернувшись, отправляется домой. Но, минут через двадцать успокоившись, решает, что повел себя недостойно, и вновь разворачивается в надежде подобрать Софью там, где оставил. Движение в тех краях интенсивным никак не назовешь, и прыгать на обочине девушке пришлось бы долго. Однако Софьи в том месте не оказалось. Проехав еще примерно километров пять, Туров решил, что Софья уехала на попутке. Совсем рядом был перекресток, и там, возвращаясь в город в первый раз, он вроде бы заметил машину. Но ни номер, ни даже марку назвать не смог. В общем, он вторично возвращается в город. Пока он катается туда-сюда на своем джипе, в полицию поступает звонок от неизвестного. Мужчина сообщает, что некий молодой человек избивает девушку, указав примерное место, где это случилось. Место то самое, где Туров высадил Софью. Скорее всего не просто высадил, и отношения они опять выясняли бурно, чему случайный водитель и стал свидетелем. Однако Туров категорически настаивал, что из машины даже не выходил: Софья, потребовав остановить джип, выскочила, хлопнув дверью, а он развернулся и уехал... После телефонного звонка к месту происшествия отправилась патрульная машина, но полицейские никого не обнаружили.

На въезде в город машину Турова остановили сотрудники ДПС. одному из них показалось, что Туров нервничает, его попросили открыть багажник, а еще проверили, не употреблял ли он алкоголь в тот день. Тест Туров благополучно прошел. Сотрудник ДПС заметил у него кровь на рукаве рубашки, Туров пояснил, что у него из носа кровь текла, вот и испачкался. Парень казался неадекватным, но повода задерживать его не было, и в конце концов Турова отпустили.

В тот день Смолин несколько раз звонил дочери. В час пятнадцать дня она сообщила, что едет к нему. Дорога занимала самое большее сорок минут, поэтому в три семнадцать он вновь позвонил. Телефон оказался отключен. Отец, само собой, начал беспокоиться. На следующее утро, так и не дозвонившись дочери, он обратился в полицию.

Машина Софьи находилась на стоянке, сама девушка исчезла. Похоже, последним ее видел случайный водитель. Полицейские осмотрели местность в указанном районе и в кустах рядом с дорогой нашли кусок ткани красного цвета. В тот день на Софье была красная куртка. Там же обнаружили клочок волос и пятна крови. Экспертиза показала: это кровь

Софьи Смолиной. Однако, несмотря на все поиски, труп девушки до сих пор не найден. Выяснилось еще одно обстоятельство: накануне Софья была у врача и узнала о своей беременности.

Тут я поразмышляла немного и набрала номер сестрицы.

– Чего тебе? – голосом мученицы осведомилась она.

– Что за хрень? – удивилась я в ответ. – Я чего-то не поняла или нет никакого убийства, а есть без вести пропавшая девушка?

– В самую точку, сообразительная моя.

– Ага, – кивнула я. – А чего тогда Туров в тюрьме делает?

– Дочитать до конца терпения не хватило? При виде оперов он попытался скрыться, да так рьяно, что одному бедняге сломал руку. Короче, оказал сопротивление, за что сейчас и отдыхает в местном санатории. Симпатий к нему все это не добавило. Девушка исчезла почти месяц назад. Требований о выкупе не поступало. Плюс обрывки одежды, ее кровь и волосы. Ни у кого никаких сомнений: в живых ее нет. А труп он мог спрятать.

– Когда? Его же менты останавливали.

– Менты, те, что были на патрульной машине, в кусты не полезли. Туров мог вернуться позднее, вечером или ночью, и спрятать труп. Только у него был повод разделаться с девчонкой.

– И какой? Ее беременность?

– Для некоторых повод не хуже других. Алименты платить не хотел... потому что жмот.

– А чем он вообще занимался? В деле об этом ничего.

– Вроде программист, сам себе командир. Если интересно – узнай поточнее, а я спать хочу.

– Еще вопрос, и я от тебя отстану. Кто видел, как они ссорятся на дороге, и позвонил в полицию?

– Мужчина не пожелал назвать своего имени.

– А звонил откуда?

– Из телефона-автомата, который находится в деревне Воронки. Надеюсь, тебе известно, что во всех населенных пунктах нашей Родины теперь обязательно должны быть телефоны, и, как ни странно, некоторые из них работают.

– Получается, что у Турова времени совсем не было. Он убил девушку и оставил тело возле дороги. И только потом за ним вернулся. Довольно глупо, учитывая, что труп могли обнаружить, а его самого замести.

– Время у него все-таки было, примерно минут пятнадцать. Он же сказал, что возвращался за девчонкой, на это и ушли те самые пятнадцать

минут. В реальности он мог никуда не уезжать, спрятал тело и покати́л домой. И знать не знал, что кто-то позвонил ментам, ведь, по утверждению Турова, ни одна машина мимо не проезжала.

– Одну машину он вроде бы видел на перекрестке...

– Скорее всего мужчина, который ею управлял, как раз и позвонил. К тому же Туров не ожидал, что его ДПС остановит. Но его остановили. Кровь на рукаве заметили. Значит, если тело найдут, менты тут же о нем вспомнят, что, собственно, те и сделали. Поэтому надо было тело спрятать. Вот он ночью и вернулся, логично предположив, что наши люди шевелиться не охочи, Софью начнут искать не сразу, ну и так далее.

– Ты уверена, что убил он? – спросила я.

Агатка довольно долго молчала, я терпеливо ждала, не желая ее торопить.

– Не знаю, дорогая сестрица. Вполне мог, но...

– Но?

– Не хотелось бы ошибиться.

– Какая разница? Нам его по-любому защищать, – хмыкнула я.

– Разница есть, и большая, дубинушка стоеросовая. Невинный человек не должен оказаться в тюрьме, в этом смысл нашей профессии.

– А сколько виновных, которым удастся счастливо отмотаться от срока, – съязвила я.

– И такое, к величайшему сожалению, бывает, – покаянно произнесла сестрица. – Чтоб совесть нас с тобой не мучила, ты и займешься расследованием, и самым тщательным образом все выяснишь. Я в тебя верю, дерзай.

– Последний вопрос...

– Уже был.

– А как же общее руководство? – напомнила я, и сестрица смилостивилась.

– Валяй.

– А если убийство адвоката все же связано с этим делом? И танцевать бы следовало от него?

– Может, еще придумаешь, как связано? Судя по бумагам, Елисей не особо себя утруждал. Его смерть вызвала бы подозрения лишь в одном случае: Туров не убивал, а Елисей напал на след истинного убийцы, но в деле нет и намека, что кто-то страстно желал, чтобы Софья исчезла.

– Допустим, наследство. У нее отец известный писатель, а у известных писателей деньги должны водиться.

– Согласна. В той части, где речь идет о деньгах. У тебя широкое поле

деятельности, что меня только радует.

И, забыв попрощаться, что, впрочем, ничуть не удивило, Агатка повесила трубку. А я, подперев щеку рукой, продолжила чтение.

Утром, едва проснувшись, я сразу направилась к столу, где с вечера, а если быть совсем точной, с ночи, лежали мои записи, и, прихлебывая из чашки кофе, скоренько их проглядела. План следственно-разыскных мероприятий, как съязвила бы сестрица. Для начала надо встретиться с людьми, которые хорошо знали Турова и исчезнувшую девушку, по неведомой причине называть ее «убитой» не хотелось, хотя в ее гибели, судя по всему, никто уже не сомневался.

Начать я решила с подруги Софьи. Подругам девятнадцатилетние девушки зачастую доверяют куда больше, чем родителям. Для начала я позвонила. Ира Маклакова, так звали подругу, долго не могла взять в толк, что мне от нее нужно. Я заподозрила бурную ночь или хроническую бестолковость, но тут она, наконец, буркнула:

– Ладно, приезжайте. – И назвала адрес. Он не соответствовал тому, что был в деле, но это не удивило.

Спустившись во двор, я направилась к своей машине. Волка, то есть сыщика, как известно, ноги кормят, но свои я решила поберечь. Беготни намечалось много.

Ира, как выяснилось чуть позже, снимала квартиру вместе со своим бойфрендом. Звали его Евгений Клопов, и с Туровым они оказались друзьями. Я позвонила в дверь и принялась ждать, потому что никто открывать не торопился. Наконец дверь распахнулась, и я увидела девушку лет двадцати с небольшим, в коротком халатике и с полотенцем в руке, мокрые волосы рассыпались по плечам.

– Вы Ефимия, да? – спросила она, увлеченно меня разглядывая. Я кивнула и поспешила войти в квартиру. – У меня тут не прибрано, – нисколько не смущаясь, сказала Ира и кивнула в сторону единственной комнаты.

«Неприбрано» весьма мягкое определение. Даже для меня, хотя я в чистюли никогда не лезла, Агатка с ее страстью к порядку начала бы морщиться, а мама и вовсе пришла бы в ужас. Вся одежда, что водилась у Иры, развешена, разбросана и раскидана по всевозможным поверхностям и прямо на полу. Правда, встречались скомканные мужские носки, толстовки большого размера, которые Ире точно бы не подошли, так что выходило: в создание хаоса принял участие и бойфренд, следовательно, здесь царит гармония и молодым людям можно лишь позавидовать.

Сбросив с кресла ворох одежды, Ира предложила мне сесть, сама устроилась на диване, села по-турецки прямо на джинсы и шелковую блузку и на меня уставилась.

– Можно вопрос? – спросила с улыбкой. – Как вас обычно зовут, не Ефимией же? Имя у вас редкое, – торопливо добавила она.

– Ага, – я согласно кивнула. – Зовут меня Фенькой, сестра – Фимкой, так что у вас есть выбор.

– Может, мы на «ты»? А то чувствую себя как на допросе.

– Здорово достали?

– Да не то чтобы очень... Все это... тяжело. Соня – моя подруга. Но к Дене я очень хорошо отношусь. И точно знаю, он не убивал.

– Откуда такая уверенность?

– Он хороший парень. Добрый. Всегда всем готов помочь. Его друзья одно дело замутили, так он им деньги дал, просто так, без процентов и расписок.

– Что за дело?

– Компьютерный клуб. Они все на играх помешаны.

– Где этот клуб находится?

– На Пирогова, рядом с университетом, в подвале... Там вывеска есть.

– А какие отношения у них были с Софьей?

– Ну... – девушка вздохнула. – Последнее время, если честно, не очень.

– А поточнее?

– Кто-то в Интернет фотки выложил. Сонька там в чем мать родила, и... в общем, дерьмо фотки, если ты понимаешь, о чем я... Сонька утверждала, что это фотомонтаж, но мало кто поверил. Один раз она сама фотки выложила с голой грудью и вместо трусов листочек фиговый, вроде это так называется. Венеру изображала. На ее страничке такого понаписали насчет Венеры, мама не горюй. Само собой, Дене это не понравилось. И то, что о его девушке пишут, и то, что Соня фотку выложила. Она ее удалила, но осадок остался. И тут опять. Само собой, Денис решил, что это она сама. А потом появилась фотка, где она на коленях у какого-то парня, и тот, как и она, голый. Его лица не видно, а ее очень даже хорошо.

– Фотография на ее странице появилась?

– Ага. «ВКонтакте». И подпись, в том смысле, что Сонька добрая девушка и никому не отказывает. Это, кстати, полное вранье. Она не такая. Может, с фотками в прошлый раз она начудила, но насчет парней железно. Мы с ней не раз разговаривали, и она придерживается мнения, что, если у девушки есть парень, на других смотреть нечестно. Сначала надо

расстаться, а потом заводить другие отношения.

– Разумно, – кивнула я. – Значит, Соня утверждала, что фотографии – это фотомонтаж?

– Да. И я ей верю. Фотки мерзкие, кто ж будет себя в таком виде выставлять, в здравом уме, я имею в виду. Но попробуй это мужикам доказать, когда они заведутся.

– А Денис завелся?

– Еще как. Они здорово поскандалили. А тут еще выяснилось, что Соня беременна. Представляешь? Само собой, если верить фоткам, вовсе не факт, что ребенок Дени.

– Постой, – перебила я, – когда ты о беременности узнала?

– Ну... примерно за неделю до того, как она пропала.

– Но Соня была у врача накануне...

– И что? Она при мне делала тест на беременность. Вот в этой самой квартире. А к врачу пошла, потому что думала делать аборт. Деня очень злился из-за фоток, и она не хотела, чтоб он ее всю жизнь попрекал.

– Отцовство сейчас устанавливается просто...

– Само собой, но от разговоров-то куда деться? Не будет же Деня каждому козлу объяснять, что ребенок его и все это враки?

– Значит, Соня собиралась сделать аборт?

– Не знаю, – вздохнула Ира. – Собиралась, но... на самом деле она хотела сохранить ребенка, и если б Деня настоял...

– А что Деня?

– Не знаю. Они без конца ругались. Но он ее не убивал. Это просто бред. Зачем ему? Допустим, он ее бросил. Допустим, она родила, и это его ребенок. Он бы платил алименты и виделся бы с ребенком, вот и все.

– Может, он просто ее ревновал. Ударил, не рассчитал и...

– Кто кого ударил, еще вопрос, – произнесла Ира.

– Подожди, есть свидетельства, что Денис с ней плохо обращался, избивал ее.

– Избивал, – хмыкнула Ира, – это слишком. Мог влепить пощечину, когда доставала. Сонька, она взбалмошная. Могла сцену ревности на пустом месте закатить. И сразу по морде. Да еще кулаком. Совершенно дикая. Характер такой. Ну, Денис сначала терпел, а потом терпелка кончилась. Дал сдачи. Но пощечину, и только. Чтоб там кулаком – никогда. А она еще больше заводилась. Он ее за руки схватит, тряхнет как следует, рявкнет: «Хватит, дура!» – ну, она малость потрепыхается и остынет. Мне хвалилась, что после этих стычек секс у них просто улет. Очень может быть: она его нарочно травила, чтоб потом кайф словить.

– Может, на дороге она тоже кайф ловила, – вздохнула я. – А он подустал и вlepил ей по-настоящему?

– Не знаю, – нахохлилась Ирина. – В жизни всякое может быть, но Деня не убийца. Если чего и вышло, то нечаянно. И прятать тело он бы не стал...

– Да? А кто от ментов сбежать пытался?

– А ты там была? И видела, как все происходило? Они ж с ним так разговаривали, точно уже знали: он – убийца. Кому ж в тюрьму хочется, особенно если невиновен. Мент думал его скрутить, да не на того напал. Вот и все...

– Понятно. А давно они были парой?

– Денис с Сонькой? Около года.

– А ты ее давно знаешь?

– Лет пять. Она к отцу на лето приезжала, у моих предков дача рядом, на озере как-то и познакомились.

– А кто их познакомил с Денисом?

– Я, то есть на самом-то деле мой парень. Мы в одном университете учились, только он уже на последнем курсе. Познакомились в столовке, так смешно... – Она взглянула с сомнением, точно прикидывая, стоит ли об этом рассказывать и решила: «не стоит», чем очень порадовала. Денис и Софья интересовали меня куда больше. – Ну а потом Женька меня с Деней познакомил. Женька – мой парень, – пояснила она. – Мы из универа шли, а Деня подъехал. Довез до дома. Мы встречались время от времени, а когда Сонька приехала, я ей про него рассказала, и она тут же попросила: познакомь. Хотя у нее тогда парень был. Может, не совсем парень, в смысле, они встречались, но никакого секса не было, так, по-дружески, а Деню она даже никогда не видела...

– А как она объяснила свой интерес?

– Да никак. Я рассказывала, как мы на байдарках ходили вместе с Деней, фамилию его назвала, а она очень заинтересовалась: что за парень, где живет, чем занимается? Даже про родителей спросила. Как будто я знаю, кто его родители. Мне своих за глаза хватает. Теперь вот и Женькины. Мама Лиза чуть не каждый день прибегает и пилит, и пилит, то не так, это не эдак... Нормально, а? Мы для чего квартиру снимаем? Чтоб нам жить спокойно не давали? Своей я запретила сюда таскаться. Ей дай волю...

– И ты их познакомила? – перебила я.

Ира взглянула с некоторым удивлением, успев потерять нить беседы.

– Кого? А, ну да... познакомила. И я тебе скажу, Сонька сама ему

на шею вешалась. В смысле, инициатива от нее исходила. Дене она поначалу не очень понравилась, хотя заинтересовался сразу...

– Это как понять? – уточнила я.

Ира задумалась.

– Сама не знаю. Вроде у них какие-то общие интересы возникли, а уж потом личная симпатия. Ага. Сонька своего парня бросила, и вскоре они с Деней стали парой. Вот так.

– Я видела его фотографию. Не скажешь, что он симпатичный.

– Не скажешь. Но и Сонька не то чтобы красавица, если ты об этом. К тому же внешность у мужика не главное. Деня парень с мозгами. И с деньгами.

– Деньги откуда, если он нигде не работает?

– Почему не работает? Он программы пишет. Ему то и дело из Москвы звонят, звонили... всегда какая-нибудь халтура подворачивалась. За игру ему бабки большие предлагали.

– За какую игру? – не поняла я.

– Они компьютерную игру придумали, стрелялку... и вроде кто-то хотел ее купить.

Тут я почувствовала чье-то присутствие, повернула голову и увидела стоявшего в дверях парня, чуть старше Ирины. Вошел он совершенно бесшумно, не знаю, как много он успел услышать, но наш разговор ему явно не понравился.

– Привет, – хмуро бросил он, поняв, что его присутствие уже не тайна.

– Женя, – нараспев произнесла девушка, улыбнулась и поднялась ему навстречу. Обняла молодого человека и поцеловала легко, едва касаясь губами его губ, он тоже улыбнулся, но в том, как парень поспешно отстранился, чувствовалось раздражение. – Ты чего рано? – спросила Ира.

– На тебя не угодишь, – проворчал он. – То рано, то поздно. – И выразительно посмотрел на меня.

– Это Ефимия, адвокат Дени. Она его защищать будет... – добавила девушка несколько смущенно.

– А куда прежний адвокат делся или вы вместе работаете? – в голосе мужчины слышался вызов, то ли я ему по какой-то причине не нравилась, то ли адвокаты вообще.

– Прежний адвокат погиб, – ответила я.

– Ни фиги себе, – ахнула Ирина.

А бойфренд уточнил:

– На машине разбился?

– Судьбой друга вы, я так понимаю, не особенно интересуетесь, –

усмехнулась я, это очень не понравилось Евгению.

– В смысле?

– В смысле, что в Интернете вовсю обсуждают убийство адвоката Нилова. Вы, кстати, с ним встречались?

– Ну да... – кивнул парень весьма неохотно. – Один раз встретились, он про Дениса расспрашивал, что да как... я не знал, что его убили. В Интернете торчать времени нет.

– Друга навестить времени тоже не остается?

Парень вдруг покраснел и смущенно отвел взгляд, возможно, покраснел он от злости на меня, но хотелось верить, что это совесть пробудилась. Тут вновь заговорила Ирина:

– Ни фига себе... ты чего ж мне сразу не сказала про адвоката. А кто его убил?

– Тем же вопросом задаются в правоохранительных органах, – ответила я, но Ирина так и таращила глаза, ожидая продолжения.

– И чего? – спросила она, так и не дождавшись.

– Ищут.

– Убийцу?

– Догадливая. Было бы здорово еще и свидетелей найти.

– Вы что, думаете, его из-за Дени убили? – хмуро поинтересовался Евгений.

Хотя тот же вопрос я совсем недавно задавала Агатке, сама восприняла его настороженно:

– А было за что?

– В смысле? Черт, – теперь он разволновался не на шутку и вроде бы даже испугался. – Я адвоката видел один раз. Дня через два после того, как Дениса арестовали.

– Вот я и думаю, что такого мог знать адвокат? – симулируя глубокие размышления, заявила я.

– Между прочим, мы в последнее время с Деней мало общались. Я очень занят и...

– Скажи, как, по-твоему, Денис любил Софью?

– Что? А-а... не знаю.

– То есть вы подобные темы не обсуждали?

– Почему же... иногда...

Ирка, судя по выражению ее лица, готовилась высказаться весьма красноречиво, однако гнев ее относился вовсе не к болтливости бойфренда.

– Они любили друг друга, – отрезала она.

Евгений едва заметно поморщился.

– Мне Деня ничего такого не говорил.

– Как это? – ахнула Ира.

– Между прочим, сначала она ему вообще не понравилась, – запальчиво произнес бойфренд. – Она за ним бегала, на шею вешалась, а он только посмеивался.

– Ничего она не вешалась, – рывкнула Ирка и топнула ногой. – Может, скажешь, я тоже за тобой бегала?

– Да при чем здесь ты? – Он повернулся ко мне и жалобно продолжил: – Соня попросила познакомить ее с Туровым. Он согласился без особой охоты. Потом она звонила несколько раз. Деня встречаться с ней не спешил, но потом...

– Потом они оказались в одной постели, она забеременела, и он ее убил?

Молодые люди переглянулись, Иркино лицо скривилось, казалось, она сейчас разрыдается, а Женька замер, вытаращив глаза.

– Что ты рассказал адвокату? – быстро спросила я.

– Я? Ничего, – он уже кричал. – То же самое, что и вам... тебе. Деня встречался с Сонькой, они стали любовниками и этого не скрывали, а кто там кого любил или не любил, я понятия не имею. Иногда парни живут с девушками просто потому, что им так удобней...

– Потом расскажешь, – угрожающе заявила Ира.

А бойфренд тяжело вздохнул:

– Черт... все как-то по-дурацки.

– Это точно. Надеюсь, вы понимаете, если в том же духе начнете давать показания в суде, закопаете своего приятеля на счет раз. Теперь вопрос. Друзья у него есть? Я имею в виду настоящих друзей, которым он доверяет не только свои деньги, но и мысли.

– Зря ты так... – после минутной паузы, в продолжение которой Ирка давилась слезами, а сам Женька сурово хмурился, произнес он. – Мы нормально к нему относились... в смысле, дружески и... кто знал, что так получится? Все в шоке...

– У нее подруга была, – быстро заговорила Ира. – Настя Медовая... смешная фамилия, да? Они с ней с детства... Если у Соньки были тайны, Насте она бы их точно доверила.

В деле не было никакого упоминания о Насте, это я помнила совершенно точно. Выходит, Нилов о ней не знал? Туров тоже не знал или предпочел о ней промолчать, считая, что от секретов Софьи больше вреда, чем пользы. Да и были ли секреты?

– Телефон Насти знаешь? – спросила я.

– Конечно, только она сейчас в Таиланде. В каком-то монастыре медитирует. Она каждый год на месяц уезжает. Звонить бесполезно, я уже пробовала, хотела рассказать, что с Соней случилось.

– То есть, когда Софью убили, Насти в городе не было?

– Уехала за пару дней до этого. Она скоро вернуться должна.

Я записала номер и на всякий случай позвонила, мобильный Насти отключен.

– Я же говорила, – пожала Ирка плечами.

– Ладно, спасибо за содержательную беседу, – кивнула я, сделала вид, что собираюсь уходить, и, точно вдруг вспомнив что-то, обратилась к Женьке: – Ты знаком с ребятами из компьютерного клуба?

Вот этот вопрос ему однозначно не понравился.

– Ну да. Знаком.

– Где их найти?

– В клубе.

– Имена у них есть?

– Конечно. Виктор Мелехов и Игорь Злобин.

– Спасибо.

Я направилась к двери, Женька последовал за мной.

– Не подумай, что я... – торопливо забормотал он, когда я уже взялась за дверную ручку.

– Что ты? – не дождавшись продолжения, уточнила я.

– Никто из нас не верит, что Деня убил. Глупости. И дело не в том, любил он Соньку или нет. Он просто на такое не способен. Убийство вызывает у него отвращение. Он даже от дальнейшей разработки игры отказался, хотя компьютерщик классный. Он против насилия в принципе.

– Но девушку свою иногда колотил.

– Это другое.

– Правда?

– Черт, – он покачал головой. – Сонька была чокнутой. Может, зря я это говорю, но вовсе не любовь их связывала. А что-то другое... Нехорошее, – он долго подбирал слово, и то, что произнес, ему явно не нравилось, он поморщился, снова чертыхнулся сквозь зубы. – Я даже подумал, может, она в какой-то секте? И его втянула? Он не раз хотел ее бросить... Я при Ирке не стал говорить... Хотел ее бросить и опять к ней возвращался, точно околдованный. И ребенок ни ему, ни тем более ей был не нужен. Какой ребенок? Сонька сама недавно в школу бегала, и Деня... Он всегда был аккуратен, это он мне сказал, а она... как будто нарочно забеременела.

- Так он знал о беременности?
- Само собой.
- И когда Соня ему сообщила?
- За несколько дней...
- Это точно?
- Конечно. Я с ним разговаривал дня за два до этого, и он все знал.
- А что за история с фотографиями?

Женька вновь покраснел и торопливо пожал плечами.

– Я знаю только то, что Ирка рассказала. В Интернете фоток даже не видел. Если думаешь, что Деня из-за фоток... чушь собачья. Да ему все равно...

– Все равно, с кем она спит?

– Никакой любви там не было, – перешел он на шепот, косясь в сторону гостиной на случай приближения Ирки. – Когда ты про адвоката сказала, я подумал: может, правда секта? Они умеют за собой подчищать.

– Не увлекайся боевиками, – серьезно сказала я и, наконец, покинула квартиру.

Да, загадали мне загадку: не было никакой любви, а было... что? Если честно, я с самого начала не очень-то верила в ссору на почве ревности с последующим убийством, хотя объяснить причину своих сомнений затрудняюсь. Назовем это интуицией. И убийство Елисея в версию следствия никак не вписывалось. Вопрос: с какой такой стати я считаю, что Елисея убили вовсе не из-за содержимого его бумажника, золотых часов и прочих приятных вещей, до которых так охочи безработные наркоманы?

Выбравшись на улицу, я немного потопталась возле подъезда, без всякой радости обозревая двор: лужи и прошлогоднюю грязь. Небо серое, лица у прохожих унылые.

– Весна, – пробормотала я и козой запрыгала к машине, стараясь не промочить ноги.

Клуб «Илион» расположился в подвале пятиэтажки. В подвал вела лестница, выложенная мраморной плиткой. Кованый козырек над входом и вывеска «Илион». Вывеска расцвечена огнями и в темноте должна выглядеть весьма привлекательно. Впрочем, сейчас тоже неплохо. Спустившись по роскошным ступеням, я потянула на себя тяжелую дверь и вскоре оказалась в большой комнате, заставленной компьютерами. В настоящее время здесь находилось человек семь мужчин разного возраста, от очень юных до тех, кто вполне мог быть кому-то дедушкой.

Меня это удивило: я считала, что времена компьютерных клубов давно прошли, у каждого дома по паре планшетов, даже я обзавелась... И теперь размышляла: это я отстала от жизни или приبلудившиеся сюда граждане?

Боковая дверь открылась, в комнату вошла девушка с длинной косой (еще один анахронизм), в руках у нее была кружка со свежесваренным чаем, аромат заполнил все пространство вокруг.

– Привет, – кивнула она, окинув меня взглядом, в котором сквозил вопрос. – Чем помочь?

И стало ясно, в оригинале вопрос должен звучать так: «Тебе-то что здесь надо?»

– Виктор или Игорь здесь? А лучше оба?

– А-а... – девушка вроде бы собралась что-то спросить, но передумала и молча указала на дверь.

Я интеллигентно постучала и, не дожидаясь ответа, вошла в комнату. Мужчины сидели за придвинутыми вплотную столами лицом друг к другу. В комнате имелся еще один стол с ноутбуком и стопкой папок, аккуратно сложенных, чтобы не развалились. Третий стул пустовал, сидящие на двух других одновременно взглянули в мою сторону.

– Здравствуйте, – с оптимизмом начала я. – Меня зовут Ефимия, я адвокат вашего друга.

Мужчины переглянулись, то ли об адвокатах не слышали, то ли гадали, что у них за друг такой.

– С Денисом Туровым вы, надеюсь, знакомы? – подсказала я.

– Да, конечно. – Один из мужчин поспешно встал и пододвинул мне стул.

Я устроилась поближе к пустующему столу, чтобы держать в поле зрения обоих.

– Виктор, – представился тот, что подал мне стул, и кивнул на товарища. – Игорь. Мы слышали о том, что случилось... Значит, вас назначили вместо Нилова.

– Мой босс пошла на это добровольно.

– Кто, простите?

– Завьялова Агата Константиновна, я на нее работаю. А она теперь адвокат вашего друга.

Фамилия им ничего не сказала, вот бы сестрица удивилась.

– Если нужна помощь, мы...

– Нужна, нужна, – закивала я. – Расскажите мне об этом клубе.

– О клубе? – внезапно ожил Игорь, до той поры молчавший.

Надо сказать, парни были молоды, обоим не больше двадцати пяти,

хотя они из всех сил старались выглядеть солидно. Оба в костюмах. Игорь даже в галстуке. Костюмы не самые дешевые. Один обут в ботинки желтого цвета, второй в кроссовки. На шее Игоря шелковый шарф, на запястье красная нитка. Виктор рубашке предпочел оранжевую футболку. Им бы у Берсеньева поучиться. Этот даже в их прикиде наверняка выглядел бы сокрушительно. Парни же смотрелись скорее комично. Претензия на стиль, которого в помине не было. Виктор, ко всему прочему, оказался круглолицым, с глазками-пуговками и по-девчачьи пухлыми губами. У Игоря лицо бледное, вытянутое, кончик длинного носа смешно вздернут. Я разглядывала их, а они меня. Наконец, взаимный осмотр мы закончили, и Виктор, откашлявшись, заговорил:

– Что конкретно вас интересует?

– Все. Когда открылись, как идут дела... какую сумму вам ссудил Туров...

Мои вопросы им не понравились, они продолжали переглядываться, точно вели молчаливый диалог, решая, что делать.

Тут в комнате появился еще один мужчина, старше лет на семь, в джинсах и куртке с капюшоном, бросив короткое «привет» и чуть задержав взгляд на мне, он пересек комнату и распахнул дверь в соседнее помещение. Дверь была узкой, я решила: там гардеробная или туалет, но мужчина вошел в комнату, сплошь заставленную компьютерами и прочей техникой. Впрочем, у меня было слишком мало времени, чтобы как следует все разглядеть.

– Мы открылись полтора года назад, – торопливо заговорил Виктор, точно очень не хотел, чтобы я проявляла интерес к той самой комнате. – Дела идут неплохо... собираемся расширяться. Что касается денег... вас, видимо, ввели в заблуждение. Мы не брали у Дениса денег в долг, на самом деле мы компаньоны. Он вложил деньги, идея была наша.

– Какая идея? – удивилась я.

Они вновь переглянулись. Эта игра в переглядки начала действовать мне на нервы.

– Я неверно выразился... мы непосредственно занимаемся клубом, а Денис получает свой процент... точнее, шестьдесят процентов, сорок мы делим на троих. Хотите взглянуть на документы?

– Очень хочу, – кивнула я.

Виктор, не поднимаясь с кресла, достал из стоявшего рядом сейфа папку и протянул мне. Я бегло просмотрела ее содержимое. Что ж, на первый взгляд все вполне ясно и законно. Печати и подписи на своих местах, проценты прописаны. Однако возвращать бумаги я не спешила,

неторопливо их перелистывала, пытаясь решить, в чем подвох. В том, что он есть, я почему-то была уверена. Четвертым членом команды оказался Евгений Клопов, бойфренд Ирины, что совсем не удивило. А вот подозрения только увеличило.

– У Дениса есть свой экземпляр, – не выдержал Игорь.

– Не сомневаюсь. – Я вернула документы и улыбнулась, стараясь разрядить обстановку, атмосфера не то чтобы сгущалась, но дружеской ее точно не назовешь.

– Как его дела? – заговорил Виктор. – Когда его выпустят?

– Пока не знаю.

Игорь криво усмехнулся, а я продолжила:

– Что вы можете сказать об их отношениях с Софьей?

– Нормальные отношения, – пожал Витя плечами. – Иногда ссорились... как все.

– На личные темы мы не говорили, – запальчиво произнес Игорь. – Да и работой Денис не очень интересовался. Инвестировал деньги, получал свой процент от прибыли, и...

– А что с прибылью?

– Миллионерами в ближайшее время не станем, – улыбнулся Виктор. – Но, в общем-то, мы довольны. И перспективы есть. Я ведь сказал: собираемся расширяться. Вы не ответили: как дела у Дениса? Его действительно подозревают в убийстве?

– К сожалению, другие версии пока всерьез не рассматриваются.

– Я не верю, что Денис это сделал. У него внешность дворовой шпаны, но на самом деле он интеллигентный человек и...

– Он ее бил?

– Никогда ничего подобного не слышал.

– Есть свидетели, что незадолго до убийства они поссорились и Денис ее ударил.

– Дать пощечину и бить – не одно и то же, – сказал Витя. – Это оказался единственный способ ее успокоить. У Сони была настоящая истерика. Мужчины не выносят истерик.

– Надо запомнить.

Он вновь улыбнулся. Похоже, я ему нравилась. Чего нельзя сказать об Игоре, этот смотрел исподлобья и вроде бы боролся с искушением высказаться весьма критично.

– Денис не ангел, но он не убийца, – повторил Виктор.

– Тогда давайте вместе подумаем, кому выгодно исчезновение Софьи.

– Понятия не имею. С ней мы знакомы не то чтобы хорошо... иногда

вместе проводили время, но, как это обычно бывает, болтали о пустяках. Я даже не могу вспомнить о чем. Лично мне трудно представить, кто мог желать ей зла. Впрочем, о таких вещах вообще не думаешь, пока что-то не произойдет. Это не могло быть случайным убийством? Ее сбила машина, водитель испугался и спрятал тело?

– Возможно, – пожала я плечами. – Лично я вовсе не уверена, что Софья погибла.

Виктор нахмурился, не понимая, куда меня вдруг понесло, а Игоря мои слова прямо-таки поразили, он замер, не сводя с меня настороженного взгляда.

– А что же тогда?

– Она могла уехать, никого не предупредив. Софья беременна, отношения с Денисом далеко не безоблачны плюс эта история с фотками. Кстати, таким ребятам, как вы, наверное, нетрудно вычислить того, кто выложил снимки в Интернет.

– Это сделал далеко не дурак, следы замечать умеет. Единственное, что мы смогли, – удалить их, но... многие успели фотографии увидеть.

– Отличный повод покинуть город.

– То есть, вы считаете, Соня просто сбежала? – в крайней растерянности пролепетал Игорь. Не понятно, порадовали его мои слова или, наоборот, огорчили.

– Не просто. У Дениса теперь неприятности. И будут продолжаться до тех пор, пока Софья не объявится.

В тот момент я была почти уверена: все так и есть. Девчонка сбежала, разозлившись на бойфренда, который не захотел признать, что ребенок от него. Клочок куртки, кровь... свидетель, видевший ссору на дороге. Свидетель особенно беспокоил. Неужто она всерьез решила упечь Турова в тюрьму и с этой целью обзавелась сообщником? Страшитесь, мужики, женщин в гневе.

Однако в конце концов появиться ей придется, и тогда неприятности обеспечены уже ей. Но обиженные девушки в ее возрасте об этом, само собой, не думают.

– Разумеется, – продолжила я. – Где-то она должна найти приют. Друзья, о которых родители ничего не знают... Родственники отпадают, к ним они наверняка уже обратились.

– Мы не знаем ее друзей, – быстро произнес Игорь и нахмурился. – Только Иру Маклакову, она их с Туровым, кстати, и познакомила. Софья не отвечает на звонки и в Интернет не выходит...

– Логично, учитывая, что ее цель убедить всех в том, что она погибла.

– По-вашему, она спятила? – возмутился Виктор. – И на родителей ей наплевать?

– По опыту знаю, о родителях юные обиженные девицы вообще не думают.

– Вам виднее, – кивнул он, я было решила, что просто от язвительности не удержался, но судя по его физиономии, говорил вполне серьезно. – Это что ж получается: у Дени неприятности, а Сонька где-то сидит да посмеивается?

– Сидит пока Деня...

– Почему вы думаете, что она жива? – резко спросил Игорь и вдруг смутился.

– Тела нет, – пожала я плечами.

– Его могли спрятать.

– Могли. Или оно само спряталось.

– Я не понимаю, почему вы так решили? Просто ищете способ оправдать Турова?

– Вообще-то это моя работа.

– Но... если ее не найдут, вы не докажете...

– Точно. Как не смогут доказать и факт убийства.

– И Турова выпустят?

– Надеюсь. А вы в этом не заинтересованы? – напрямую спросила я.

– Знаете что... – возмутился Витя.

А Игорь буркнул:

– Вы спятили.

– Тела нет, а неприятности у парня есть. В таких случаях компаньоны всегда на подозрении. Это я к тому, что вам следует мне помочь в обретении истины. – Я положила визитку на стол. – Звоните, если что-то вдруг вспомните, – и направилась к двери, весело им подмигнув, чем окончательно сбила с толку.

В соседней комнате меня ждал сюрприз. Когда я проходила мимо девушки-администратора, она жестом фокусника сунула мне в руку скомканный лист бумаги. Я едва его не выронила от неожиданности. Девушка покосилась в сторону двери, из которой я только что вышла, и быстро приложила палец к губам. Шпионские страсти вызвали у меня прилив бодрости и оптимизма – вдруг да и удастся раскрыть страшные тайны в один день?

Направляясь к машине, я развернула бумагу и прочитала: «Через полчаса на углу». Полчаса не бог весть какой срок... Вряд ли на мою машину обратили внимание Витя с Игорем, но светиться здесь не стоило.

Неподалеку я заметила кафе и решила ждать там. По счастливой случайности из окна кафе угол здания, в котором находился клуб, был виден отлично. Я заказала кофе, не спеша его выпила и начала поглядывать в том направлении.

Вскоре появилась девушка. Закурила, оглядываясь, а я, расплатившись, отправилась к ней.

– Может, в кафе поговорим? – предложила я, поравнявшись с нею.

– Времени мало, я покурить отпросилась, могут хватиться в любой момент... Я ваш разговор подслушала, вы дверь прикрыли неплотно. Деня хороший, а эти – гнусы, Витька вообще-то ничего, а Гоша и Женька – полные уроды. Я бы уже давно от них ушла, да некуда. Гоша в Соньку втрескался по уши. Это все знали, догадывались. Он когда ее видел, тупей тупого становился. Но Сонька только на Деню смотрела, то, что она с кем-то еще, – враки. Руку на отсечение давать не буду, но Сонька не такая. Видно ж человека. А сбегать запросто могла. Она с прибабахом. За Деней она точно тенью ходила с самого начала.

– Как хозяйева друг к другу относятся, живут мирно? – спросила я.

Девушка криво усмехнулась:

– Какое там... На Деню у них большие обиды.

– Не знаешь почему?

– А чего тут знать? Из-за денег, конечно. Гоша с утра до вечера трындит, мол, Деня деньги огребает, а вкалывают они.

– А что там с игрой? – вновь задала я вопрос. – Вроде бы они придумали новую игру, и ее хотят купить за большие деньги?

– В играх я не очень. И ничего об этом не слышала.

– В соседней комнате полно компьютеров и еще какой-то техники...

– Ага. Там Женька постоянно ошиивается, и еще один парень, вы его сегодня видели. Запомните главное: Деню они терпеть не могут, а он хороший, поняли?

– Ты о компрометирующих Софью фотках знаешь?

– Еще бы, – фыркнула девушка, отбрасывая сигарету. Светящейся дугой она пролетела с полметра и упала в трех шагах от урны, девицу это заботило мало. – Имела счастье взглянуть, – продолжила она.

– Как считаешь, это мог сделать, например, Игорь? Чтобы поссорить Софью с Туровым?

– Откуда ж он фотки взял? Хотя Сонька-то вопила, что это подделка. Сейчас что угодно можно сляпать, а с их способностями... но если девушку любишь, не станешь ее подставлять. Ведь так? Разругается она с Туровым, к тебе метнется от безнадеги, а фотки гуляют в Интернете. Но теперь это

фотки твоей девушки.

– Н-да... – кивнула я.

– Если Соньку кто-то из них подставил, то не Гоша, а скорее Женька.

– А куда Сонька могла сбежать, по-твоему?

– Ну, вы спросили... Откуда мне знать? Как считаете, – тут она вздохнула, – Деню посадят?

– За что?

– Все болтают: он Соньку убил. Не мог он.

– Уверена?

– Конечно, – запальчиво ответила девушка, посмотрела в сторону клуба и поморщилась. – Мне пора. И так скажут, что половину рабочего дня на улице проторчала. Вытащите Деню... – Она вновь вздохнула и припустилась к входу, а я побрела к машине.

Как раз в этот момент зазвонил мобильный. Взглянув на дисплей, я поторопилась ответить, потому что звонила сестрица, а на звонок начальства положено отвечать немедленно.

– Ты где? – задала Агатка неизменный вопрос, на который так и подмывало ответить «здесь», но работодатели этого не любят, и я бодро отрапортовала: – Возле дома номер семь по улице Пирогова.

– Это далеко от проспекта Космонавтов?

– Не очень... а что у нас на проспекте?

– На проспекте у нас я. Сижу в кафе «Каприз». Встречалась с одним типом. Дуй сюда, пообедаем вместе. Заодно расскажешь, как успехи.

Хвастать было нечем, а вот есть хотелось, о чем свидетельствовало легкое урчание в животе. Я торопливо загрузилась в свою «Ауди» и вскоре уже подъезжала к «Капризу». И еще только выходя из машины, заметила сестрицу. Она сидела за столиком у окна. Преодолевая расстояние от парковки до входа в кафе, я с удовлетворением отметила: все проходившие мимо мужчины на сестрице взгляд задерживали. Надо сказать, в тот день выглядела она весьма эффектно, я даже заподозрила, что тип, с которым встречалась Агатка, не так уж ей безразличен. Но тут же подумала, что скорее всего это мои фантазии. Сестра не из тех, кто ищет новые отношения, не покончив со старыми, а покончить с Берсеневым у нее пока получалось плохо.

Увидев меня, Агатка махнула рукой, а я, на ходу снимая пальто, направилась к столику, еще раз отметив, как хороша сестрица. Строгий черный костюм и алая губная помада в сочетании с модной стрижкой придавали ей такой шик, что просто дух захватывало.

– Ты создаешь пробки на улице, – повесив пальто на стоявшую рядом

вешалку и садясь напротив сестры, сказала я.

– Припарковалась «по-хамски»?

– Не угадала. Мужики млеют от твоей красоты.

– Только замуж никто не зовет, нет бы маму порадовать. Я тебе треску заказала, нормально?

– Сойдет. С кем встречалась?

Агатка махнула рукой, давая понять, что время на это тратить не стоит, и тут же задала свой вопрос:

– Как прошло утро?

– Без великих открытий.

– Жаль. Нобелевская премия нам бы не помешала.

– Мне бы и просто премия в радость...

– Ты же не хочешь разорить сестру?

– Хочу, но не имею возможности.

Нам принесли рыбу, мы приступили к трапезе, продолжая разговаривать вопреки завету мамы, что еда и болтовня несовместимы, и, наверное, именно по этой причине получали особое удовольствие и от того и от другого.

– Встретилась с друзьями-приятелями Турова, которые упоминаются в бумагах Елисея. Все в один голос твердят – убить он не мог.

– На то и друзья, – пожала Агатка плечами.

– Вроде бы он в Софью не особо был влюблен, – продолжила я. – А вот она души в нем не чаяла. Даже знакомство с ним – ее инициатива.

– Чему удивляться? Мужиков на планете меньше, чем баб, слышала о такой пакости природы?

– Краем уха. Тут вот еще что. Трое умников решили заняться бизнесом, была у них идея, но не было денег, зато они нашлись у Турова. Он вложил, и теперь шестьдесят процентов фирмы у него. И этим, конечно, компаньоны недовольны, потому что кто-то что-то купить у них собирается за приличные деньги.

– Ты бы завязала гадать на кофейной гуще, а узнала конкретнее...

– Если конкретно, то есть компьютерный клуб и показания сотрудника этого самого клуба, что компаньоны на Турова зубы точат, причем один из них влюблен в Софью. Фотки кто-то из них мог выложить в Интернет, спровоцировав скандал.

– И мог убить девушку? – подхватила Агатка. – Чтоб счастливо от дружка избавиться? Бабло, что они там пият, того стоило?

– Ну, ты сама всегда говоришь: убить могут и за меньшее. Однако есть еще версия: Софья сбежала.

– От кого?

– Не от кого, а по какой причине. Где у нас Туров? Правильно, в тюрьме. Неприятности ему обеспечены, даже если тела не найдут.

– А осерчала деваха до такой степени, потому что он не порадовался известию о ее беременности.

– Типа того.

– Вторая версия мне нравится больше. Надеюсь, у тебя есть догадки, где девчонку искать.

– Есть идея. Пригласим экстрасенсов. Они ткнут пальцем в карту, и мы узнаем.

– За такие идеи премию ты будешь ждать долго.

– Да? А мне нравится.

– Сегодня со следаком говорила, который расследует убийство Елисея. В тот вечер Елисей встречался со Смолиным-младшим, то есть с единокровным братом Софьи.

Я так и замерла с приоткрытым ртом, не донеся треску до места назначения. Должно быть, выглядела при этом забавно, потому что Агатка весело фыркнула.

– По-твоему, это что-то значит? – спросила я, откладывая вилку в сторону. К тому моменту у меня имелись две версии, и обе я только что изложила. Сама тяготела ко второй, куда менее кровавой. И тут вдруг выстроенная мною картина мира летит к чертям собачьим.

Сестрица пожала плечами:

– Может, значит, а может, нет. Елисей со Смолиным-младшим большие приятели, даже ухаживали за сестрами-близняшками и думали породниться.

– А как же сексуальные предпочтения Елисея?

– Сестры были из очень состоятельной семьи. Предпочтения предпочтениями, а карьеру делать надо. Но до родителей дошли слухи о шалостях Нилова, и ему дали от ворот поворот. Смолин женился на одной из сестер, однако, брак продлился недолго. С Елисеем они продолжали видеться не то чтобы часто, но приятельские отношения поддерживали. Смолин узнал, что Елисей представляет интересы предполагаемого убийцы его сестры, вот и решил поговорить. Надеялся, адвокат сможет убедить Турова рассказать, где тот спрятал тело. Девушку надо похоронить и все такое... очень за отца переживает.

– Странно, что Елисей взялся за это дело, учитывая их дружбу со Смолиным.

– Ну, во-первых, все-таки не дружбу, а приятельские отношения,

во-вторых, адвокаты – народ непритязательный.

– Это я знаю.

– Не смей хамить сестре. Слушай дальше. – Агатка отодвинула в сторону тарелку, промокнула губы салфеткой и, подперев щеку рукой, принялась катать по столу вилку. У сестрицы уйма скверных привычек, но никому и в голову не придет делать ей замечания. А вот меня учат жизни все кому не лень. Налицо двойные стандарты. – Смолин позвонил, они встретились в ресторане торгового центра, Елисей заверил, что считает Турова невиновным, намекнул, что Софья могла сама сбежать. Смолина это не удивило, о сестре он мнения невысокого. Они простились, Смолин пошел домой пешком, решив прогуляться, а Нилов спустился на парковку, где вскоре и был убит.

– Надо бы встретиться с этим Смолиным, – вздохнула я, думая о том, как несправедлива судьба: поставь Нилов машину там, где есть камеры видеонаблюдения, и я была бы избавлена от головной боли. – Все-таки странное место грабители выбрали для нападения, – подумала я вслух.

Агатка вновь пожала плечами:

– Дяди с толстым бумажником по темным улицам не ходят.

– Где этого Смолина искать-то? – проворчала я.

А Агатка ответила:

– Чего его искать? Он директор телекомпании, двигай на работу. Назовись родительской фамилией, и тебя допустят к телу. Такие, как Смолин, власть уважают.

– Какие такие? – съязвила я.

– Вот и узнай, – широко улыбнулась сестрица, которой язвительности тоже не занимать.

– А к писателю я могу заявиться? Все-таки он гуру отечественной литературы и все такое... читала в Интернете. Живет затворником.

– Явное преувеличение. Живет он с третьей женой, охотно принимает приглашения на все тусовки, а вот книжек у него давно не выходило.

– И откуда ты все знаешь? – вновь не удержалась я.

– Отгадай, и за обед заплачу я.

– Ты за него и так заплатишь. Твоя сестра на мели, так что чао, дорогая.

Агатка засмеялась и попросила официанта принести нам кофе.

– Не спеши, – сказала мне великодушно. – Попьем не торопясь кофейку и поговорим о чем-нибудь приятном.

Вот тут-то и выяснилось, что с приятным в нашей жизни что-то не так: то есть наблюдается острый дефицит, потому что темы не находились.

Агатка пробовала заговорить о премьеры в областном театре, но мне она на фиг была не нужна. Я подумала и сказала, что Берсенев куда-то подевался. Вряд ли это приятная тема для Агатки, хотя как посмотреть.

– Появится, – отмахнулась она и сердито нахмурилась.

– Побегу к Смолину, – сказала я и спешно ретировалась.

Выйдя на улицу, я еще раз взглянула в окно, за которым сидела сестрица. Взгляд ее был устремлен вдаль, поверх моей головы, она и сейчас казалась мне очень красивой и вместе с тем одинокой, отделенной от всего мира окном, как рамой.

– Я тебя люблю, – сказала я вслух, чем ввела в смущение проходившего мимо молодого человека.

Офис телеканала, которым руководил Смолин-младший, находился неподалеку, прикинув и так и эдак, я решила дойти до него пешком, по крайней мере, не надо будет голову ломать, где машину поставить. С парковкой там полный швах. Бодро перескакивая через лужи, я преодолела переулок и вскоре уже подходила к проходной. На входе сидел охранник и читал, припрятав книжку на коленях, должно быть, думал, что из-за стола ее не увидят. Когда-то я тоже так думала, пока учитель географии ее не отобрал. Вернул только после уроков, и я часа три изнывала от нетерпения, потому что произошло это безобразие в самый неподходящий момент: вот-вот должна открыться страшная тайна, о чем я мечтала триста страниц.

Дядька вскинул голову и, не меняя позы, спросил, к кому я. Вспомнив, что у меня здесь полно друзей, я назвала одну из фамилий. Дядька кивнул, попросил паспорт и аккуратно переписал мои данные в журнал. Я, кстати, когда-то тоже работала на телевидении, хотя и на другом канале... Давненько это было. Самое время произнести что-нибудь малоутешительное о быстротечности жизни. Паспорт мне вернули, я прошла через турникет и направилась по коридору, поглядывая на двери с табличками. Если память мне не изменяет, кабинет директора где-то в конце коридора.

Тут одна из дверей распахнулась, и я увидела Надьку Сафронову, давнюю приятельницу.

– Фенька, – удивилась она. – Ты как здесь? А чего не позвонила?

– Мне ваш Смолин нужен, – ответила я. – Сестрица работой загрузила.

– У Смолина сейчас Эдгарыч, наш финансовый, это надолго. Пойдем в буфет, времени вагон.

И мы пошли в буфет. Кофе явно был лишним, но я усердно его пила,

дабы компанию не портить, в трепетной надежде, что Сафронова поведает что-то исключительно интересное, а главное – полезное в моем расследовании.

– Ты вроде похудела? – спросила Надька, я и раньше толстой не была, оттого пропустила мимо ушей замечание, которое иные могли счесть за комплимент.

– Расскажи мне про Смолина, – предложила я.

– А чего о нем рассказывать? – удивилась подружка. – Мужик как мужик.

– Да? Себе подобными, случайно, не интересуется?

– Да ты что? – ахнула Надька. – Он два года назад с женой развелся. Прикинь... А мы все гадаем...

Надька всегда так, стоит ей тему подкинуть, и словесный поток уже не остановишь.

– Фенька, а ты мне не вкручиваешь? – вдруг нахмурилась она. – Смолин ни одной юбки не пропускает. Неужто маскируется?

– У него в друзьях был тип, который не маскировался, оттого и спрашиваю. Давай отвлечемся от его постельных предпочтений и поговорим о том, какой он человек, к примеру.

– Нормальный. Я бы даже сказала хороший. Бабник – жуть, и баб своих всегда пристроит, но я бы на это возражать не стала.

– К тебе тоже подкатывал?

– Не-а. В чинах мы небольших, нас не замечают. Да мне и так хорошо, если честно. Работа не бей лежачего, зарплатка дохленькая, зато папа небедный. Еще бы замуж выйти – и буду в полном ажуре.

– То есть руководитель он толковый?

– Ну... если б не родитель его, так высоко вряд ли бы поднялся. На его место желающих пруд пруди. Но наш губернатор к его папуле на чай ездит, президент в прошлом году к нам наведалься и тоже к папе заглянул. Короче, сидит крепко, и все, кто хочет здесь работать, с этим считаются. Смолин-старший программу ведет «Разговоры запросто», видела?

– Нет.

– И не надо. Учит нас, как обустроить Россию, чужие лавры покоя не дают. Рейтинг дохлый, но никто об этом даже не заикается. А в остальном дела идут неплохо, команда слаженная, все работает как часы, если и есть трудности, то мы их преодолеваем. В будущее смотрим с оптимизмом. Сейчас Смолин с начальницей финансового отдела замутил. Все гадают, окрутит она его или он из силков выскользнет. На корпоративе под Новый год их уборщица засекла. До этого кадровичка

с ним крутила. Мужа бросить собиралась. Ну не дура ли? Если будет у меня когда-нибудь муж, я его беречь стану. Но как-то все дохло, Фенька, а у тебя?

– То же самое.

– Может, сваху какую найти?

– Давай. Если что, адресок скинь.

Я попробовала вернуться к разговору о Смолине, но проблемы личной жизни интересовали Надьку куда больше. На счастье, через прозрачный пластик, отделявший кафе от коридора, подружка увидела тучного дядю неопределенного возраста и заявила:

– Эдгарыч к себе потопал.

Я торопливо поднялась, решив, что, если Смолин освободился от посетителя, надо этим срочно воспользоваться. Оставила на блюде купюру, чтоб Надьку не обременять, и припустилась по коридору. Сафронова решила еще кофе выпить.

Приемная была просторной, но выглядела довольно скромно. За столом сидела дама в очках и печатала на компьютере с фантастической быстротой.

– Вы к Льву Геннадьевичу? – спросила она без улыбки, но вполне доброжелательно.

– Да. Моя фамилия Завьялова. Завьялова Ефимия Константиновна. Адвокат.

– Вы дочка Константина Викторовича? – уточнила тетка и улыбнулась краешком губ. Знай наших. Агатка права: принадлежность к известной фамилии легко открывает все двери.

Секретарь направилась в кабинет начальника, а я, поглядывая на нее, принялась гадать, почему Смолин не взял на ее место длинноногую девицу старшего школьного возраста. Тетка незаменимая, просто поленился или была еще какая-то причина?

– Прошу вас, – сказала секретарь, пошире распахивая дверь.

Кабинет Смолина чуть больше приемной, богатством не потрясал, а вот вкус у хозяина точно был. Или у того, кто помогал ему здесь обустроиться. Ничего лишнего и все на своих местах. Смолин сидел за столом, формой напоминающим запятую. При виде меня поднялся и даже пошел навстречу.

– Ефимия Константиновна? Рад знакомству. Смолин Лев Геннадьевич. – Широким жестом он указал на два кресла возле окна, дождался, когда сяду я, и сел сам. – Татьяна Ивановна сейчас чаю принесет. Или вы кофе предпочитаете?

– Лучше чай.

– Отлично. Одно время я кофе чересчур увлекся, давление стало подскакивать, пришлось вернуться к нашему традиционному напитку.

Пока он говорил, я улыбалась и его разглядывала. Девять женщин из десяти назвали бы его красавчиком. Высокий, подтянутый, итальянский костюм в тонкую полоску подчеркивал достоинства фигуры. Волнистые волосы блестели, как напомаженные. Он был похож на агента 007 в исполнении Броснана, взгляд с прищуром и голливудская улыбка. Смолин отлично знал, какое впечатление производит на женщин, и наверняка этим пользовался. Ладно, все мы не без греха. Я, к примеру, пользуюсь фамилией папы, которая уже давно не моя.

Татьяна Ивановна принесла на подносе чай и конфеты в вазочке, но Смолину их показалось мало, и он достал коробку из своего стола: что-то очень нарядное и наверняка дорогое. Я рассыпалась в благодарности, он предлагал не стесняться. Мы продолжали болтать о пустяках, пока я не решила, что светская беседа затянулась. Только собралась сообщить, зачем пожаловала, как Смолин меня опередил.

– Вы теперь адвокат Турова?

– Да. У Нилова с сестрой была договоренность...

– Ужасная трагедия, – вздохнул Лев Геннадьевич. – Сейчас вот думаю: если б я с ним поехал...

– Кстати, а почему вы в тот вечер были без машины?

– Стараюсь больше двигаться. Кабинетная жизнь здоровью не способствует. С работы и на работу хожу пешком. Я живу всего в четырех кварталах отсюда. По городу тоже стараюсь пешком передвигаться. Машина, конечно, есть, и личная, и служебная. Шофера надо бы сократить, от безделья мается, но мужик хороший и до пенсии ему всего четыре года. Вот как-то так... Вы не подумайте, я на Турова зла не держу, и с Елисеем встретился, потому что мой отец... мой и Софьин отец очень переживает. Мне важно было мнение Нилова. Он был уверен – Туров не убивал. И я обрадовался, потому что появилась надежда. Пусть и небольшая.

– Вы часто виделись с сестрой? – спросила я.

– Нет. Если честно, никакой близости между нами не было. Вам ведь известна моя история? История моего появления на свет, так сказать.

Я покачала головой, и это Смолина удивило, а может, и задело. Должно быть, он искренне считал: весь мир должен им интересоваться.

– Я ее расскажу, и многое станет понятно. Мои родители познакомились, когда учились в институте. В то время отец собирался

заниматься наукой. Они встретились на какой-то студенческой вечеринке и полюбили друг друга. По крайней мере, так они решили тогда. Любовь длилась пару месяцев, потом мама забеременела. Отец пришел в ужас, в его планы не входило в ближайшее время жениться и уж тем более обзаводиться орущим младенцем. Он уговаривал маму сделать аборт, и это ее оскорбило, впрочем, как и любую женщину, я полагаю. Просто бросить ее отец не мог, воспитание не позволяло, да и побаивался. От мамы просто так не отмахнешься, ее дед – профессор, доктор медицины, а несостоявшийся тесть – проректор того самого института, где отец тогда учился... В конце концов мама все рассказала, дома разразился скандал. Отец прибежал с предложением руки и сердца, но мой дед выставил его за дверь. Я думаю, он был прав. Мама перевелась в институт в Москву и, наверное, только выиграла от перемен в своей судьбе. Сейчас она в Америке. Воспитывали меня бабка с дедом, и, поверьте, я был вполне счастлив. Мой дед по отцовской линии узнал о моем существовании, когда мне исполнилось два месяца. Человек старой закалки, он поставил сыну ультиматум: либо он усыновит ребенка, либо в родительском доме ему делать нечего. Так я был избавлен от клейма незаконнорожденного, получив отцовскую фамилию. Против этого родители мамы возражать не стали и видаться со мной отцу не запрещали. Встречи были исключительно редкими, и отца в своем детстве я совсем не помню. Когда мне было двадцать три, бабуля с дедом погибли в горах, ехали на машине, внезапно сошла лавина... Мама уже лет семь жила в Америке, я чувствовал себя чудовищно одиноким. И тут отец пришел мне на помощь. Буквально вытянул меня из депрессии. Мы неожиданно стали добрыми друзьями, и до сих пор наши отношения в этом смысле не изменились. У отца тогда тоже был непростой период. Он развелся со своей второй женой. Кстати, так случилось, что с его первой женой у нас прекрасные отношения. Детей в первом браке у него не было, хотя с Венерой они прожили больше семи лет. Думаю, отец вообще не стремился обзаводиться потомством. По своей сути, он – одиночка, собственное творчество для него куда важнее всех любовей на свете. – Смолин усмехнулся, приглядываясь ко мне, точно проверял реакцию. – В общем, с его второй женой мы разминулись. Софья, правда, в каникулы навещала отца, и мы иногда виделись. Потом она и вовсе перебралась сюда, поступила в местный вуз и жила здесь постоянно. Но разница в возрасте не предполагала особо доверительных отношений.

Я обратила внимание, что о Софье он говорит в прошедшем времени, и задала вопрос:

– Вы считаете, ее нет в живых?

Смолин нахмурился, помолчал немного и пожал плечами.

– Я бы очень хотел верить в обратное. Потому что даже боюсь представить, как отец... – Он развел руками. – Но... все указывает на то, что исчезла она не по своей воле. Разве нет? Кровь, обрывок одежды... и невнятные объяснения Турова... Он ведь не отрицал, что они поссорились.

– Не отрицал, но в убийстве не признался. И тело не нашли. Знакомые характеризуют Софью как девушку взбалмошную. А что вы можете сказать о ней?

– Вы ставите меня в трудное положение. Получается, я помогаю защите ее возможного убийцы...

– Вы помогаете установить истину, – с серьезной миной заявила я. Смолин вздохнул, но возразить не рискнул.

– Она была избалованным ребенком. И очень обиженным. Мать вторично вышла замуж, с отчимом у нее не сложилось, мать она едва ли не возненавидела, вот и переехала к отцу. Нынешняя супруга отца, милейшая Раиса Петровна, ей тоже не нравилась. Софья считала, весь мир должен вращаться вокруг нее, и делить отца она ни с кем не собиралась. Иногда доходило до смешного: я звонил, она говорила, что папы нет дома, а потом выяснялось, что это неправда.

– Как думаете, она способна инсценировать собственное убийство, чтобы досадить возлюбленному да и всем прочим?

Смолин вскинул брови, демонстрируя удивление.

– Очень смелое предположение, – заметил с усмешкой. – И что вас на него натолкнуло?

– Рассказы ее друзей. Так да или нет?

– Не знаю. Если да, я лично устрою ей такую трепку... у отца давление зашкаливает... Надеюсь, она понимает, что делает... Черт, – вдруг выругался он. – Наверное, мне следует желать, чтобы она в самом деле все это инсценировала. Это ведь лучше, чем реальная гибель, но поверить, что она дошла до подобного, очень нелегко. Возможно, он где-то ее удерживает...

– Такой вариант для нее, пожалуй, самый скверный, – сказала я. – Если у Турова нет сообщника или сообщников, Софья в предполагаемом заключении совершенно одна, скорее всего без еды и воды.

– Ужас, – кивнул Смолин и передернул плечами. – Пусть девочка окажется живой, даже если она спятила и затеяла все это, чтобы нас напугать. Хотя очень вероятно, что о других она не думала, желая досадить

Турову. У молодых людей больше одной мысли в голове не удерживается, а эгоизм прямо-таки фантастический. Это я по себе помню. – Он улыбнулся, видимо, ожидая комплимента, типа того, что молодость его по-прежнему с ним, выглядит он замечательно и еще долгие-долгие годы беспокоиться на этот счет ему не придется.

Но вместо этого я с постным видом сказала:

– Извините, что я задаю этот вопрос, но... – Тут я изобразила крайнее смущение и продолжила: – Ваш отец человек заслуженный и, безусловно, не бедный. Софья его наследница. А вы?

С минуту Смолин смотрел на меня, точно не понимая, о чем речь, а потом принялся хохотать. Смех его был вполне искренним, меня так и подмывало присоединиться.

– Вы что, меня подозреваете? – смахнув слезу пальцем с идеальным маникюром, спросил он. – Вы даже не представляете, как далеки от истины. Ни о каком наследстве речи не идет, то есть богатств и в помине нет. Когда-то отец был очень популярен, прославился своей книгой «Прощальная песня», ее до сих пор переиздают. После этого вышло еще шесть книг, но повторить свой успех он так и не смог, хотя они, конечно, тоже хорошо расходились. Но... сейчас в моде другие авторы, другие темы... Отец, признаться, несколько старомоден. Его по-прежнему почитают, уважают, но тираж его последней книги всего десять тысяч. Уверяю вас, это небольшие деньги. Он неважно себя чувствует, на врачей и лекарства уходит львиная доля гонораров. Последние годы я ему материально помогаю. Мои доходы это позволяют. У меня хорошая зарплата плюс дедово наследство: две квартиры в центре, дом и прекрасная дача. Дом и одну из квартир я продал, смог очень выгодно приобрести офисное помещение площадью восемьсот метров и в будущее смотрю уверенно. Все это не трудно проверить. Теперь что касается отцовского наследства. Дом, в котором он сейчас живет, куплен в браке с Раисой Петровной, следовательно, ей и достанется, по крайней мере половина дома уж точно. Как юрист, вы это знаете. На московскую квартиру будут претендовать сразу две жены. По поводу авторских прав ничего не скажу, мы с отцом на эту тему не говорили, но больших доходов они не принесут, это я вам уже сообщил. Что еще? Раритетная «Победа» и «Киа», которую подарил ему я. Свою машину «Ауди» он отдал Софье. Никакой другой собственности у отца нет. Он очень непрактичный человек. К тому же, несмотря на проблемы со здоровьем, я надеюсь, он проживет еще долго, так что идею с наследством выбросьте из головы.

– Как скажете, – улыбнулась я. – С Туровым вы знакомы?

– Нет. В доме отца он не появлялся.

– И, как я понимаю, Софья вам о своих возможных проблемах не рассказывала.

– Правильно понимаете.

– За помощью не обращалась, и где она может быть, если ее гибель лишь инсценировка, вы не знаете?

– Конечно нет. Я никогда бы не позволил... Господи, да я поверить не могу, что она, наплевав на отца... – Он с горечью покачал головой. – Скажу вам честно, я думаю, она погибла. Девчонка хоть и взбалмошная, но не совсем же лишена человеческих чувств? Ее либо Туров убил, либо кто-то из проезжавших водителей. Версия, возможно, сомнительная, но Туров ваш клиент, и с тем, что убийца он, вы вряд ли согласитесь. Допустим, мимо проезжал какой-то псих, увидел девушку в растрепанных чувствах, предложил подвезти. Она села в машину, он стал к ней приставать... что-то в этом роде... не такая уж неправдоподобная версия, если вдуматься.

Я согласно кивнула и задала очередной вопрос:

– С Елисеем вы встретились в ресторане?

Такой поворот Смолина удивил.

– С Елисеем? – переспросил он, точно успел забыть, кто это такой. – Нет. Мы встретились на улице. Я подходил к торговому центру, а он как раз подъезжал. Я сел в машину. Из подземной парковки на лифте поднялись на третий этаж, где находится ресторан. Все это я рассказывал следователю.

– И ушли вы раньше?

– Собственно, из ресторана мы вышли вместе. Но тут же расстались. Я хотел присмотреть подарок крестнице, оттого и выбрал ресторан в торговом центре. Нилов собирался спуститься в продуктовый, он на нулевом этаже. Шутил, что алкоголь в доме кончился. Возле лифта мы и простились.

Вскоре я уже направлялась к своей машине. Версий хоть отбавляй. Софью вполне мог убить Туров, и слова друзей-приятелей мало что значат. Иногда мы уверены, что отлично знаем человека, а потом вдруг выясняется: не знаем его вообще. Следующая версия: Софья сбежала, чтобы Турову небо с овчинку показалось, что, в общем-то, удалось. Софью убили или похитили люди, которым что-то нужно было от Турова. К примеру, его компаньоны с их странной лавочкой. Если Турова упрячут в тюрьму надолго, они найдут возможность превратить его шестьдесят в свои сто процентов. Кстати, версия Смолина тоже вполне сгодится:

случайный неадекватный дядя, подобравший на дороге девчонку. Она заартачилась, он не рассчитал удар – и вот вам труп. Но откуда тогда кровь у дороги и обрывки одежды? Вряд ли проезжавший мимо дядя сразу на нее накинулся. Выходит, они с Туровым не просто ссорились. Он ее избил. Его крови не было, только ее. Значит, и драки не было, уж окорять его Софья могла запросто. Не драка, а именно избиение. И Туров врет, что просто высадил ее и уехал. Все версии следовало иметь в виду, и все они одинаково мне не нравились, а вот объяснить причину этого я была не в состоянии.

Идей более не наблюдалось, и я поехала домой. Помнится, где-то на книжных полках завалялась «Прощальная песня» Смолина. За годы моего здесь проживания книг скопилось достаточно. Наведя ревизию в своей довольно большой библиотеке, книжку я нашла. Заварила чаю и устроилась в кресле, завернувшись в плед. И вдруг почувствовала себя бесконечно счастливой. Ощущение было острым, хоть и мгновенным, и выражалось просто: «жить хорошо». Просто жить, пить чай, сидя в кресле с книжкой.

«Прощальную песню» я читала в юности, помнится, тогда мне книга понравилась. Теперь, после вторичного прочтения, она мне понравилась еще больше. История молодого человека, разлученного со своей возлюбленной. Ромео и Джульетта индустриальной эпохи. Повесть небольшая, двести пятьдесят страниц, и к середине ночи я ее закончила. А потом еще с полчаса сидела, пялясь в стену напротив. Пора было ложиться в постель, завтра на работу. Будильник заведен на половину восьмого, но вместо этого я принялась искать в Интернете следующий роман Смолина. Этот был на четыреста страниц. Ясно дело, за пару часов не прочитаешь. Однако в постель я отправилась с планшетом в руке, решив, что лишний час мало что значит. Освоила я страниц сорок, очень быстро начав клевать носом. Выключила настольную лампу, бросив планшет на стол, и уснула, кажется, мгновенно.

Звонок будильника я проигнорировала, провалялась в постели до половины девятого. Так как меня мучила совесть, приятного отдыха все равно не получилось. Чертыхаясь, я отправилась в ванную, а потом в кухню, прихватив планшет. В 9.10 я позвонила Агатке, уверенная, что она уже в офисе.

- Не возражаешь, если я сегодня не явлюсь?
- Опять батареи прорвало? – усмехнулась сестрица.
- Не угадала. У меня интеллектуальный зуд. Читаю книжку Смолина.
- Впечатлена, но на кой черт она, стесняюсь спросить?

– Собираюсь навестить Софьиного родителя и блеснуть познаниями в литературе.

– Смолин кого попало не принимает, а если скажешь, по какой ты нужде, может запросто в шею погнать. К Турову он вряд ли питает симпатию.

– Все так, – вздохнула я. – Но со стариканом надо встретиться.

– Не такой уж он и старикан. Год назад я его видела на губернаторском вечере, выглядел очень даже ничего. Глянь в Интернете, по-моему, он чуть старше нашего папули.

– Гляну. Так я сегодня на работу забью?

– С последующей отработкой, – фыркнула сестрица и отключилась.

Через пару часов я уже жалела, что лишилась законного выходного, оставшись дома. Вторая книжка Смолина особого впечатления не произвела. Здесь тоже был молодой человек, и несчастная любовь присутствовала, но как-то это не цепляло. Хотя рука мастера, как говорится, чувствовалась.

Бросив книжку где-то на середине, я нашла последний по времени роман Смолина «Красный конь» и быстренько пролистала. Желания погрузиться в чтение так и не возникло. Смолин-младший, должно быть, прав – его отцу не удалось повторить успех «Прощальной песни». Что ж, таких примеров сколько угодно. Все, что было за душой, автор выложил в одном романе, озарений больше не возникало, и последующие книги – перепевы предыдущих.

Я решила на досуге просмотреть остальные книги Смолина и позвонила подружке-журналистке, с намерением узнать, где живой классик обитает в настоящее время.

– Зачем тебе Смолин? – удивилась подружка.

– Автограф хочу взять.

– Гонишь? У него, кстати, дочь недавно исчезла, ты в курсе? По телевизору обращались ко всем, кто ее видел. Подозревают ее парня, он вроде даже в тюрьме.

– Где сейчас Смолин, знаешь? – не выдержала я.

– На своей даче. Поселок Бережки, это на Святом озере. Между прочим, заповедная зона и строить там вроде бы нельзя. Но кому-то можно.

Я была уверена: найти дом Смолина в поселке труда не составит, человек он заметный и доброхоты его жилище укажут. А вот захочет ли классик со мной разговаривать, еще вопрос. К адвокату человека, которого он, возможно, считает убийцей своей дочери, вряд ли возникнут добрые чувства, а врать великому, что я, к примеру, журналистка, как-то

неловко. Хотя я бы, наверное, соврала, да толку мало: нужные вопросы не задашь. И я решила пустить в ход тяжелую артиллерию. Обращаться к папе – пустое дело, а вот мама...

Я быстренько набрала ее номер, мама тут же сурово произнесла:

– Я ведь просила не звонить в рабочее время.

– Вопрос жизни и смерти, – порадовала я. – Ты с писателем Смолиным знакома?

– С этим надутым индюком? На кой черт он тебе сдался?

– Его дочь пропала. Обвиняют нашего клиента.

– Почему мне твой отец ничего не сказал? – рявкнула мама.

– Наверное, пока не знает. Убили адвоката Нилова и...

– Вот именно. Не хватало только, чтобы и вас кто-то убил.

– Мама, – взмолилась я. – Это было ограбление. Грабить Агатку никто не рискнет, а я аппетитов не вызываю. Ты знакома с ним или нет?

– Знакома. Тоже мне, Лев Толстой.

– Одну хорошую книжку он все-таки написал.

– Младенческий лепет. Взрослый мужик – и вдруг эти сладкие сопли.

– А я-то всегда думала, что мои родители романтичны.

– Не морочь мне голову. Жена Смолина редкая дура, но мы с ней вроде бы подружились. На Восьмое марта мне подарок прислала. Книжку ее гения. Я пробовала читать и уснула, хорош подарок. А ему Государственную премию дали. Правда, давно.

– Может, и Нобелевскую дадут.

– Европа – скопище психов, может, и дадут. Звонить этой услужливой бегемотике я не буду, но если передашь от меня привет, в дом тебя пустят.

Мама повесила трубку, а мне осталось только радоваться, что у меня такая прекрасная семья – каждый спешит прийти на помощь.

К встрече я решила подготовиться и просмотрела оставшиеся без внимания книги Смолина. При случае выдам себя за поклонницу его творчества. Сжевав бутерброд и запив его кофе, я переоделась в костюм, подарок Агаты, ибо внутренний голос подсказывал: надо соответствовать.

Святое озеро – место заповедное. Неудивительно, что Смолин выбрал его для постоянного проживания. Впрочем, в это время года там, должно быть, довольно скучно. Зато для работы самое то: сиди, твори, никто не мешает. Да и до города совсем близко, если без пробок, то за двадцать минут доберешься.

Мне повезло, и доехала я за двадцать пять минут. Свернула с шоссе, заведя указатель, и вскоре впереди показались первые дома. Не скажешь,

что особняки, разбросанные вдоль озера, выглядели особенно живописно, зато дорога была образцовой. Я решила отыскать магазин или почту, навести там справки, и тут увидела еще один указатель: скромную стрелку и надпись под ней: «К дому писателя Г. С. Смолина».

– Предусмотрительно, – буркнула себе под нос и проследовала в указанном направлении. Еще три стрелки вывели меня к дому из красного кирпича, крыша из черепицы, невысокий заборчик. В общем-то, все достойно, но я ожидала увидеть жилье побогаче. Вокруг высились настоящие дворцы, и дом Смолина говорил о том, что его хозяин не только велик, но и скромн.

Рядом с воротами оказалась обширная парковка, выложенная серыми плитками, тут же росла рябина. Каким-то фантастическим образом на ней сохранилась гроздь ягод, единственное яркое пятно, украсившее этот серый день. Синоптики в который раз обещали солнце, но оно упорно пряталось.

Я выбралась из машины и направилась к калитке, снабженной домофоном. В этот момент дверь распахнулась, и на крыльце дома я увидела женщину в длинной юбке и шали, которую она запахнула на груди и теперь придерживала двумя руками. По дороге я заскочила в цветочный магазин, букет был у меня под мышкой, я поспешила выставить его вперед, заслоняясь, точно щитом, и громко произнесла:

– Добрый день.

– Вы к Геннадию Сергеевичу? – спросила женщина. – Вам назначено?

– К Раисе Петровне, – ответила я.

Калитка открылась, и я, не теряя времени, поднялась по ступенькам крыльца. Раису Петровну я видела на фотографии в Интернете и сейчас с трудом, но узнала. Она любила наряды с искусственными цветами, тяготела к украшениям, боа и шляпкам с вуалью. Сейчас передо мной стояла женщина скорее деревенская. Короткая стрижка, которую выбрали из соображения удобства, вряд ли в будни Раиса Петровна тратила время на поддержание своей привлекательности. Впрочем, в молодости она красотой тоже не блистала. Тяжелый подбородок, крупный нос, губы узкие, выпирающие надбровные дуги. Глаза смотрели словно с недовольством, впечатление было такое, что она сейчас захныкает. Рот ее и вправду скривился, она собралась что-то сказать, но я, сунув ей букет, опередила.

– Мама просила передать вам привет и наилучшие пожелания. Ой, извините... я не представилась. Завьялова Ефимия Константиновна. Моя мама...

– Августа Николаевна? – выжала из себя легкую радость Раиса Петровна. – Как это мило с ее стороны. Проходите...

Я прошмыгнула в дом, улыбаясь во весь рот и продолжая приглядываться к хозяйке. Она упорно напоминала мне усталую лошадь. И двигалась как-то странно, шагала широко и вбок, а чувство было, что вот-вот перейдет в галоп.

– Значит, вас зовут Ефимия? У вас ведь есть сестра? Адвокат, кажется?

– Да. Мы работаем вместе.

Теперь мы находились в просторном холле. Слева шкаф-купе, прямо напротив старенькое пианино. Возле окна кожаный диван, довольно потертый. Стены увешаны фотографиями. На самой большой Смолин пожимает руку президенту. Снять пальто мне не предложили, и я заподозрила, что меня скоренько выпроводят, оттого и метнулась к фотографиям.

– Боже мой... это на каком-то ужине?

– На вручении Государственной премии, – с достоинством ответила Раиса Петровна и слабо улыбнулась. – После церемонии президент подошел к Геннадию Сергеевичу и разговаривал с ним полчаса. Это не осталось без внимания. Даже в новостях об этом сказали.

– Еще бы... – восхитилась я. – О чем они говорили?

– О судьбе России, естественно. – Супруга живого классика гордо вскинула подбородок.

– Я прочитала все книги Геннадия Сергеевича, – похвастала я. – Он действительно величайший писатель. Неудивительно, что президент так его ценит. «Прощальную песню» я читала восемь раз, некоторые места знаю почти наизусть. Он ведь написал эту повесть совсем еще молодым человеком?

– Она вышла, когда Геннадию Сергеевичу было чуть больше тридцати. Он сам считает ее довольно незрелой.

– Да что вы? Не может быть. Читатели обожают этот роман.

– У Геннадия Сергеевича свое мнение на этот счет... – Тут она взглянула на меня с легким недовольством и неохотно предложила: – Снимайте пальто. Выпьем чаю.

Дважды повторять мне не надо. Определив пальто на плечики, я вслед за хозяйкой оказалась в просторной кухне. Роскошная итальянская мебель в этом доме смотрелась чем-то инородным. Судя по наличию всякой техники, хозяйка любила готовить, впрочем, может, наоборот, хозяин. Но обилие вазочек, рамок с ангелочками, салфеток и прочего намекало, что кухня – среда обитания женской половины семьи.

– Садитесь, – кивнула Раиса Петровна на ближайший стул. Включила электрический чайник, убрала со стола корзинку с вышиванием

и выставила чашки и вазочки с угощением.

– Это вы вышиваете? – тут же уцепилась я.

– Иногда, чтобы нервы успокоить. Сейчас поставлю цветы в воду и будем пить чай.

– Раиса Петровна, – улыбнулась я с максимальной открытостью. – Мне бы с Геннадием Сергеевичем поговорить. Буквально несколько минут.

– Исключено, деточка. Он скверно себя чувствует. Вы ведь знаете, какое несчастье обрушилось на нашу семью?

– Собственно, поэтому я и здесь, – решила я рискнуть. – После убийства адвоката Нилова его дела перешли к нам. Одним из его клиентов был Туров. Мы с сестрой в растерянности. Мама сказала, отправляйся к Раисе Петровне, поговори с ней. Она мудрая женщина.

– Вы собираетесь защищать Турова? – забыв про чайник, задала вопрос Раиса Петровна.

– Собственно, о защите пока речь даже не идет. Не ясно, что вообще произошло.

– Не ясно? А по-моему, очень даже ясно. Он убил Сонечку... – произнося шепотом последнюю фразу, хозяйка покосилась на дверь.

– Но ведь тело не найдено, вдруг Софья жива.

– Если бы это было возможно, – с тяжелым вздохом Раиса Петровна разлила чай, бросив: – Угощайтесь, – кивнула на вазочки и продолжила: – Как только этот негодяй появился на нашей орбите, мы сразу поняли: жди беды. Это знакомство... он с самого начала втерся к Сонечке в доверие, обхаживая ее с одной целью: нанести удар.

– Нанести удар? – переспросила я, не очень понимая, куда заносит супругу гения.

– Конечно. Бедная девочка ни о чем не догадывалась. Ведь у него фамилия отца, а когда все вскрылось, было уже поздно: бедняжка влюбилась. Геннадий Сергеевич очень серьезно ее предупреждал, настаивал, чтобы она немедленно порвала с ним. Но все было бесполезно. Он словно околдовал несчастную. И то, что случилось потом, лично меня не удивило. Все это время я подсознательно ожидала нечто подобное.

– Вы сказали, у него фамилия отца? – спросила я, пытаюсь уловить смысл всего того, что услышала.

– Ну, конечно. Поэтому ему и удалось водить нас за нос некоторое время. Когда мы узнали, все стало предельно ясно.

«Но не мне», – едва не брякнула я.

– Так кем же оказался Туров?

– Он из этой жуткой семейки. Его мать в девичестве Чадова.

– И что? – немного подождав, уточнила я.

– Вы, должно быть, ничего не знаете об этой истории. А ведь она легла в основу романа «Вечер в театре».

– Боже, как интересно. Расскажите, Раиса Петровна, я вас умоляю.

Она страдальчески вздохнула, но в конце концов рассказала.

История в самом деле оказалась затейливой. Началась она еще до революции. Прадед Смолина был предводителем дворянства в наших краях. У него долгое время служил некто Чадов, человек пустой, сильно пьющий. Жена Чадова была в семействе горничной, непутевый муж только благодаря ей не лишился места. Грянула революция, Смолины бежать не успели, жили тихо, стараясь не привлекать к себе внимания. А вот Чадова советская власть возвысила. Он поступил на службу в ЧК. Разумеется, люди с «маузерами» появились в доме бывшего предводителя. Хозяина увезли, и больше его никто из родственников не видел. Уже позднее выяснилось, он был расстрелян через несколько дней после ареста. Жена его вскоре умерла, единственный сын остался на попечении няни. Они переехали в дом ее сестры, и няня предусмотрительно дала ему свою фамилию и даже имя сменила. Но в тридцать седьмом ему все это не помогло. Судьба странным образом свела его с сыном Чадова, который пошел по стопам отца и подвизался в НКВД. В результате отпрыск оказался сначала в тюрьме, а затем в ссылке. Но и на этом все не закончилось. В повествовании появились внуки, а я, успев малость, запутаться в том, кто, когда и за что написал очередной донос, заподозрила, что история бесконечна, но тут Раиса Петровна вдруг замолчала.

– И что было дальше? – посидев немного истуканом, спросила я.

– Дальше? – Раиса Петровна поправила шаль и едва заметно поморщилась. – Они встретились в университете. Чадов и мой муж. Оба были на несколько лет старше других студентов, и оба интересовались литературой. Чадов бросил Литературный институт в Москве, проучившись там год или два, а Геннадий Сергеевич вернулся с целины, где пробыл год. До этого он тоже бросил вуз, технический. Искал себя... Они оказались в одной группе и влюбились в одну девушку. Конечно, она выбрала Геннадия Сергеевича, хотя тогда он был всего лишь студентом и о писательской карьере только мечтал, но не почувствовать, что перед тобой гений, было невозможно. В отместку Чадов ограбил несчастную девушку.

– Ограбил? – повторила я.

– Именно. Проник в квартиру, где она жила вместе с родителями. Родители уехали в отпуск, девушка осталась одна. Грабители избили

несчастную, связали и забрали из дома все ценности. Семья обеспеченная, и пожить там было чем... Брошь работы Фаберже – это не шутка. Грабителей было двое, и одного из них девушка узнала. Им оказался Чадов. Видимо, он понял, что его разоблачат, и сбежал. Между прочим, бросив свою любовницу с ребенком.

– Любовницу?

– Что взять с подобного типа? Он вскружил голову бедной девушке, она забеременела, но Чадов и не думал на ней жениться. А тут вспыхнувшая страсть к Венере...

– Венера – девушка, которая предпочла Чадову Геннадия Сергеевича?

– Да. Его первая жена. Венера Давыдовна. Не скажу, что выбор моего мужа был удачным. Но в молодости ошибки так естественны... Через несколько лет они расстались, но, как люди интеллигентные, до сих пор прекрасно друг к другу относятся. Совсем недавно Венера Давыдовна была у нас в гостях, а Геннадий Сергеевич всегда поздравляет ее с днем рождения.

– Значит, Чадов скрылся, а похищенные ценности где-то всплыли?

– Исчезли вместе с ним.

– Давно это было?

– Больше тридцати лет назад. Сестра Чадова, младшая, вышла замуж и родила сына.

– Это и есть Денис Туров?

– Именно. От этой семейки можно ждать любых пакостей. Разумеется, мы не сразу поняли, с кем имеем дело, не успели вовремя предостеречь Сонечку. Он втерся в доверие, заморочил голову, и все для того, чтобы отомстить.

– Кому? – брякнула я.

– Геннадию Сергеевичу. Как вы не понимаете? Он успешный человек, признанный гений, для них это невыносимо.

– Для них, это для Дениса Турова и его матери?

– Мать умерла в прошлом году. Инсульт.

– А кто-то из родственников остался?

– Возможно, какая-то дальняя родня, не знаю... Не удивлюсь, если Чадов тайно вернулся и науськивает его. Они решили ударить по самому больному, и вот Сонечка исчезла...

– У вас с Софьей были хорошие отношения?

– Она прелестный ребенок. Немного избалованный. Мать не особенно занималась ее воспитанием, а потом попросту спровадила сюда. Было нелегко найти с ней контакт, но я справилась... чего не сделаешь ради

благополучия семьи.

– Когда вы узнали, что она встречается с Туровым?

– Она привела его в дом в день рождения Геннадия Сергеевича. Естественно, муж хотел знать, кто избранник его дочери. Очень доброжелательно стал расспрашивать о семье, о том, чем молодой человек занимается... и... господи, удивляюсь, как обошлось без сердечного приступа. Привести в дом чадовского отпрыска. Бедная девочка не знала, что творит.

– А когда узнала, сразу порвала с Туровым?

– Ничего подобного. Ах, эта молодежь... Софья вообразила себя эдакой Джульеттой, даже бравировала неприличной связью... И вот итог. Меня он не удивил. Вся эта семейка просто скопище монстров... Туров настраивал ее против отца. А еще появились анонимные письма. Я уверена: их писал он. Кто еще?

– Можно об этом поподробнее? – пискнула я.

Раиса Петровна взглянула с сомнением и нахмурилась, видимо решив, что сказала лишнее.

– Подробнее? Мерзкие письма, что о них говорить?

– Туров угрожал вашему мужу? Вы сообщили о письмах в полицию?

– Нет. Муж был против. Он говорил: не стоит обращать внимание на какие-то анонимки. Он даже от меня их скрывал. Я обнаружила этот отвратительный пасквиль случайно. Личную переписку Геннадия Сергеевича я обычно не просматриваю, но конверт выглядел странно, без обратного адреса. До этого я уже несколько раз встречала такие же конверты и решила взглянуть. А там... – она нервно поджала губы, а я спросила:

– Что же все-таки было в письме?

– Гнусные оскорбления. Муж запретил мне упоминать о письмах, но я видела, как он расстроен. Давление подскочило до 180.

– И вы думаете, что письма писал Туров?

– А кто еще? Он начал встречаться с Софьей, и сразу же стали приходить письма.

Лично я прямой связи не видела, но возражать не стала.

– Значит, Софья в конфликте приняла сторону Турова?

– У нее всегда были обиды на отца из-за того, что он развелся с ее матерью. Это не мешало тянуть с отца деньги. Она совсем еще ребенок и не понимала, что является орудием чужой мести. Туров просто ее использовал, нанося удар за ударом. А когда она наконец поняла... он расправился с ней.

– Вы знакомы с кем-то из ее подруг?
– Нет. Геннадий Сергеевич не любит, когда в доме посторонние.
– А мысли, что Софья сбежала от надоевшего ей возлюбленного, вы не допускаете?

– Сбежала, ничего не сообщив отцу? Зная, как это скажется на его здоровье? Если так... если так, она просто сумасшедшая. Нет, я не верю. Конечно, в ней было много упрямства, но... не спятила же она, в конце концов? А потом... там же нашли ее кровь, это совершенно точно ее кровь.

– А если это не более чем инсценировка? – Я тут же пожалела о своих словах, но было поздно. Раиса Петровна нахмурилась, сверля меня взглядом.

– Инсценировка? И кому же она предназначалась?

Отвечать мне не пришлось, мы услышали шаги за дверью, Раиса Петровна вскочила, суетливо огляделась, точно проверяя, все ли на месте, и с неудовольствием взглянула на меня. Дверь между тем распахнулась, и в кухне появился мужчина в вельветовых штанах и светлой рубашке. Благородная седина, тонкий, так и хотелось сказать, аристократический нос, большой рот. И очень светлые глаза. Внимательные, как и положено живому классику. Я, не зная точно, сколько ему лет, щедро отсыпала шестьдесят пять, хотя он должен быть моложе. Супруга старше его, но разница в возрасте между ними не ощущалась.

– Геннадий Сергеевич, – торопливо заговорила Раиса Петровна. – Это Ефимия, дочка Завьяловых...

Я вскочила со стула и полезла в сумку, где у меня лежала книжка Смолина. Сумку я уронила, симулируя волнение. Наверное, переигрывала, но вышло в самый раз. Когда я, протягивая книжку, пробормотала, заикаясь:

– Извините, ради бога, не могли бы вы подписать... – Классик благосклонно кивнул и даже улыбнулся.

– Ефимия? Красивое имя. Мне всегда везло на женщин с редкими именами. – Тут взгляд его упал на обложку, и Смолин спросил: – Еще что-нибудь из моего вы читали?

– Все. Я читала все... и... я так счастлива с вами познакомиться...

Классик вновь улыбнулся и предложил последовать за ним, Раиса Петровна внезапно нахмурилась, переводя взгляд с его физиономии на мою, и отправилась с нами.

Кабинет окнами выходил в яблоневый сад, должно быть, в теплое время года вид из окна неплохой, сейчас же все выглядело довольно уныло. Не только деревья за окном, сам кабинет навевал тоску. Книжные полки

вдоль стен, пишущая машинка, которой точно не пользовались, ненужный чернильный прибор на столе – все атрибуты писательской профессии выглядели музейными экспонатами. Над столом и на столе фотографии Смолина с известными лицами, и ни одной с женой или детьми.

Геннадий Сергеевич открыл тумбочку, стоявшую неподалеку от двери, достал книгу, поставил автограф и протянул мне.

– Лучшее, что я написал.

Я взглянула на обложку. Это был недавно вышедший роман, я успела просмотреть его утром и, честно говоря, не впечатлилась, но гению виднее. Прижав книжку к груди, я рассыпалась в благодарностях.

– Спасибо огромное, – должно быть в пятый раз повторила я, пятась из комнаты. – Извините, что помешала...

Смолин кивнул на прощание, но как-то чувствовалось, что был бы совсем не против, задержись я еще немного, помешав творческому процессу. Против была Раиса Петровна, стоявшая на переднем рубеже и оборонявшая классика от настырных поклонниц.

Закрыв дверь, она вздохнула с облегчением и посмотрела на меня, толком не зная, что со мной делать дальше.

– Я вам так благодарна, – на всякий случай завела я прежнюю песню.

– Ну что вы, дорогая... Извините, мне надо отвечать на письма...

– Да-да, – закивала я. – Уже ухожу.

Все это время о чем-то размышляя, она проводила меня до входной двери и, уже открыв ее, вдруг сказала:

– А что, если она действительно сбежала? Молодежь иногда ведет себя абсолютно иррационально.

– Моя мама того же мнения, – с готовностью кивнула я.

– Если... если вы что-то узнаете, немедленно сообщите мне, – перешла она на шепот и продиктовала номер своего мобильного.

В город я возвращалась, обогащенная историей вражды двух семейств длиной в целый век, подарком от классика и полной неразберихой в мыслях. Говоря попросту, в работе ни на шаг не продвинулась. Вместе с тем обозначились кое-какие нестыковки. По мнению Раисы Петровны, Туров, пылая мстью, втерся в доверие к Софье, а по словам подружки, Софья сама просила познакомить ее с Туровым. Допустим, она его где-то увидела, парень ей понравился и она захотела с ним познакомиться. А Туров, узнав, кто перед ним, решил примерить плащ Зорро? Довольно странно, ведь у Дениса нет повода считать Смолина роковым злодеем. Девушку с гением делил дядя Турова, которого сам Денис даже не знал, раз тот исчез лет тридцать назад. Кстати, надо бы выяснить, что там

за история. И уж совсем непонятно, зачем Турову писать анонимные письма? Я еще понимаю, отправляй он их по электронной почте. Старый дедовский способ с парнем, который на «ты» с компьютером, как-то не вяжется. И что там было, в этих письмах? Хоть бы одним глазком взглянуть. Вдруг угрозы расправиться с дочерью? Вряд ли. Смолин после исчезновения Софьи сообщил бы о них в полицию. Отношения у отца с дочерью, судя по всему, не были особенно доверительными. Софья пригласила Турова на отцовский день рождения – не знала, кто он такой? Или как раз знала и намеревалась досадить папаше, потому и не предупредила Турова, что о его семействе лучше помалкивать. Раиса хоть и назвала падчерицу «прелестной», особой любви к ней явно не питает. Классик занят самим собой, и девчонка наверняка чувствовала себя в этом доме лишней, вот и возникло желание досадить родственникам, заявившись сюда с семейным врагом. Надо поговорить с Туровым. Однако все это и на шаг не приблизило к отгадке: что случилось с Софьей и где она сейчас?

Я тяжело вздохнула, прикидывая, стоит заглянуть на работу и доложить сестрице о полном отсутствии успехов или затаиться? Если победных фанфар не предвидится, лучше не спешить с докладами.

– Подождет до завтра, – решила я, тут же возникла следующая проблема: чем занять остаток дня? Со всеми, с кем следовало, я уже встретилась и, что делать дальше, попросту не знаю.

Я размышляла над своей незавидной долей, когда у меня зазвонил мобильный. Звонил Берсенев, оттого я и поспешила ответить.

– Привет, – сказал он. – Отлыниваешь от работы?

– Не угадал. У меня небольшое, но очень ответственное дело.

– Да? Ты плетешься впереди меня. Может, выпьем кофе и ты поведаешь, что у тебя за дело?

– Ничего не желаю так страстно...

Берсенев засмеялся, а я начала высматривать кафе и вскоре обнаружила совсем неплохое, по крайней мере на первый взгляд.

На парковку мы заехали одновременно. Сергей Львович первым вышел из машины. Полупальто, очки, дорогой костюм. Очень симпатичный парень, ни в жизнь не догадаешься, кто он на самом деле. Кстати, мои собственные догадки были весьма смутными. Одно я знала точно: никакой он не Сергей Львович Берсенев. Несколько лет назад настоящий Берсенев, богатый бизнесмен, не отягощенный родней, отправился отдыхать в Венесуэлу, попал там в автомобильную аварию, а назад вернулся тот, кто сейчас весело скалит зубы, ожидая, когда я выйду

из машины.

Вопреки всякой логике, я испытывала к нему большую симпатию, едва ли не любовь, правда, братскую. Любопытство – распространенный женский порок, я, само собой, попыталась разузнать о своем нечаянном друге побольше, и очень скоро поняла: делать этого не стоит. Если не он сам оторвет мне голову, то непременно постараются его многочисленные враги, от которых он, судя по всему, и прятался под чужой личиной.

Я выбралась из машины и оказалась в его объятиях. Берсенев поцеловал меня в нос, слегка отстранился и сказал:

– Ты невыносимо прекрасна.

– Охота смеяться над бедной девушкой.

Я взяла его под руку, и мы направились в кафе. Очень скоро выяснилось: ничем похвастать кафе не могло, но одно достоинство все же было: в небольшом зале мы оказались вдвоем, не считая скучающей официантки. Берсенев помог мне снять пальто, заказал кофе, протер очки салфеткой, вернул их на нос и весело на меня уставился.

– Валяй, рассказывай.

– Дочь Смолина, – коротко сообщила я, желая проверить его осведомленность.

– Писателя? Девчонку то ли убили, то ли похитили, а подозревают ее бойфренда?

– И нашего клиента, – кивнула я. – Агатка спихнула это дело на меня, ввиду полной его бесперспективности.

– Ага. С такой-то сестрой и враги без надобности.

– Надеюсь, это шутка, – нахмурилась я. – Что ты имеешь против Агатки?

– Ничего. Она прекрасна, а чтобы дело сдвинулось с мертвой точки, должен появиться труп.

– Чей? – брякнула я.

– Все равно, – отмахнулся Берсенев. – Кто угодно сойдет: подружка или сам папаша...

– Это у тебя юмор такой? – разозлилась я, Берсенев продолжал ухмыляться, а я добавила: – У меня две версии: либо Софью убили, чтобы упечь Турова в тюрьму и оттяпать его долю в бизнесе, либо она сама сбежала, чтобы обеспечить парню неприятности.

– Любовь-морковь?

– Ага, Ромео и Джульетта. И нечего скалиться, все так и есть.

Я принялась рассказывать историю вражды, а Берсенев, попивая кофе, насмешливо ухмылялся.

– Для романа сгодится, – кивнул он, когда я закончила. – В реальной жизни из-за этого не убивают.

– Тебе виднее, – съязвила я.

– Вспомни золотое правило: ищи бабло.

– Тогда остается первая версия, – вздохнула я. – Бабло там точно есть, придется заняться компьютерным клубом.

– Давай для начала посмотрим на место предполагаемого преступления, – взглянув на часы, предложил Сергей Львович. – До темноты успеем.

Готовность Берсеньева по первому зову включиться в расследование меня давно уже не удивляла. Он не раз сетовал: жизнь бизнесмена скучна и однообразна. Вот его и тянуло на подвиги, чему я была очень рада. Сомневаюсь, что мне удалось бы довести до конца хоть одно расследование, не будь рядом Сергея Львовича. Эти мысли я держала при себе, но что есть, то есть. Оттого я с готовностью поднялась, Берсеньев подал мне пальто и зачем-то поцеловал в макушку. Заметив мой удивленный взгляд, усмехнулся:

– Извини, не удержался. У тебя вид брошенного котенка, а я с возрастом становлюсь сентиментальным.

– За котенка отдельная благодарность.

Берсеньев предложил ехать на его машине, а мою оставить на парковке. Не успели мы тронуться с места, как он спросил:

– Стас вернулся?

Я поморщилась, давая понять, что вопрос не к месту, но ему, как обычно, было на это наплевать.

– Помнится, ты была настроена весьма решительно.

– Ага. Наверное, он это почувствовал и укатил подальше. Он вроде бы на Гоа и вроде бы надолго.

– Велика вероятность, что к моменту его возвращения твоя решимость сдуется.

– Велика, – не стала я спорить. – Думаешь, это так просто?

– В вашем случае? Не думаю. У меня уже давно возникает желание взять за шиворот этого идиота...

– Давай мы как-нибудь без тебя разберемся, – предложила я. – Много вас, желающих решать чужие проблемы. Может, вспомнишь о своих?

Я думала, он разозлится, но Берсеньев весело хохотнул:

– У меня нет проблем. Ни одной. Самой захудалой и то нет. Бизнес процветает, личная жизнь бьет ключом, даже друзья появились, что уж

вовсе никуда не годится. Не далее как вчера я подумал: может, стоит жениться, нарожать детей?

– На ком жениться? – нахмурилась я. Агатка от этого в восторг не придет. Одно дело, ничейный Берсенев – обидно, но терпимо, и другое – женатый.

– Какая разница? – удивился он.

– Нормальные люди сначала влюбляются, а потом женятся, – проворчала я.

– Так то нормальные. Боюсь только, что от семейного счастья меня куда-нибудь на Гоа потянет.

– Лучше заведи собаку. Родное существо рядом.

– Зачем мне собака, когда есть ты? Правда, у тебя один существенный минус – полное отсутствие уважения к старшим.

– Зато мне не надо делать прививки... Это где-то здесь, – поглядывая на навигатор, сказала я и перевела взгляд за окно. Пейзаж не радовал. Перелесок, поле с комьями перепаханной осенью земли, кустарник вдоль дороги. – Вот перекресток, от него примерно триста метров...

Берсенев притормозил, и вскоре мы вышли из его «Мерседеса».

– За последние шесть минут ни одной машины, – сказал Сергей Львович. – Место оживленным не назовешь. Значит, Туров с подружкой выясняли отношение здесь?

– Ага. Ругаться начали еще в городе, а тут ссора достигла кульминации. Софья потребовала, чтобы он остановил машину, он остановил. Она вышла, Туров развернулся и уехал. Кто-то видел их из проезжающей машины и позвонил в полицию из таксофона, что находится в деревне, она в километре дальше по дороге. Незнакомый сообщил, что парень избивал девушку, но Туров это категорически отрицает.

– Звонил мужчина?

– Да.

Берсенев весело фыркнул.

– Тебя удивляет, что мужчина не вмешался? – нахмурилась я.

– Нет. На фиг кому-то лезть в чужие разборки. Меня удивляет, что он потащился в деревню звонить из таксофона во времена, когда мобильный есть даже у бомжей. Деревня, заметь, находится не на дороге, и чтобы в нее попасть, надо свернуть с шоссе и проехать еще восемьсот метров.

– Откуда ты знаешь? – нахмурилась я.

– Взглянул на навигатор. А ты нет?

– Если честно, не обратила внимание...

– Давай проверим, прав я или нет.

Мы вернулись в машину и проехали дальше по шоссе, вскоре появился указатель. К деревне шла проселочная дорога, не то чтобы скверная, но близкая к тому. На джипе Берсеньева мы проехали без проблем, но машине попроще могло и не повезти.

– Что менты говорят? Кто-нибудь из жителей заметил мужчину, разговаривающего по телефону?

– Там в это время года живут полтора человека. Деревня дачная.

– Никто ничего? – В ответ я только вздохнула.

Таксофон обнаружили в центре деревни, возле магазина, который оказался закрыт. Ветерок трепал объявление на двери, прикрепленное скотчем. Выходить из машины не хотелось, и содержание объявления мы так и не узнали.

– Значит, он нарочно потащился сюда, чтобы позвонить из таксофона? – подумала я вслух. – Дорога здесь тупиковая. Не хотел, чтобы его потом беспокоили полицейские?

– Кому надо его беспокоить, если речь шла о ссоре с рукоприкладством? Или он предполагал, что дело закончится убийством?

– Почему бы и нет? Смотря как ругались, – пожалала я плечами.

Дома по соседству выглядели нежилыми. Берсеньев развернулся и медленно поехал назад. Наше появление интереса не вызвало, ни одной живой души вокруг.

– Местность прочесывали? – вновь задал вопрос Сергей Львович.

– Да. Но вряд ли тщательно. Здесь грязь непролазная. Если Софью убили с целью подставить Турова, зачем прятать труп? Логично оставить его возле дороги.

– Хороший вопрос, – кивнул Берсеньев. – Ты совершенствуешься.

– Еще бы, – фыркнула я. – Когда такие люди рядом.

– Замечательно, что ты это понимаешь. Кстати, пора вспомнить второе золотое правило: то, что кажется очевидным, не всегда верно.

– Кончай умничать, – взмолилась я.

– Нет, ты послушай, – засмеялся Берсеньев. – Обе твои версии строятся вокруг Турова. Либо компаньоны решили его подставить, либо возлюбленная. Так?

– А возле кого их строить, скажите на милость?

– Ключевой фигурой может быть вовсе не он, а девушка.

– То есть с самого начала разделаться планировали с Софьей? – нахмурилась я. – А свалить все на Турова помогли обстоятельства?

– Вот это и предстоит выяснить, – продолжил веселиться Берсеньев.

– Туров сказал, что навстречу ему попала машина, как раз на перекрестке. И других машин он не видел.

– А стоя на перекрестке, – подхватил Берсенев, – очень удобно наблюдать за ссорой парочки, оставаясь незамеченным. Там кусты. То, что происходит на дороге, видно прекрасно, а вот наблюдателя разглядеть нелегко. Впрочем, Турову не до того было.

– То есть, ты уверен, Туров Софью не похищал и уж тем более не убивал?

– Охотно допускаю, что он мог убить ее под горячую руку, а потом спрятать труп. Но наличие свидетеля ссоры сильно настораживает. Особенно такого свидетеля, который позаботился о том, чтобы его не нашли. Но главное, конечно, труп. Его надо спрятать очень быстро. Куда мог податься Туров, чтобы быстренько от него избавиться? Кстати, а куда они ехали?

– В Бережки, к отцу Софьи.

– Почему по этой дороге? Есть другая, гораздо удобнее.

– У Турова джип, а эта дорога короче. Высадив девушку, он поехал в город, потом вернулся сюда, беспокоясь за Софью. Когда вторично отправился домой, его останавливали полицейские и проверяли машину... У него было время, чтобы спрятать труп.

– Кто ж спорит. Но время ограниченное. А спрятать труп не так легко. Зато у того, кто устроил ему неприятности, времени было вдоволь. Когда полицейские начали прочесывать местность?

– На следующий день. А в день исчезновения просто подъехали и убедились, что здесь никого нет. В первый раз они ни крови, ни обрывков одежды не нашли.

– Возможно, их тут и не было.

– Как это? – нахмурилась я.

– Очень просто. Допустим, убийца оставил труп в ближайшем укромном месте. В овраге, к примеру. Овраг-то ты заметила? Позвонил и выждал немного, а убедившись, что рыть носом землю здесь никто не собирается, перевез тело туда, где его уж точно не найдут.

– Но если он хотел свалить убийство на Турова, вся эта суета совершенно излишня.

– Не скажи. Могли быть обстоятельства, которые поставили бы вину Турова под сомнение. А что мы видим сейчас?

– Я – указатель, что мы в город въезжаем, – проворчала я. – Если думаешь, что для меня в этой истории хоть что-то прояснилось, то напрасно.

– Никто не обещал, что будет легко, – засмеялся Берсеньев. – Но интересно – точно.

Мы простились возле кафе, где стояла моя машина, Берсеньев сказал мне «пока» и спешно удалился, потому что какая-то дамочка позвонила ему на мобильный. Понимай, как хочешь: то ли он опять в роли Шерлока, то ли доктору Ватсону предстоит ломать голову над этим делом в одиночку. Кто знает, прав был Берсеньев в своих предположениях или нет, но смятение в мою девичью душу внес.

Я немного посидела в машине, прикидывая все «за» и «против», а также свои дальнейшие шаги. Тут посигналил водитель, которому не терпелось занять мое место, и я покатила, как мне казалось, к дому, но траекторию внезапно сменила. Мысли мои тоже приняли другое направление.

Через двадцать минут я тормозила возле дома, где жил Стас. За это время стемнело, и я могла любоваться его окнами с отраженным в них светом уличных фонарей, который на мгновение приняла за комнатное освещение. Разочарование не замедлило явиться, я разревелась самым глупейшим образом и вспомнила слова Берсеньева о брошенном котенке. Именно так я себя сейчас и чувствовала: никому не нужной, особенно себе.

Наревевшись вдоволь, я отправилась домой и, сворачивая во двор, смогла убедиться, что мои окна, точнее, одно, кухонное, сияет мощностью в сто ватт, и зло чертыхнулась. Некоторое время назад я оставила пагубную привычку прятать ключ под ковриком. И что толку? Кому надо, уже обзавелись ключами от моего жилья. Я поднималась по лестнице и прикидывала возможные кандидатуры. Первым на ум пришел, конечно, Димка, и я чертыхнулась вторично. Прочие кандидаты тоже симпатий не вызывали.

Сердито хлопнув дверью, я прошла в кухню и застала там Димку в компании Агатки. По одному их можно терпеть, но вдвоем, да еще сейчас...

– Где тебя носит? – окидывая меня взглядом, спросила сестрица, а я развела руками.

– Работала.

– А чего глаза красные? – влез Димка.

– От гигантского умственного напряжения.

– А был ли толк? – усомнилась Агатка.

– Вам привет от Сергея Львовича, – сообщила я, сняв пальто и устроившись на стуле, но так и держала его в руках.

Димка поднялся, забрал пальто и определил в прихожую,

а вернувшись, присел передо мной на корточки и стал снимать сапоги. Сестрица закатила глаза, а я спросила испуганно:

– Ты спятил, что ли?

– А кто всегда говорит: нечего грязь по квартире растаскивать? – ответил Димка и вторично направился в прихожую, держа в руках мою обувь.

– Охренеть, – посетовала Агатка и была, конечно, права. Ну, на фига козе баян, а мне эти знаки внимания от собственного пасынка.

– Не уходи, – шепнула я, пока Димка был вдали.

– Боишься не устоять? – съязвила сестрица.

Ломакин вернулся и с видом главы семейства стал разливать чай.

– А вы чего притащились? – проявила я интерес, и мы с сестрой усталились на Димку.

– Я продукты привез, – кивнул он на холодильник.

– Благодетель. Сам же все и стрескаешь.

– Так я и не спорю. Кстати, здесь полно места, и Серега уже давно предлагал жить коммуной. Веселее и по нынешним временам куда дешевле.

– Малахольный твой Серега, – сказала Агатка, а я рукой махнула.

– Топайте отсюда. У меня насыщенная интеллектуальная жизнь, мозг требует передышки.

– Пусть еще немного потерпит. У меня важное сообщение.

Димка с интересом уставился на Агату, хотя, ясное дело, сообщение его не касалось.

– Турову по наследству досталась дача в деревне Приволье, – серьезно заговорила сестра. – Кстати, всего в восьми километрах от места их с Софьей ссоры. Завтра там проводят обыск, разрешение уже получено.

– Дача? – бестолково переспросила я. – А раньше о ней не знали?

– Я точно не знала. Какой-то умник взглянул на карту и решил, что у Турова было время туда добраться.

– Что за Туров? – подхалимски спросил Димка.

– Тебе какая разница?

– Ну... может, помогу чем.

– Потопали, помощник, – поднимаясь со стула, сказала Агатка. – Дадим трудяге возможность восстановить жизненные силы.

Уходить Димке не хотелось, но сестрице редко кто рискует возразить. Они ушли, а я, прихватив планшет, устроилась в кресле. Вызвала на экран карту области. Деревня Приволье действительно оказалась совсем рядом от тех мест, где мы недавно побывали. Логика следователей понятна: Туров

имел возможность спрятать труп на даче. Но зачем? Поведение Дениса, конечно, весьма подозрительно. Кой черт его понесло по этой дороге? И то, что рядом его дача, наводит на размышление. А если там действительно найдут Софью? Эта мысль вызвала нечто сродни панике. Но я и представить не могла, какой сюрприз нас всех ожидает завтра.

Утром мы с Агаткой отправились в Приволье. Настроение у сестры было скверное, и она всю дорогу ворчала, придираясь ко мне, к погоде, к машине... Мы ехали на моей «Ауди», потому что Агатке не хотелось садиться за руль, и машине, точнее, моему «глупому пристрастию ко всякому старью» – это цитата, досталось больше всего.

Когда до деревни оставалось совсем ничего, у меня спустило колесо. Как я после этого не скончалась от сестрициного гнева, остается загадкой. На счастье, мимо проезжал добрый человек мужского пола и детородного возраста. С колесом помог, и пока с ним возился, развлекал нас болтовней на тему «какие красавицы по нашим дорогам ездят». От него моей тачке тоже досталось, хотя его была ничуть не лучше.

Дорогу, по настоянию Агатки, мы выбрали ту самую, которой в памятный день исчезновения Софьи двигался Туров, сестрица хотела взглянуть на место предполагаемого преступления. Граждане из правоохранительных органов, само собой, воспользовались более удобной. В результате в Приволье мы оказались гораздо позднее и, подъезжая к даче Турова, обнаружили толпу аборигенов, чрезвычайно живо что-то обсуждающих.

– Трындец, – прокомментировала Агатка, еще сидя в машине. – Не иначе, труп нашли.

Приткнув тачку возле соседского забора, мы направились к людям в форме, стоявшим отдельной кучкой на некотором расстоянии от основной массы любопытствующих, и я с удивлением обнаружила дорогого друга и одновременно начальника следственного управления в одном лице.

– Этого-то с какой радости принесло? – нахмурилась сестрица, которая в принципе к моим друзьям относилась с прохладцей, а к Перфильеву в особенности. Олег нас заметил, сделал шаг навстречу и с ухмылкой произнес:

– С прибытием.

– По какому случаю демонстрация? – спросила я, взяла и поцеловала его в щеку.

Такая вольность при подчиненных его малость смутила, он крякнул, но улыбнулся шире.

- Нашли останки. Человеческие.
- Твою мать, – сквозь зубы пробормотала Агатка, а Олег, взглянув на нее, усмехнулся.
- Сочувствую. Но, как говорится, ничего не поделаешь.
- А ты здесь с какой стати? – спросила я, Олег пожал плечами.
- Вы что, не в курсе, у кого Смолин в близких друзьях? Дело на контроле у губернатора.
- Какое дело? – хмыкнула я. – Не было никакого дела...
- Теперь уже есть, надо полагать, – вздохнула сестрица. – Где труп нашли?
- На соседнем участке. – Мы переглянулись, а Олег охотно продолжил: – Сосед Турова в прошлом году уговорил его продать кусок земли. Турову она все равно без надобности. Сосед, вон он, кстати, мечется, – ткнул Олег пальцем в толстенького коротышку в куртке нараспашку, легкой рысцой перемещавшегося от одной группы товарищей к другой. Лицо его было багровым, то ли от холодного ветра, то ли от непомерного возбуждения. Мужчина размахивал руками и что-то торопливо объяснял. – Так вот, сосед на этом месте надумал строить баню. Вчера мужики начали рыть яму под фундамент и натолкнулись на какие-то кости. Сообщили хозяину. Тот в костях не силен, это его слова, отложил их в сторончку, решив, что здесь какую-то живность закопали, но сегодня мужики, продолжив работу, нашли череп, который никакой живности, кроме человека, не подходит. Вызвали полицию. Они приехали, а тут как раз и мы подоспели.
- Что за хрень? – возмутилась сестрица. – Какой еще череп? Это ведь не может быть Софья Смолина?
- Не-а, не может. Во-первых, чтоб она предстала в таком виде, надо труп как минимум сварить...
- Перфильев, – прикрикнула Агатка, люди в погонах дружно повернулись в нашу сторону, а Олег весело продолжил:
- Даже навскидку, косточки в земле пролежали лет двадцать как минимум.
- И при чем тут мой клиент? Он в те времена под стол пешком ходил.
- Ни при чем, – замотал головой Олег. – Но кости, даже старые, на помойку не снесешь. Придется разбираться. Оно мне надо? Оттого настроение у меня ничуть не лучше твоего. Участок принадлежал Турову, и вопросы задать ему все равно придется.
- Стал бы он землю продавать, если б что-то знал об этих костях.
- Человеки – существа загадочные, – изрек Перфильев

с самодовольным видом, чем разозлил Агатку еще больше.

– А у соседа насчет косточек вы поспрашивать не хотите?

– Хотим и поспрашиваем. Однако позволь, дорогая, тебя процитировать: знай он о косточках, стал бы там копать?

Нашу содержательную беседу пришлось прервать. К Перфильеву подошел один из его подчиненных, поздоровался с нами кивком и обратился к нему, понижая голос:

– Олег Викторович, можно вас...

Перфильев присоединился к коллегам, и они стайкой направились к дому, нам туда путь был заказан, возле калитки дежурил полицейский.

– Кого же здесь прикопать-то успели? – вслух подумала я.

– Только этого нам не хватало, – фыркнула сестрица. – Клиента подозревают в преступлении, а у него на даче мини-кладбище.

– Может, этот труп в доисторические времена появился?

– Захоронение времен Отечественной? Обошла война стороной наши края, дорогая сестрица.

– Значит, приبلудился кто-то.

Мы видели, как Перфильев с сопровождающими скрылся в доме, и продолжили топтаться возле калитки. От нечего делать я принялась оглядываться. Дача Турова находилась в конце деревни, сразу же за границей участка начинался лес, и дом, единственный на всей улице, стоял в глубине сада. От дороги его отделял низкий заборчик из тонких дощечек, собранных елочкой. Его недавно подновили и даже покрасили. Калитка тоже выглядела вполне прилично, а вот сад давно забросили. Дом когда-то выглядел богато, и сейчас еще довольно крепкий, хоть и не обласканный заботой хозяина. Деревянная обшивка успела посереть. Две пристройки в виде башен. В той, что слева, большая застекленная веранда, справа тоже веранда, но открытая. Козырек крыльца слегка накренился. На окнах плотные шторы. Дом был одноэтажным, окна высоко над землей, но в обеих башнях имелся и второй этаж. Чердак высокий, с круглыми окнами, завешенными тюлью. Возможно, и там были комнаты.

– Неплохое наследство, – прокомментировала я. – Если привести в порядок. Туров у нас сирота? Единственный наследник?

– Ага. Не считая беглого дядьки. Что-то они там зависли, – проворчала сестрица, имея в виду Перфильева. – Не иначе как что-то нашли.

– Пойдем с народом пообщаемся, чтоб не скучать.

Общение с народом не задалось. Сосед Турова громко жаловался на судьбу, остальные внимали, иногда вставляя реплики, не несущие никакой информации. Чуть в стороне стояла женщина лет сорока пяти

и, как и мы, внимательно наблюдала за происходящим. Вдруг подошла ко мне и спросила неуверенно:

– Что он говорит?

– Кто? – буркнула Агатка, приглядываясь к ней.

– Мужчина, с которым вы разговаривали. Он ведь здесь главный?

– А что вас, собственно, интересует?

– Эти кости... правда человеческие? Можно узнать, кто это? Как долго в земле пролежал?

– Установить личность того, кто тут зарыт, будет нелегко. А у вас есть какие-то предположения?

– У меня? Нет, – покачала она головой. – Просто интересно. А вы из города приехали, да?

– Я адвокат Дениса Турова, хозяина этого дома.

– Адвокат? – вроде бы растерялась женщина. – То есть вы его защищать будете?

– Если понадобится, то буду.

– Надя, – позвали женщину из толпы. – Тебя мать ищет.

– Извините, – торопливо произнесла Надежда и быстрым шагом направилась через соседское поле, ноги расползались в грязной жиже, и дважды она едва не упала.

– Странная тетка, – сказала Агатка, наблюдая за ней.

Тут из дома появился Перфильев, заведя нас, махнул рукой, призывая приблизиться.

– Не тяни, – попросила Агата, подсакивая к нему.

– Плохи ваши дела, девоньки, – вздохнул он. – Точнее, не ваши, слава богу, а вашего клиента.

– Неужто труп нашли? – ахнула сестрица.

– Пока нет. Нашли женский шарф, весь в крови. Запрятан был под дрова в сарае.

– Час от часу нелегче, – Агатка криво усмехнулась. – Тебе не кажется, что это подстава? Зачем Турову шарф прятать на своей даче?

– Вот уж не знаю.

– Он же не идиот.

– И этого я не знаю. Может, у него времени не было от улики избавиться. А потом, не мне тебе рассказывать, на какие идиотские поступки способны некоторые наши подопечные. Один красавец ложку проглотил. Ага. Был в гостях у старушки, богатой антиквариатом. Думал, ложка золотая. Оказалось, обычный ширпотреб, да еще из страдальца выходить не хотела.

– Хватит байки травить, – разозлилась Агатка. – Что дальше намерен делать?

– Лично я домой поеду. Жрать хочу. А парням придется все здесь перерыть сверху донизу. Возле кустов, похоже, землю недавно раскапывали. Сейчас бригада прибудет. Вам бы тоже не худо восвояси отправиться, чего на ветру стоять. Люди вы мне не чужие, и я за вас беспокоюсь.

– Нет уж, дождемся, когда твои тут закончат, – возразила сестра.

– Хозяин – барин. Только ждать долго придется. Да и зачем? Найдут чего, ты сразу же узнаешь. Надеюсь, у тебя нет сомнений в соблюдении законности? – ухмыляясь, спросил Олег. Агатка тоже усмехнулась.

– Ни малейшей. Ты ж не дурак подставляться.

– Спасибо за комплимент.

– А что с другой находкой?

– С косточками-то? – покачал головой Перфильев. – Нет бы соседу взять чуть левее... или правее... Отвезут на экспертизу. Ясно, что стопроцентный висяк. А у нас показатели не то чтобы хорошие... Отдельное спасибо твоему Турову. Мало мне звонков от губернатора, теперь еще и труп столетней давности. Ладно, я поехал. Обещаю быть на связи.

Перфильев, стараясь не угодить в грязь, запрыгал к служебной машине, а Агатка выругалась сквозь зубы:

– Надо же, шарф нашли. Улика как по заказу. Интересно, что они еще найдут?

– Свежевскопанная земля наводит на размышления, – пожалала я плечами.

– Думаешь, у парня хватило ума труп здесь спрятать?

– Ну, если спрятал шарф, почему бы и нет... хотя мусорка вон стоит, – кивнула я в сторону контейнера, метрах в тридцати от того места, где мы находились. – Или по дороге мог выбросить... да где угодно мог.

– Да, – вздохнула Агатка. – Молодая поросль сообразительностью не блещет. Чего делать-то будем? В машине засядем или вправду лучше отчаливать?

Народ между тем начал расходиться. Погода сегодня выдалась отнюдь не весенняя. В лучшем случае нулевая температура и ветер, пронизывающий, колющий.

– Может, здесь кафе есть?

– Сомнительно, но спросить стоит.

Мы вновь направились к изрядно поредевшей толпе. Бабулька, кутаясь

в мужскую куртку, взглянула на нас с интересом и громко поздоровалась. Я спросила про кафе, и она охотно вступила в разговор.

– Кафе, милая, есть, но аккуратно сегодня не работает. Марья, хозяйка, юбилей справляет. После обеда гулянка. Кафе, стало быть, закрыто на спецобслуживание. А вы что ж, голодные?

– Мы озябшие. Надо дождаться, когда здесь закончат, вот и хотели чаю попить.

– Так идемте ко мне, – предложила бабка. – Чаем напою. И накормить могу. У меня щи вчерашние и картошка из печки. В кафе вас такой не накормят. Если не побрезгуете, то милости прошу.

– Да нам за счастье...

И мы вслед за бабкой направились по улице.

– Вон мой дом, синей краской крашенный, – кивнула она и продолжила: – Одна живу, хозяин прошлой зимой помер. Дочка в город зовет, да что там делать-то. Да и тесно у нее. Квартирка двухкомнатная, их четверо, еще и я место займу. Пока одна справляюсь, и слава богу. Дочка почти каждый выходной приезжает. И в отпуск. Ребятишки все лето тут... у нас летом красота. Озеро, лес... грибов, ягод сколько угодно...

Вслед за женщиной, звали ее Татьяна Степановна, мы вошли в просторную кухню. Из деревенской жизни здесь была только русская печь. Потолки высокие, под ногами линолеум, кухонный гарнитур и ковровая дорожка. Хозяйка, с гордостью оглядев свои хоромы, скомандовала:

– Располагайтесь, – и кивнула в сторону окна. – Ежели что произойдет, сразу увидим, народ к чадовской даче кинется. У нас людишки страсть какие любопытные.

Мы с Агаткой стянули сапоги, получили взамен самодельные тапочки, сшитые из старых валенок, и, определив пальто в шкаф, стоящий возле двери (еще один городской штрих), устроились за столом. Дача Турова отсюда действительно была хорошо видна. Как раз подъехала «Газель» без опознавательных знаков, и из нее показались четверо мужчин. Один вел на поводке собаку. Агатка вопросительно взглянула на меня, а я пожала плечами.

– Чего хоть ищут-то? – задала вопрос Татьяна Степановна, собирая на стол. Сестра равнодушно пожала плечами.

– Вы же видели, нашли старое захоронение. Земля раньше принадлежала Турову...

– Чадовской вы дачу зовете по имени прошлого владельца? – решила я сменить тему.

– Ага, старший Чадов дачу строил. Дом-то был точно дворец. Это сейчас хоромами никого не удивишь, а тогда... сразу было видно: человек при власти. Болтали о нем разное, это из-за богатого дома, само собой, но для деревни он много хорошего сделал. Газ нам провели раньше, чем другим, а потом и воду. В городе до сих пор есть такие, что за водой на колонку ходят, а у нас давно цивилизация, – чуть ли не по слогам произнесла она последнее слово и засмеялась. – Чадов дачу свою любил, летом жил здесь постоянно, машину за ним из города присылали каждый день.

– А его сын тоже часто приезжал?

– А как же, он с детства тут, и он, и сестра его. Когда старший помер, дом одно лето пустовал, дочка в Москве училась. И сын здесь не показывался. Может, тяжело им тут было, без отца-то. А потом наезжать стали. Одно лето Аркаша постоянно жил, как отец когда-то. Только машину за ним не присылали, – хмыкнула Татьяна, разливая чай.

– Чем он здесь занимался? – спросила Агатка.

– Кто ж его знает? На озеро ходил, по лесу прогуливался, а по ночам на веранде сидел, свет палил. Я среди ночи встану, посмотрю в окно, а свет-то горит. Ни с кем из наших он почти не общался, хотя вежливый был, встретит – непременно поздоровается и даже два-три слова о погоде скажет. Очень парень с виду хороший, оттого мы удивились, когда из милиции приехали да стали всех расспрашивать, что да как, чем занимался, куда делся. А нам откуда знать? Кое-кто из наших болтал, что он деньги печатал, фальшивые. Но, думаю, чепуха это... Потом кто-то сказал, он квартиру в городе ограбил и сбежал. Но это уж вовсе глупость.

– Почему? – нахмурилась Агатка, отправляя в рот очередную ложку брусничного варенья. Кстати, очень вкусного.

– Так где расчет-то? – удивилась Татьяна. – Сколько ж он в той квартире взял? А дом, стало быть, бросил? Дом-то и тогда больших денег стоил. Дом Аркадия был, отец так поделил: квартиру в городе дочке, а сыну – дом. От матери еще одна квартира в городе оставалась, мать к тому времени тоже померла. Это я все хорошо знаю, потому что тогда в правлении работала, наследство Аркадий оформлял, вот и рассказал все как есть. Уж коли деньги нужны были, продал бы дом.

– Не всегда все так просто, – заметила я. – Разные бывают обстоятельства.

– Ну да, на это не возразишь. Но все равно не верится мне как-то. Шпану-то сразу видно, а этот – нет. Гости у него по выходным были. А на неделе – тишина. Писатель знаменитый приезжал... забыла, как его

фамилия, по телевизору то и дело его показывают.

– Смолин, – подсказала я.

– Вот-вот. Только тогда о нем знать никто не знал. Невзрачненький такой, сутулый и росточком невелик. А Аркадий высокий, красивый...

– Говорят, они были влюблены в одну девушку?

– Ну уж этого я не знаю. Девушка точно была, с ним приезжала. А Смолин этот Надьке уж больно не нравился, говорила, противный, над всеми подшучивает, и глаза злые.

– Надьке? – насторожилась Агатка.

– Живет здесь, с матерью-инвалидом. Она к вам сегодня подходила, я видела. А тогда она еще совсем девчонкой была и с Аркадием подружилась. Только с ней он и общался тут. Ее матери даже говорили «добрые» люди: смотри, мол, парень-то молодой, кровь горячая, а девчонка даром что школьница, но девушка, считай, уже взрослая. Мать, само собой, ее ругать, из дома не выпускала, очень строгая была. А Надька дождется, когда та на работу уйдет, и в окошко. Бежит бегом, машинку свою тащит, по ногам бьет чемоданом-то этим, ноги тонкие, сама как тростиночка...

– Что за машинка в чемодане? – уточнила я. Может, и была причина заподозрить в Аркадии фальшивомонетчика?

– Машинка печатная. Это сейчас компьютеры, а тогда на машинке печатали. В правлении списали старенькую, в чемодане кожаном, а Надька ее выпросила, отдали за три рубля. Сосед ее малость подправил, заедало там что-то, и Надька так ловко на ней печатала. Мы у матери спрашивали, чего она отстукивает. Та говорит: стихи. Напечатает и прячет. Очень мать это злило. Она хотела, чтоб Надька ветеринаром стала, а той мечталось в институт... этот, где писателей готовят.

– Литературный.

– Ага. Литературный. На этой почве они с Аркадием и подружились. Он в том самом институте учился год или два, потом его, говорят, выгнали. Но как на самом деле было, не знаю. Надька с машинкой все лето не расставалась. Мать-то ее к Чадову стеснялась ходить, не нашего поля ягода, ждала, когда Надька домой вернется и уж тогда ее отлает как следует, а иногда и полотенцем побьет. И что? Лучше б, ей-богу, случилось у них чего с Аркадием. Глядишь, ребеночка родила. Сначала позор, а потом только радость. Сейчас-то и вообще не смотрят, замужем ты аль нет. Тогда-то, конечно, построже было. Аркадий в начале осени вдруг пропал. Надька через год в техникум поступила, как мать хотела, а у той вскоре инсульт, доучивалась дочка уже заочно. Так тут и осталась, без своей мечты, с коровами да овцами. И с личной жизнью ничего не вышло. Выбор

женихов у нас небольшой, да и те все больше пьют. Теща-инвалид тоже не в радость. В общем, так в девках и ходит. Теперь мать плачется, что ребенка дочь не родила, хоть от кого. Уговаривает ее в город податься, там работу поискать. У нас многие на работу в город едут. Но Надька ни в какую. Вот как бывает: хочешь, чтоб детям было лучше, и ненароком жизнь поломаешь. В доме-то, видать, нашли что? – хитро усмехнулась Татьяна. – Мужчина, что с вами говорил, представительный такой, вроде как сердился? Одного не пойму, если кости эти, что Денисыч нашел, старые, чего же в доме шарить? Или дело в другом, в девчонке пропавшей?

Мы с Агаткой вновь переглянулись.

– Угадала? – неизвестно чему обрадовалась Татьяна. – По телевизору о ней говорили.

– А здесь вы ее видели? – спросила я.

– А как же. Приезжала много раз. И вот что я вам скажу. Был тут кто-то ночью, перед тем как я о ней по телевизору услышала.

– Что значит «кто-то»? – переспросила сестрица, которая терпеть не могла расплывчатых формулировок.

– Ночью наведалься. Со стороны леса подъехал. Я как раз встала и в окно видела, фары сверкнули. Может, и усомнилась бы, что видела, да утром в лес пошла, за ветками сосновыми для отвара. А на земле свежий след. Машина как раз у чадовского забора остановилась.

– Когда точно это было, можете сказать?

– Точно не могу, – покачала головой Татьяна. – Про девчушку-то потом услышала, вот и припомнила, заезжал кто-то... А за два дня до того или больше, не уверена. Девчонка-то неплохая была, приветливая. Жалко ее. Только с племянником Чадова, с Денисом, у них, видно, не очень ладилось. Все больше ругались. Да громко так. И нет чтоб в дом войти да дверь прикрыть, лаялись прямо на улице, точно две собаки.

– Туров, племянник Чадова, часто сюда приезжал?

– Нет. Маленького мы его и вовсе не видели, ни его, ни мать. Болтали, они тогда то ли в Москве, то ли за границей жили. Аркаша Чадов, помнится, на все лето поселился, а когда исчез, здесь его жена стала жить. Сейчас говорят гражданская. То есть на самом деле не расписаны они были. Но сестра Аркадия, мать Дениса, отнеслась к ней очень хорошо. Может, в память о брате или от него какой наказ был. В общем, жила она тут с мальчонкой летом, иногда месяц, иногда и больше. Пока беда не случилась.

– Что еще за беда? – проявила интерес сестрица.

– Вы что ж, не знаете? – удивилась Татьяна. – Страшное дело

произошло. Лет через семь после того, как Аркадий пропал, влезли в дом воры. Видно, деньги искали. Влезли ночью. Жена Чадова должна была с мальчишкой в город уехать. А у него температура. В последний момент передумала и здесь решила до утра остаться. Ночью к ним и пришли. Жену Чадова убили и ребенка не пожалели. Жуть. И все в доме вверх дном перевернули, ясно, что деньги искали. Участковый потом рассказывал, даже на чердак лазили. Уж не знаю зачем. А чтоб следы скрыть, отпечатки пальцев и все такое, дом подожгли. Сам-то дом отстояли, пристройка, та, что справа, здорово обгорела, там тела и нашли. Пристройку потом отремонтировали, но долгое время тут вообще из Чадовых никто не появлялся. Летом дачникам сдавали, а хозяев мы в глаза не видели. И только прошлым летом стал Денис приезжать с девчонкой этой. Она и одна приезжала. Все с Надькой разговаривала.

– О чем?

– Ну уж этого не знаю. Надькина мать рассказывала, что она приходила. Дочка ее в дом не пригласила, сидели в саду, у них там беседка, оттого мать разговора и не слышала. Но Надька очень сердитая была. Мать с вопросами, а она ей: просто так пришла, делать ей нечего, вот по дворам и бродит. Только ни по каким дворам она не ходила. А вот меня про отца своего выпрашивала.

– Что выпрашивала? – окончательно запуталась я.

– Ну... помнит ли кто, как он молодым сюда приезжал, и все такое. Я про Надьку сказала, потому что, кроме нее, никто из местных к Чадову не хаживал. Она к ней после этого и пошла.

– Чудеса, – фыркнула сестрица. – Папаша ее жив-здоров, и о днях своей юности мог бы и сам рассказать.

– Видать, не мог. Или не хотел.

– А вы о вражде между двумя семействами что-нибудь слышали? – спросила я. – Чадовы и Смолины друг друга не жаловали.

– Вона как? Ишь ты... Откуда ж нам знать такое... А девчонка что ж, против родительской воли с Денисом-то связалась? И получилось, что не к добру?

– Пока еще ничего не получилось, – проворчала Агатка, но, так же как и я, чувствовала: клиент наш в дерьме по самые уши. Даже если находок уже не будет, и того, что есть, за глаза. К примеру, шарф пропавшей Софьи со следами крови. Уверена, вскоре выяснится, что это ее кровь. Чьи-то останки, а теперь еще и свидетель, который видел машину примерно в то время, когда Софья исчезла. То есть Туров мог убить подружку под горячую руку, спрятать где-то неподалеку, а ночью перевезти

тело в более укромное место. И не забыл шарф в своем сарае припрятать. Я бы решила, что шарф – явная подстава, а вот показания свидетеля – это серьезно.

У Татьяны мы пробыли часа два, и чаю попили, и даже щей поели. Пора было выметаться, нельзя же, в самом деле, беспардонно пользоваться чужим гостеприимством. Это мнение сестрицы, а вовсе не мое. Между тем суета на чадовской даче продолжалась (так я стала называть ее по примеру Татьяны), а новости все не приходили, точнее, незаметно было, что они появились.

Я отправилась на разведку: участок приобрел малопрезентабельный вид, хотя и до того особо взор не радовал, но, судя по кислым лицам слуг закона, чужую собственность они портили зря. Агатка, которая никогда особым терпением не отличалась, начала ворчать.

– Весь день насмарку... Поехали отсюда.

Мне уезжать не хотелось из-за детской убежденности, что стоит тебе уйти, как непременно начнется все самое интересное. Но сюда мы прибыли на одной машине, а начальству лучше не перечить.

– Отвезу тебя и сюда вернусь, – предложила я.

– Зачем?

– Хочу с Надеждой поговорить.

– А смысл?

– Софья к ней приходила и о чем-то расспрашивала.

– О молодых годах родителя. Может, она книгу о нем решила написать.

– Как-то сомнительно.

– Почему? Встречаются еще благодарные дети.

– Ага. Не то что мы с тобой. Я говорила, что иногда ты очень похожа на нашу маму?

– Говорила раз двести, но можешь еще сказать, если тебе от этого станет легче.

Мы загрузились в машину и отправились в город, на этот раз выбрав короткий путь.

– Чувствую, повозимся мы с этим делом, – ворчала Агатка. – С одной стороны, никаких прямых улик, не считая этого шарфа, да и то хрень полная, а не улика. Но рожа у нашего клиента совершенно разбойничья. Надо ему сказать, чтоб волосы отрастил...

– Пусть очки наденет с простыми стеклами, – предложила я, не к месту вспомнив дорогого друга Сергея Львовича. В очечках он симпатичный парень, эдакий интеллигент в третьем поколении. А вот когда

очки снимал... когда он снимал очки и тот, настоящий, которого я не знаю и знать не хочу, смотрел из глубин волчьим взглядом, становилось очень не по себе. Как в фильмах-ужасниках, когда за человеческой оболочкой прячется иная сущность. Само собой, все это мои дурацкие фантазии, но основания они точно не лишены. И сам Берсенев об этой своей особенности отлично знал и с очечками не расставался. Снимал их редко, при мне всего несколько раз, но я запомнила. – Сергей Львович, кстати, считает, что никакая машина мимо не проезжала, когда Туров с подружкой ссорился. А скорее всего стояла за кустами, ближе к повороту. Но, чтобы увидеть наших Ромео и Джульетту, надо из машины выйти и специально наблюдать.

– Не веришь, что Туров ее убил?

– Есть сомнения. А у тебя уже нет?

– Куда им деться.

– Я склоняюсь к мысли, что это проделки Софьи. И, вероятно, ей кто-то помогает.

– У нее приступ белой горячки?

Я пожала плечами.

– Она совсем еще девчонка. Вся эта история с враждой двух семейств могла здорово на нее повлиять, вот она и решила непременно познакомиться с Туровым.

– И? – хмыкнула Агатка.

– Дальше возможны варианты. Например, она влюбилась, а он нет. Или просто вел себя не так, как ей хотелось бы. Или...

Тут Агатка свела глаза у переносицы и продемонстрировала язык, как любила делать в детстве, чем доводила меня до легкого бешенства.

– Но зачем ей тогда прошлым родителя интересоваться? Должна быть причина, – разозлилась я.

– Возможно. А возможно, и нет. Ты ж сама говоришь: она еще ребенок и что там в ее голове... Подозреваю, там пусто. Ты вот намного старше, но голова у тебя...

– Светлая, – подсказала я.

– Ага. Пустой и светлый чердак. Я бы добавила: пыльный. Если Софья жива и подставляет Турова, то по очень банальной причине: он не признал ее ребенка. Все остальное – хрень, так что не теряй на это времени. Внутренний голос подсказывает, ничего они сегодня на даче больше не найдут.

– Туров, кстати, тебе о вражде семей ничего не рассказывал?

– Она меня не интересовала.

– В следующий раз все-таки спроси. Берсенев тоже считает: вражда для романов, а действительность гораздо прозаичней.

– Правильно считает, – удовлетворенно кивнула Агатка.

– Но у него возникла еще одна версия: дело не в Турове, а в Софье. Убрать с самого начала хотели ее, а Туров – побочный продукт, удачно подвернулся, вот на него стрелки и перевели.

– Посоветуй Сергею Львовичу романы писать, – с сомнением глядя на меня, заметила сестрица.

– Сама советуй. Но Берсенев так и сказал. Цитирую практически дословно.

– Софья у нас богатая наследница?

– Не похоже.

– Уточни. Со здравым смыслом Сергей Львович дружит, вдруг это не желание соригинальничать, а провидческий дар?

Мысли о Берсеньеве, как видно, затронули лучшие струны Агаткиной души, потому что, когда мы подъехали к офису, она спросила:

– Все-таки думаешь вернуться?

Я молча кивнула, а она с легкостью согласилась:

– Валяй. – И вышла из машины.

Я развернулась и вновь отправилась в Приволье. Энтузиазм граждан в форме таял на глазах, что было заметно невооруженным глазом. Постояв немного возле оградительной ленты, я побрела по улице, ежась от холодного ветра. Заходить к Татьяне не стала, уверенная, что дом, где живет Надежда, смогу разыскать и без нее.

Деревня, кстати, довольно большая, кроме кафе здесь был и клуб, и аж три магазина. В одном из них я и решила попытать счастья. Человек пять стояли у прилавка и живо обсуждали новость.

– Да, прикупил земли Денисыч, теперь затаскают, – весело хихикая, заметил дюжий мужик в телогрейке.

– Уж мог бы сообразить, что ничего хорошего от такого места ждать не приходится, – кивнула продавщица. – Дурное место, раз ребенка убили.

Тут граждане обратили внимание на меня и замолчали.

– Не подскажите, в каком доме живет Надежда, ветеринар, кажется. У нее мать инвалид.

На мгновение повисла тишина. Я было решила, что мой вопрос так и оставят без ответа, но продавщица заговорила:

– Прошли вы его. Двадцать третий дом по этой стороне.

– Спасибо, – улыбнулась я и покинула магазин, не сомневаясь, что обсуждение продолжилось и я в нем буду непременно задействована.

Подходя к двадцать третьему дому, я заметила возле калитки женщину в инвалидном кресле, рядом с ней стояла женщина постарше, она то и дело кивала в сторону чадовской дачи, что-то увлеченно рассказывая. Деревня после сегодняшней находки гудела как растревоженный улей. Я поздоровалась и спросила, где Надежда. Женщина, та, что постарше, с любопытством меня разглядывала, мать Нади смотрела с подозрением.

– Зачем она вам?

Не успела я ответить, как из дома выбежала ее дочь и направилась к нам.

– Идите за мной, – сказала мне сурово.

Женщины переглянулись, а я вошла в предусмотрительно распахнутую калитку. Мы поднялись на крыльцо и вскоре оказались в просторных сенях. Надежда кивнула на лавку возле стены.

– Садитесь. Сюда мать сама не поднимется, значит, подслушать не сможет.

В голосе раздражение и даже враждебность. Вспомнив ее историю, я решила: отношения с матерью, должно быть, неважные.

– Чего вам надо? Только давайте побыстрее, у меня дел невпроворот.

– Вы были знакомы с Денисом Туровым? – спросила я.

– Это деревня, здесь все со всеми знакомы.

– Мне показалось, вы из-за него переживаете. Нет?

– Переживаю. Это по-христиански переживать за ближнего, попавшего в беду.

– То есть дружбы между вами не было, вы просто соседи, и все?

– Какая дружба? – хмыкнула она. – Я лет на двадцать старше.

– Софья, его подружка, еще моложе, но она ведь к вам приходила?

Надежда нахмурилась.

– Татьяна сболтнула, что ли? Язык как помело... – И тут же равнодушно пожала плечами. – Ну да, приходила. Шарлотку хотела испечь, а яиц не было. Вот и зашла.

– Почему к вам? Есть соседи и поближе.

– Есть, да не все продают. Спросила, видно, у кого-то, ей на наш дом указали. Можно было яйца в магазине купить, но ей домашних хотелось.

– О чем вы говорили, можете припомнить?

– Да ни о чем. О чем обычно говорят малознакомые люди?

– Ее отец когда-то был здесь частым гостем. Об этом она не расспрашивала?

– Вроде нет. Не помню. – Надежда нахмурилась, взглянув исподлобья, и стало ясно: тему я затронула болезненную.

– Но его самого вы ведь помните?

– Писателя? Да не то чтобы очень. Тогда он никому не известен был, чего его разглядывать? С виду он не особо привлекателен.

– А Аркадий? – осторожно спросила я. Лицо ее страдальчески скривилось, но она тут же взяла себя в руки. Передо мной была женщина, которая привыкла маскировать свои чувства, закрываться ото всех. И прежде всего от самого близкого человека. Я попыталась представить ее повседневную жизнь и невольно вздохнула.

– Аркадий был гораздо симпатичнее, – ответила она.

– Вы были в него влюблены?

– Если вы думаете, что он имел склонность к малолеткам, совратил меня и сбежал с перепугу, так это чушь в духе моей матери. Она так радовалась, когда здесь милиция появилась да разговоры пошли, что Аркадий кого-то там ограбил...

– Я просто спросила: вы были в него влюблены?

– Само собой. Пятнадцатилетняя девчонка... он такой взрослый, такой красивый, разговаривал со мной как с ровней. Но с головой-то у меня все нормально было, и я своей любви не показывала.

– А он был влюблен в другую девушку?

– Откуда ж мне знать? Приезжала к нему одна. Городская, и вся из себя. Красавица. Да еще и имя – Венера. Много Венер вы в своей жизни встречали? Она с этим Смолиным сюда ездила. Смолин свой роман читал, все бахвалился, какой он гениальный...

– Вы имеете в виду его первый роман?

– Не знаю, первый или пятый. Я не слушала. И не читала. Мне не интересно.

– Странно, – вздохнула я. – Вы же, кажется, сами собирались в Литературный институт.

– Ага. Собиралась, – усмехнулась Надежда. – Да недолго. Стишки мои – суцкая ерунда. Аркадий их хвалил по доброте душевной. Ему здесь одному скучно было, вот он меня и привечал.

– А чем он тут занимался?

Простой вопрос вызвал у Надежды замешательство.

– Чем? – она вновь пожала плечами. – Он ведь в институте учился. Летом у студентов каникулы, вот и жил. Электриком подрабатывал в совхозе. У него руки золотые были. За что ни возьмется, все сделает в лучшем виде. Наши даже болтали: интеллигент, а башковитый. У нас интеллигенты не в чести. А его уважали.

– Не припомните, когда видели Аркадия в последний раз?

– Не припомню. В сентябре занятия начались. Он уже не жил здесь постоянно. Еще и мать точно взбесилась, в общем, мы редко виделись, а потом... потом вы знаете.

– Венера предпочла Аркадию другого. Он разозлился, решил отомстить...

– И ее квартиру ограбил? Ограбить со злости? Оставил фифу без любимых безделушек? Если вам нравится так думать – ради бога. Не знаю... – покачала она головой. – Ведь за это посадить могли. Мне и сейчас кажется, что это невозможно, но... я была глупой девчонкой и видела жизнь в розовом цвете. Надоел мне этот разговор. Одно хочу сказать: они к нему цеплялись сами, и Смолин, точно репей, и Венера. Считалась невестой другого, а Аркадию глазки строила. Это я отлично помню. Я поэтому не приходила, когда она здесь появлялась.

– А зачем вы приносили с собой пишущую машинку?

Она с минуту разглядывала меня, точно не понимая вопроса.

– Машинку? – переспросила с сомнением. – А-а-а... ну у Таньки и память. Я успела забыть, а она все помнит. Стихи свои печатала в спокойной обстановке. Дома мать вечно под руку лезла. А у Аркадия никто не мешал, иногда он просил стихи почитать. Мы их обсуждали. Да и ломалась машинка то и дело, приходилось чинить.

– Стихи вы где-нибудь публиковали?

– Смеетесь?

– Но они у вас сохранились?

– Сожгла лет десять назад, – усмехнулась Надя. – Перечитала как-то и все сожгла. В печке. Рожденный ползать летать не сможет. Одни пустые мечты.

– А с гражданской женой Аркадия вы были знакомы? Она жила здесь с сыном.

– Нет, не была. Для чего нам было знакомиться? Когда она тут появилась, я уже техникум закончила, забот прибавилось. Мать с инсультом свалилась... С тех пор как произошло убийство, чадовскую дачу все стороной обходят. Танька утверждает, что не раз слышала, как по ночам в доме ребенок плачет. Поди, брешет, но все равно жутко. Мальчишке лет восемь всего и было.

– Никого из местных не подозревали?

– Из местных? Не помню. Вроде нет. Шуму много было, да никого не нашли. Ясно, что убийца за деньгами приходил. Дом богатый, на отшибе стоит. Помню, болтали, хозяйка с сыном уезжать хотела в город. А мальчишка то ли приболел, то ли еще что-то случилось. В общем, в доме

их не должно быть, а они были. Грабитель с перепугу обоих и порешил. Так болтали. А правда или нет... Когда они смогут узнать, что там за человек... ну, кто он был? – вдруг спросила она. Похоже, этот вопрос очень ее интересовал. Не зря она и утром об этом спрашивала.

– Вы думаете, это может быть Аркадий? – задала я вопрос, не спуская с нее взгляда.

Она криво усмехнулась.

– Просто интересно, – поднялась и распахнула дверь на крыльцо. – Заболтались мы. Мать кормить надо. Да и смысла не вижу старое ворошить. Было, да прошло.

Она первой начала спускаться по ступенькам, и мне ничего не оставалось, как последовать за ней.

Поиски на чадовской даче то ли совсем прекратились, то ли их перенесли на завтра. Люди и машины исчезли. На мокрой земле остались лишь глубокие борозды от колес. Оградительную ленту трепал ветер, дом в сгущающихся сумерках выглядел мрачным прибежищем злодеев из сказки. Я постояла немного, рассматривая его и кутаясь в шарф, и побрела к машине.

По дороге позвонила Агатке. Докладывать особо было нечего, но разговор с Надеждой я все-таки пересказала.

– И что? – фыркнула сестрица.

– Ясно, чего-то она недоговаривает. А о том, что Софья за яйцами для шарлотки приходила, и вовсе врет.

– А причина?

– Понятия не имею. Одно точно: она подозревает, что сегодня утром нашли останки Аркадия Чадова. Значит, был у нее повод думать: он не просто так исчез.

– Замечательно, – произнесла сестрица. – Если память не изменяет, все эти интереснейшие события произошли тридцать лет назад. О сроке давности ты что-нибудь слышала?

– А если исчезновение Софьи связано именно с ними?

– Не морочь мне голову, и себе тоже. Она и так ни на что не годится.

Агатка отключилась, а я на ближайшем светофоре свернула и направилась в сторону дома, где жил Стас. Словно мне там медом намазали.

«Ничего, – утешала я саму себя, – поглазею немного на его окна и поеду восвояси».

Но на этот раз меня ждал сюрприз. Из окон квартиры Стаса лился

золотистый свет, шторы не были задернуты, и за легким тюлем мне чудилось движение, я даже на мгновение решила, что вижу его силуэт.

– Он вернулся, – ошарашенно произнесла я и попробовала свыкнуться с этой новостью.

Я так ждала его возвращения, и вот он здесь. Самое время броситься со всех ног и сказать, как я его люблю. Но вместо этого я продолжала сидеть в машине. В двух окнах свет потух, потом еще в трех, теперь светились лишь два окна, не знаю, в спальне или гостиной. И вдруг оказалось: сделать то, о чем мечтала, совсем не просто. Мечты – это здорово, если твои намерения совпадают с намерениями того, о ком мечтаешь. Нас очень многое связывало со Стасом, еще больше разделяло. Мы расстались, и вроде бы навсегда. И вовсе не факт, что мой поздний визит его порадует. Свалюсь как снег на голову и очень быстро пойму, что меня тут не ждали. Человеку создам неудобства, а про себя и говорить нечего. Поставь, Фенька, жирный крест на всех своих мечтах, да и на самой жизни тоже. Потому что не вижу я без него никакого смысла в этой жизни. Не вижу, хоть режь.

«Сегодня я просто не готова, – в легкой панике решила я. – Надо настроиться... Слова подобрать...»

Через минуту я уже на приличной скорости ехала по проспекту, нервно посмеиваясь над собственной трусостью. А что, если Стас вернулся раньше, и это его я видела в своем дворе? Вот уж глупость. Можно подумать, я бы его не узнала. Да и что за ребячество во дворе сидеть. Но я-то сижу... И он когда-то тоже в моем дворе обретался. В следующий раз выпью для храбрости и пойду.

Дома я нашла пачку сигарет и полночи нервно курила на балконе, держа мобильный под рукой. Позвонить так и не решилась, хотя трижды начинала набирать номер. Впрочем, номер он мог сменить и мандражировала я зря.

Утро, как и следовало ожидать, выдалось нерадостное. Головная боль от недосыпа, горечь во рту, да еще и насморк: торчать на балконе не следовало. Я разглядывала в зеркале свой покрасневший нос, опухшие глаза и ругала себя на чем свет стоит. В основном за то, что вчера струсила и позорно бежала. Теперь встретиться с ним будет еще труднее.

«Мне простительно, я девушка», – со вздохом подумала я и засобиравшись на работу.

В кои-то веки прибыла без опоздания, но сестрица уже сидела в своем кабинете, сотрудники тоже были на местах, выходило, что я зря старалась.

– Всем привет, – радостно возвестила я.

Агатка отозвалась из-за открытой двери:

– Что ты орешь?

– Радуюсь новому дню.

– Велика вероятность, он будет таким же паршивым, как старый.

– Оптимистично.

– Как есть. Чем думаешь заняться?

– Станный вопрос, – хмыкнула я. – Трудиться буду, если уж пришла.

– У тебя довольно своеобразные представления о трудовой деятельности. Ты у нас свободный художник.

– Мне надо встретиться с Туровым, – серьезно сказала я, – Софья искала с ним знакомства, и тому была причина. Он должен о причине знать или догадываться.

– Фимка, – вздохнула Агата. – Мы куда-то не туда лезем. Подобные дела либо очень простые... либо чересчур сложные.

– И что подсказывает внутренний голос?

– Все упирается в деньги, и Турова усердно подставляют компаньоны. Вот ими и займись.

«Легко сказать «займись», – мысленно ворчала я, сидя за своим столом. Подперла щеку рукой под неусыпным взглядом коллег, которых моя бездеятельность, ясное дело, раздражала.

– Я думаю, – на всякий случай предупредила я, чтоб они понапрасну себя не изводили. Ирка весело фыркнула и отвернулась, а я добавила: – Думать ужасно трудно. Попробуйте сами, если не верите.

Кристина нахмурилась, она у нас девушка обидчивая, а Вера, секретарь Агатки, мне подмигнула. Здорово, когда коллеги тебя поддерживают, но лучше мне не стало. Придется еще раз встретиться с компаньонами Турова. Был бы толк... Прижать мне их нечем, а за здорово живешь они вряд ли разговариваются. Как бы узнать, что у них там за дела творятся? Внедрить в их ряды своего человека? Гениально, хотя вряд ли осуществимо...

Я продолжала оплакивать свою незавидную долю, когда раздался звонок на мобильный. Судя по номеру, который высветился на экране, звонили из-за границы. Откуда конкретно, сказать не берусь. Тут я вспомнила о подруге Софьи, обретающейся где-то в Таиланде. Дозвониться до нее я так и не смогла, хотя неоднократно пыталась. В общем, перестав пялиться на экран, я наконец-то ответила и услышала девичий голос, который с трудом пробивался сквозь помехи: в трубке гудело, попискивало и даже скрежетало.

– Это Ефимия? – спросила девушка.

– Да, а вы...

– Я Настя Медовая, мне сказали, вы меня искали?

– Да, Настя. Здравствуйте. Хотела поговорить с вами...

– Я знаю, что с Соней случилось... Ира звонила...

Опять какие-то помехи, я испугалась, что разговор прервется, но внезапно посторонние шумы исчезли, и голос девушки зазвучал отчетливо, точно она находилась рядом.

– Я не могу сейчас приехать, паспорт свистнули. И деньги. Такая, блин, невезуха... Приходится решать эти дурацкие проблемы, а то бы я сразу прилетела. Мы с Соней очень близки... Она хорошая... Слышите?

– Да, слышу.

– Я следователю звонила... А вас ее отец нанял?

Я решила не отвечать на этот вопрос, неизвестно, как Настя относится к Турову. Вполне вероятно, с его адвокатом говорить не захочет. Оттого я промычала нечто нечленораздельное, с намеком на плохую связь, и торопливо спросила:

– Софья вам рассказывала о своих отношениях с Туровым?

– Конечно. Мы же подруги. Слушайте, если с ней беда, то виноват точно он. Соня его с самого начала подозревала.

– С какого начала? – брякнула я.

– Ну... она же с ним нарочно познакомилась, потому что подозревала.

– В чем?

– В том, что он хотел известить ее отца. Слышите?

– Слышу. Но, честно говоря... Что значит «известить»?

– Они же враги, – не обращая внимания на вопрос, продолжила девушка. – Семейка Турова постоянно им пакостила. Соня решила узнать, что он замышляет, вот с ним и познакомилась.

«Господи», – мысленно простонала я и торопливо спросила:

– Это был превентивный шаг?

– Что?

«Что это я, в самом деле».

– Соня считала, что Туров в принципе непременно будет пакостить, или повод так думать у нее все же был?

– Конечно, был, – выдохнула девица. – Еще какой повод. Ее отца шантажировали. Он получал письма с угрозами, и Соня нашла одно такое.

– Чем именно шантажировали, она не говорила? Грехи молодости?

– Я, наверное, не так выразилась, не шантажировали, а угрожали... да...

– Что конкретно было в письме? – засомневалась я.

– Не знаю. Она мне его не показывала. Просто сказала: отцу угрожают, а кто это может быть, если не Туров? Ну, или кто-то еще из их семейки, но Соня подозревала его. А он понял, что она его разоблачила, и вот результат. Как думаете, она жива? Вдруг он ее убил? Такой запросто может... Или держит где-то... Но если он сейчас в тюрьме, то Соня может погибнуть, понимаете? Надо немедленно заставить его сказать, где она... – Девушка зарыдала, а я попробовала худо-бедно собраться с мыслями.

– Давайте еще раз и не спеша. Отцу Сони приходили письма с угрозами. Их содержание вам неизвестно, но Софью они беспокоили. Она заподозрила, что отправляет их Туров, и решила с ним познакомиться...

– Вот именно, – обрадовалась Настя. – Все так и есть. Она хотела знать, что он затеял.

– А с отцом она об этих письмах говорила?

– Нет. Письмо попало к ней случайно. И с этого все началось. А отец вообще об этих письмах говорить не хотел. Даже накричал на нее, мол, как ты смеешь совать нос в мою корреспонденцию.

– Письма приходили по электронной почте?

– Нет, в обычном конверте.

– Как-то не похоже на Турова... – ввернула я с сомнением.

– В том-то и дело. Ясно, что маскировался.

– Значит, Соня познакомилась с Туровым, они стали любовниками, она даже забеременела... и все это только для того, чтобы понять, какую пакость Туров замышляет против ее отца?

– Вот-вот.

– И никаких чувств к нему у нее не было?

– Какие еще чувства? Я же говорю, все дело в ее отце, то есть в этих письмах.

– А вот Ира Маклакова... – начала я, но меня тут же перебили.

– Ирка ничего не знает. Соня только мне доверяла, а перед всеми прикидывалась: Турова любит и все такое. И эти фотки он наверняка сам выложил, потому что сволочь. Хотел Соню опозорить. А что касается беременности, не факт, что ребенок Турова. И он мог об этом узнать. Ведь мог? Вот и разозлился.

– И кто возможный претендент на отцовство?

– У Сони парень был, они встречались. Я его не видела и даже имени не знаю. Но Туров мог заподозрить, и... в общем, что бы ни случилось, но без него не обошлось, так и знайте. Он виноват...

– Как, по-вашему, Туров относился к Софье? – поспешила я задать

вопрос, потому что в трубке вновь принялось что-то щелкать.

– По-свински он к ней относился. Вот как. Он из тех парней, для которых женщины – пустое место. Она часто плакала, говорила, что он ее не любит...

– Постойте, – взмолилась я. – Так в чем причина Сониных слез: в том, что ей приходилось терпеть его поведение, или ее печалила его нелюбовь?

Некоторая нестыковка и Настю озадачила, потому что она вдруг задумалась.

– Не знаю, – ответила честно. – Может, она в него в конце концов втюрилась? Такое бывает... Соня его ненавидела, она сама говорила... и хотела вывести на чистую воду... Я вот что подумала: если ребенок все-таки от него, она, наверное, очень расстроилась... ведь ребенок – это серьезно... Новая жизнь. И у него должен быть отец... Черт, может, зря я все это? Может, она с перепугу куда-то сбежала?

Эта мысль показалась вполне здоровой.

– К кому Соня могла обратиться за помощью в такой ситуации?

– Ко мне, ясное дело. Мы же лучшие подруги... Но меня не было... тогда не знаю. Отцу бы она побоялась сказать. Вражда и все такое... объяснять замучаешься, что ты ради семьи старалась. Если честно, понятия не имею, куда она могла податься... Особо не к кому. Да и деньги нужны, чтоб куда-то уехать, у Сони денег не было, отец у нее редкий жмот. О работе она и слышать не хотела... Деньги ей, кстати, Туров давал, но вряд ли много. Странно, что она мне даже не позвонила. Мы же лучшие подруги...

Мы говорили еще минут пять, но ничего толкового я не услышала. Отложила мобильный в сторону и погрузилась в печаль, на что тут же обратили внимание коллеги.

– Плохие новости? – заботливо спросила Вера, а я, махнув рукой, вторично заглянула к Агатке.

– Оказывается, Софья у нас агент под прикрытием, – сказала я сестрице в ответ на ее недовольный взгляд и передала содержание недавнего разговора. – Если она до такого додумалась, значит, в принципе может отколоть любой номер, – закончила я свой рассказ.

– Сбежать и затаиться?

– Ага. И даже шарф подбросить. А что? Упекут парня в тюрьму, и справедливость восторжествует. Об Уголовном кодексе девушка, само собой, никогда не слышала и очень удивится, узнав, что за подобные шутки грозит серьезное наказание. Не только у нее фантазия богатая.

– Интересно, в двадцать лет мозги у девиц в принципе отсутствуют?

– Практически у всех. Ты не в счет. В двадцать лет ты уже была занудой. Надо срочно поговорить с Туровым, выяснить, что он думает по поводу этих шпионских игр.

– Ладно. Надеюсь, в ближайшие дни ты сможешь с ним встретиться.

– Я?

– Вопросы у кого назрели? Давай, дерзай.

Агатка уткнулась в бумаги, прозрачно намекая, что аудиенция закончена, а я, покинув ее кабинет, тут же направилась к выходу. Не вижу никакого смысла томиться за столом, хотя и на улице смысл вряд ли внезапно появится. Его появление так и осталось под вопросом, но это уже не особо волновало, потому что я увидела Берсеньева, неспешно прохаживающегося в досягаемой близости.

– Привет. Какими судьбами? – сказала я и широко улыбнулась, потому что неслышанно рада была его видеть сразу по нескольким причинам.

– Мимо пробежал. Думаю, вдруг ты появишься.

– А чего не зашел?

– Не хочу лишний раз мозолить глаза твоей сестрице, – усмехнулся Сергей Львович.

– Боишься? – фыркнула я. – И правильно. Агатка легко проглотит мужика и покрупнее. Семья ею гордится. Кстати, у меня есть телефон, и у тебя, почти уверена, тоже.

– Я знал, что долго на месте тебе не усидеть. Машина здесь, значит, ты в офисе. А прогуляться очень даже полезно.

Я пошла рядом с ним, успев забыть о том, куда намеревалась попасть.

– У тебя милая привычка появляться неожиданно, а потом так же внезапно исчезать, – проворчала я. – Иногда это бесит.

– Учту. То есть постараюсь не забыть об этом. Ну, рассказывай. Как там твое расследование?

– Все так же. Оно тебя еще интересует?

– Само собой. Я же любопытный.

– Вчера был обыск на даче Турова, – подобрев, поведала я. – А сегодня звонила подруга Софьи.

Мой рассказ Берсеньев выслушал с ухмылкой, похоже, он его позабавил.

– Не перестаю восхищаться женщинами, – заявил он, когда я закончила. – Залететь от злейшего врага. Сколько в этом самопожертвования.

– Можно подумать, мужики ложатся в постель только по любви, – съязвила я и показала язык, а Берсеньев обнял меня.

– Ты бы стала трахаться с мужиком, желая выведать страшную тайну?
– Смотря какую, – пожала я плечами. – А ты?
– Я? Ни за что, – засмеялся Берсенев. – Куда проще выбить из него все тайны вместе с мозгами. Детка, мужчина ждет от секса удовольствия. Вот и все. Вам же одного удовольствия мало. Надобно еще что-то почувствовать. Иногда из лучших побуждений вы такого наворотите...

– Отвали, – ласково попросила я, заподозрив в его словах сермяжную правду.

– Перейдем к насущному, – кивнул он. – У нас вполне конкретная юная девушка, которая вообразила себя Матой Хари и с готовностью влезла в чужую постель. Ее представления о жизни скорее всего имели мало общего с реальностью, сей факт мог привести к неописуемым страданиям. И подтолкнуть к еще большим глупостям. Согласна?

– В общем, да, – признала я со вздохом. – Уверен, что Турова она подставляет?

– Нет, – покачал головой Берсенев и продолжил серьезно: – Уверен: за всем этим стоит кто-то вполне разумный и цели у него вполне земные.

– Агатка советовала компаньонами заняться, – вздохнула я.

– Ну так давай займемся, – подхватил Берсенев.

– Кто из троицы, по слухам, был влюблен в нашу Софью? – задал он вопрос, когда мы подъехали к компьютерному клубу «Илион».

– Игорь Злобин.

– Отлично, с него и начнем. – Прибыли мы на машине Берсенева. Он взял с заднего сиденья кожаную папку и сунул мне. – Держи.

– Что здесь?

– Ничего.

– Издеваешься? – прикидывая, стоит ли возмущаться особенно рьяно, спросила я.

– Нет. Папка пустая, но Злобин об этом не знает. Представь, что там все секреты нашей Родины, и крепко жми к груди, как величайшую драгоценность. Можешь поверить, это интригует.

Не успела я придумать достойный ответ, как из дверей клуба показался Злобин, выглядел скверно, точно ему минуту назад сообщили о крахе предприятия, а вместе с ним и всех надежд. Возможно, именно так и было. Я сказала Берсеневу, что это Злобин. Игорь устремился к «Хонде», которая стояла на парковке в нескольких метрах от нас, Берсенев вышел из машины и направился ему навстречу, я, само собой, паслась рядышком. Про папку не забыла и трепетно прижимала ее к груди.

– Игорь, – позвал Берсеньев. Злобин остановился и хмуро на нас уставился, как видно, гадая, за каким лешим нас принесло. – Надо поговорить, – заявил Сергей Львович тоном, который не предполагал возражений.

– Я не совсем понимаю... – начал Злобин, переводя взгляд с него на меня. На папке взгляд задержал.

Я выпятила грудь и важно добавила:

– Это в ваших интересах. Мы не торопимся разглашать сведения, которые вы пытались скрыть, но рассчитываем на сотрудничество.

Игорь пытался понять, о чем это я, и хлопал глазами. Берсеньев чуть приподнял бровь и кивнул, в глазах плескался смех, но как только Сергей Львович вновь повернулся к Злобину, стал предельно серьезен.

– Садитесь в машину, – сказал он, Игорь, слегка замешкавшись, полез на заднее сиденье берсеньевского «Мерседеса». Сергей Львович предупредительно распахнул перед ним дверь, а потом сел рядом. Мне ничего не оставалось, как устроиться на переднем пассажирском сиденье. Прижимая папочку к груди, я повернулась к сидящим сзади мужчинам, выразительно глядя на Сергея Львовича. Тот широко улыбнулся Злобину, точно подбадривая, и заговорил:

– Давайте не тратить время. Вы были влюблены в Софью и заинтересованы в их с Туровым разрыве, с этой целью и выложили фотографии в Интернет. – Злобин дернулся, собираясь возразить, но Берсеньев уверенно продолжил: – Я же сказал, не будем тратить время попусту. Вы были уверены: отследить, откуда появились фото, невозможно, но оказались не правы. На свете есть специалисты куда более серьезного уровня.

Тут, если честно, я подумала, а вдруг Берсеньев в самом деле узнал, кто скинул фотки в Интернет. В его способностях я никогда не сомневалась, а говорил он с такой уверенностью, что если б сомнения и были, то испарились бы мгновенно.

Злобин с тоской покрутил головой, вздохнул глубоко, как будто ему вдруг перестало хватать воздуха.

– Софья узнала об этом и в результате исчезла? – Сергей Львович вновь широко улыбнулся, а Злобин громко икнул.

– Вы что, с ума сошли? – зашипел он, понемногу приходя в себя. – Я бы никогда... да я скорее сам умру, чем... я же люблю ее... Ну да, фотки я выложил. Чтобы они поссорились... Намекнул Соне, что это работа Турова. Поймите, он ее совершенно не достоин, а она... ее точно околдовали. Она буквально помешалась на нем, все ему прощала.

– Что конкретно? – влезла я.

– Ну... Он мог забыть ее встретить... не звонил... да мало ли что. Конечно, это мелочи, но разве отношения не складываются как раз из мелочей?

– Совершенно с вами согласен, – кивнул Берсенев с серьезной миной. – Что произошло дальше?

– Дальше? Ничего... то есть я не знаю, что между ними произошло там, на дороге. До этого они здорово поскандалили. Я очень переживал, пытался поговорить с Соней. Она не должна прощать его выходки и все такое...

– Вы знали, что она беременна?

– Тогда нет, – отводя глаза, сказал Игорь. – Узнал позднее, когда все случилось...

– И поспешили ситуацией воспользоваться. Туров должен был оказаться в тюрьме, и дело вовсе не в Софье. Деньги. Расскажите о них. Кстати, шарф Софьи вы Турову подкинули?

Злобин слегка подпрыгнул, выпучив глаза.

– Какой шарф? Вы с ума сошли? Господи... да что же это такое...

– Я вижу, в конфиденциальности вы не заинтересованы. Предпочитаете допрос у следователя?

– Меня уже допрашивали...

– Да? Вряд ли следователь располагает теми документами, что есть у нас...

– Я клянусь вам, что Соню и пальцем не тронул, никакого шарфа в глаза не видел и не стал бы его подбрасывать...

– Последнее утверждение вызывает сомнение. Девушка в большой обиде на Турова, и вы тоже: он препятствие на пути к заветной цели, то есть сразу к двум: деньгам и девушке. Не знаю, что для вас важнее, но я бы поставил на деньги. Убедив Соню, что Туров редкий мерзавец, вы предлагаете ей ненадолго исчезнуть, разыграв весь этот спектакль. Туров оказывается в тюрьме...

– Вы сумасшедший! – гневно перебил его Злобин. – Что бы я от этого выгадал? – Он вытер ладонью потный лоб и вздохнул покаянно. – Я очень переживаю за Соню. Она действительно могла... у нее взрывной характер. Я пытался найти ее все это время. Обзвонил всех знакомых... Я боюсь, что с ней случилась беда... а что касается денег... представляю, что вам наговорили. Но все обстоит совсем не так. Нашу разработку выгодно продать сейчас. Если промедлим, то таких денег уже не получим. Туров упрямится из совершенно идиотских соображений. А мы мыслим

как бизнесмены... Но от того, что он в тюрьме, мы ничего не выгадали. Заключить договор без него мы не можем, а время идет... и к тому моменту, когда Туров созреет... Все ужасно... – чуть не плача, покачал он головой. – Больше всего меня Соня беспокоит. Где она? А если ее действительно убили?

– Вы сейчас кого имеете в виду? – буркнула я. – Турова?

– Нет, – вновь покачал Злобин головой. – Денис не тот человек... Он несдержанный, мог накричать, даже ударить, но убить... Лично я в это не верю.

– То есть вы считаете, Соня разыгрывает спектакль в одиночку? – уточнил Берсеньев.

– Сначала так и думал. Вполне в ее духе. Она актриса, понимаете? Только играет не на сцене, а в жизни. Но... она не смогла бы так долго прятаться. Просто не выдержала бы и себя как-то проявила. Хотя бы для того, чтобы узнать: как на все это другие реагируют, – он вздохнул уже в который раз и в окно уставился, вроде бы забыв о нашем присутствии.

– Что ж, надеюсь, ваши страхи окажутся напрасными, – сказал Берсеньев, перегнулся и открыл дверь со стороны Злобина. Тот, не говоря ни слова, направился к своей машине, а Берсеньев пересел за руль.

– Не похоже, что парень врал, – сказала я, пристегивая ремень безопасности.

– Не похоже, – согласно кивнул Сергей Львович. – Итак, мнения близких к Софье людей разделились: подруга считает главным злодеем Турова, а компаньон, который к нему добрых чувств не питает, в это не верит. А что сестрица думает по этому поводу? Какое Туров произвел впечатление?

– Говорит, рожа у него на редкость скверная. Такому, даже если он не виновен, все равно никто не поверит. Попробую с ним встретиться и поговорить. А пока надо бы найти первую жену Смолина.

– Зачем она тебе? – вроде бы удивился Берсеньев.

– Может, ей что-то известно о письмах с угрозами?

– Маловероятно, если они развелись много лет назад.

– Софья что-то пыталась выяснить, – упрямилась я. – Что-то, имеющее отношение к событиям тридцатилетней давности. Нынешняя жена молчит об этом, а вот бывшая может разговориться.

– Ага, – кивнул Берсеньев. – В смысле: нет у человека худшего врага, чем бывшая жена? Тогда поехали.

– Куда? – не поняла я.

– К Венере Давыдовне.

– Ты с ней знаком?

– Не то чтобы близко, но в свою квартиру она меня пустит, если дома ее застанем, конечно. На худой конец позвоним и договоримся о встрече.

Он завел машину, а я проворчала:

– В знакомых у тебя половина города.

– Не скажу, что это особенно приятно. Хотя Венера, скорее, исключение. Забавная тетка.

Через полчаса мы тормозили возле двухэтажного дома рядом с историческим музеем. Дом старый и вроде бы когда-то принадлежал местному купцу-миллионщику. Теперь в нем было четыре квартиры, и одну из них на втором этаже занимала Венера Смолина. Она оставила фамилию писателя, получается, что замуж вторично не выходила.

Такое новшество как домофон здесь не прижилось. Мы поднялись по широкой лестнице с коваными перилами и позвонили в роскошную дубовую дверь. С той стороны мелодично звякнул колокольчик, дверь открылась, и я увидела высокую женщину в оранжевом платье. Длинные волосы были собраны в замысловатую прическу, ее украшала диадема с разноцветными камнями.

«Настоящие?» – тут же озадачилась я.

Наряд завершали туфли на шпильке. Косметикой дама явно злоупотребляла. Но все ухищрения косметолога и, подозреваю, пластического хирурга не могли скрыть возраст. В общем, теперь ее редкое имя звучало скорее с иронией: на богиню она мало чем походила, если не считать склонности к полноте, которой грешили древние. Правда, второй подбородок вряд ли был у них в чести, а здесь он выплывал довольно нахально.

– Сергей Львович, – ахнула Венера, театрально простирая к нему руки в перстнях. Все-таки со вкусом у нее проблемы. Берсенев шагнул вперед и припал сразу к обеим ладоням. – Какой сюрприз, – продолжала ворковать хозяйка, голос у нее был низкий и, надо признать, красивый. – Что ж мы в дверях стоим? Заходите...

Мы вошли в квартиру, и тут Венера соизволила и на меня обратить внимание.

– Кого вы ко мне привели? – игриво поинтересовалась она.

– Сию минуту все объясню, Венера Давыдовна, – запел Берсенев. Вот уж кто любого за пояс заткнет в умении обольщать между делом. – Умоляю, дайте чаю... Я ведь к вам не просто так, а со шкурным интересом...

– Seriously? Заинтриговали...

Мы прошли в кухню-столовую, хозяйка стала хлопотать, а я оглядываться... Мебель здесь стояла на своих местах как минимум лет пятьдесят. Создавалось впечатление, что ее ни разу даже с места не сдвинули. Любители винтажа, возможно, оторвали бы ее с руками, но в плане жизненных удобств наблюдался явный дефицит. Все эти шкафы, зеркала и горки занимали слишком много места, придавая кухне вид кладбищенского монумента. Рядом с ними микроволновка смотрелась почти неприлично.

Венера, накрыв на стол, села рядом с Берсеньевым и разлила чай, а он все пел соловьем.

– Эту милую девушку зовут Ефимия. Кстати, она дочка Константина Викторовича Завьялова. – Во мнении Венеры я мгновенно возвысилась, она взглянула с куда большим интересом. – Так вот, Ефимия, можно просто Феня... («Нельзя», – чуть не брякнула я, но лишь послала Берсеньеву лучшую свою улыбку.) Она адвокат, и, представьте, им с сестрой предстоит защищать Дениса Турова.

– Интересно, интересно, – хмыкнула Венера.

– Феня пыталась поговорить с Геннадием Смолиным о давней вражде двух семей, но он отказался. И тогда я подумал, что вы-то наверняка в курсе этой драмы...

– Какая там драма, – отмахнулась Венера Давыдовна. – Сам Генка над ней посмеивался. Ну да... предки между собой не ладили, пакостили друг другу, как могли. Но мы-то цивилизованные люди... И к Аркаше Чадову он прекрасно относился. Разумеется, пока тот сдуру в меня не влюбился. После этого возникло соперничество, в основном со стороны Чадова, если Гена и ревновал, то у него ума хватало этого не демонстрировать. Теряюсь в догадках, чем эта самая вражда вам поможет.

– Софью она точно интересовала, – прихлебывая чай, сказала я.

Венера пожала плечами:

– Должно быть, решила, что это очень романтично. Сонька – дурочка. Неудивительно, когда знаешь, кто ее мамаша. Вкусы у моего бывшего с годами все хуже и хуже. Вы видели эту подопытную мышь, его нынешнюю супругу? Впрочем, Смолину только такую и надо: сидит тихо, место свое знает... Наш великий не способен любить никого, кроме себя. Жутко эгоистичный тип...

– Поэтому вы с ним и развелись? – ввернула я.

– Я развелась с ним, потому что он шашни завел с Сонькиной матерью. Дура, ни кожи ни рожи, но так отчаянно на мужиков вешалась...

А Смолин перед ней павлином ходил. Бедняжка готова была ноги ему целовать, не говоря обо всем остальном. Ну, он и повелся, потому что я-то в его величие не очень верила. Ума быть поосторожней у них не хватило, впрочем, наверняка она нарочно подстроила... В общем, я их застукала и выставила Смолина за дверь. Как оказалось, зря. Пять гражданских браков, и ни намек на счастье. У него тоже счастьем не пахнет. Зато в отличие от меня дети есть. Левка просто душка, мы с ним очень дружим. Отца он любит, хоть и не за что. И Сонька. Об этой ничего хорошего не скажу, но дети придают нашей жизни какой-никакой смысл.

– У Смолина кроме детей есть еще прекрасные книги, – напомнила я.

– Да бросьте вы, – фыркнула Венера. – Весьма посредственные. Кто их читает? Не тираж, а горькие слезы...

– Но «Прощальная песня» до сих пор популярна.

– Ну, если только она, – пожалала Венера плечами. – Он был молод, влюблен до безумия, в меня между прочим. А потом все кончилось. И эти бабы не смогли вдохновить его ни на что путное.

– Аркадий Чадов учился в Литературном институте? Они там с Геннадием Сергеевичем познакомились?

– Мы познакомились, когда учились в нашем университете. А Аркаша, да, в Литературном год или чуть больше пробыл. Пока не выгнали. Он по натуре бунтарь, а там надо было великих слушать.

– Что он писал?

– Стишки, – вдруг нахмурилась Венера. – Если честно, дрянные. Выгнали его совершенно справедливо. Эта самая история вражды, о которой многие в университете знали, интриговала. Создавала романтический ореол. В юности придаешь значение всяким глупостям... Генка с Чадовым подружились. Оба интересовались литературой, любили поболтать... Смолин как раз начал писать, особо посоветоваться здесь было не с кем, а Аркадия из литинститута выперли, короче, было кое-что общее...

– Но дружба вскоре прервалась?

– Ничего подобного. Мы дружили, пока не произошла гадкая история. Аркадий ограбил моих родителей, был жуткий скандал.

– А можно об этом поподробнее?

– Милая, вы хотите невозможного, – усмехнулась Венера. – Столько лет прошло... Ладно, попытаюсь. Накануне мы были у Аркаши на даче, он отвел меня в сторону и признался в любви. Я, конечно, знала о его чувствах, но надеялась: у него хватит ума не ставить и меня и себя в глупое положение. Наверное, я была чересчур резка с ним, он обиделся.

Возможно, здорово разозлился. Потому и решился на этот идиотский поступок. На следующий день, кажется ближе к обеду, в дверь вот этой квартиры позвонили. Мои родители были на даче, об этом Чадов знал. Семья у меня по тогдашним меркам была состоятельная. Мама, между прочим, из дворянского рода. Кое-что от прежних времен осталось, да и папа занимал серьезный пост. Я открыла дверь и увидела двух типов в масках, они ворвались в квартиру, связали меня, сунули кляп в рот и устроили обыск. Забрали деньги, драгоценности и ушли. Меня не тронули, хотя я боялась, что убьют.

– Они вам угрожали?

– А вы как думали? Чадова я узнала сразу, как только пришла в себя и начала понемногу соображать.

– И вы сказали ему об этом?

– Ума хватило промолчать. Ну а потом с кляпом во рту не очень поговоришь. Но ведь он и без моих слов мог догадаться, что я его узнала, потому и боялась: в живых не оставят. Шваркнут чем-нибудь по башке... Он ведь не идиот, должен понимать: чтоб узнать человека, не обязательно видеть лицо. Остаются фигура, манеры, голос. Чадов старался рта не открывать, но пару слов все же произнес... Ясно, что, как только я освобожусь, сразу пойду в милицию. И его, конечно, арестуют. Но, видимо, он уже тогда собирался бежать и меня не тронул. До вечера я сидела связанная, пока родители не вернулись. Вызвали милицию. Я все рассказала, но Чадова так и не нашли. Ни на даче, ни у родственников, нигде.

– А вас такой поступок Чадова не удивил? – спросила я.

Венера пожала плечами.

– Во-первых, Аркаша был довольно своеобразным парнем... Прирожденный анархист. И, надо сказать, решительный. Мямлей его точно не назовешь. Во-вторых, он был на меня обижен, чувство ко мне испытывал сильное, это было видно, а я любила Смолина и твердо заявила, что шансов у него никаких.

– То есть он вам мстил? Для бывшего студента Литературного института способ довольно необычный.

– Еще бы. Но в этом весь Чадов. К тому же идея нас ограбить могла исходить от другого человека. У него были странные знакомства, я бы больше сказала – подозрительные. Особенно один тип запомнился, звали его Евгений Дуров. Жека – так Чадов его называл. Совершенный уголовник. Песни блатные пел под гитару и, по-моему, к тому времени уже успел побывать за решеткой. Так вот, идея нас ограбить могла

принадлежать этому Жеке, а Чадов согласился, чтоб мне досадить. Просто от безысходности.

– Мужчины часто совершают глупости из-за неразделенной любви, – с умным видом ввернул Берсенев.

– Вот-вот, – закивала Венера. – В общем, Чадов исчез, и этот Жека тоже. И больше я о Чадове ничего не слышала.

– А Жека через некоторое время все-таки появился?

– Вероятно, так, если кто-то мне о нем рассказывал.

– А кто это мог быть?

– В то время у меня было столько знакомых... студенческая среда, люди легко сходятся... Конечно, кто конкретно мне о нем говорил, я сейчас и предположить затрудняюсь. Столько лет прошло.

– Но если Жека объявился, – не отставала я, – к нему должны были возникнуть вопросы в связи с вашим делом.

– Не знаю, милочка. Я-то опознала только Чадова, о чем и сообщила в милиции. А с его друзьями они уж сами разбирались.

– Значит, Чадов исчез сразу после этой истории?

– Вот именно. По крайней мере, я ничего о его дальнейшей судьбе не слышала.

– А о том, что на даче Чадова вчера нашли труп, то есть, я хотела сказать, то, что от него осталось...

– Господи, – ахнула Венера и торопливо перекрестилась. – Какой кошмар...

Выходило, для нее это новость. И все-таки у меня возникло подозрение, что Венера Давыдовна о находке знает. Потрясение она слегка переигрывала, а вот глаза сохранили безучастное выражение.

– Неужто это Чадов? – придерживая руку на выдающемся бюсте, продолжила она. – Хотя этот уголовник запросто мог с ним расправиться. Не поделили деньги или просто испугался, что Чадов на чем-нибудь проколется... Кошмар... А сейчас реально установить, кто это? Очень может быть, Чадов... тогда становится ясно, куда он вдруг исчез. Вот это пример того, что к выбору знакомых следует подходить осмотрительно... – она нервно хихикнула и стала пить чай.

– Потрясающая история, – поцокал языком Берсенев.

А я сказала:

– У нее ведь есть продолжение. У Чадова осталась беременная подруга...

– Да-да, – перебила меня Венера. – Я слышала о ней. Чадов поступил с бедняжкой очень некрасиво. Соблазнил и бросил... Мужчины ветрены...

– То, что он забыл ее, увлекшись вами, неудивительно, – промурлыкал Берсеньев. – Вы и сейчас весьма опасны для мужских сердец...

– Вы мне льстите, – расплылась в улыбке хозяйка, а Берсеньев поспешил приложиться к ручке.

– Так вот, – не очень-то вежливо продолжила я. – Уже после исчезновения Чадова его гражданская жена жила в том доме, приезжала на лето вместе с сыном. Однажды кто-то проник в дом, убил обоих, а дом поджег, чтобы скрыть следы преступления.

– Об этом я не знала, – нахмурилась Венера. – Когда это случилось?

– Точной даты назвать не могу. Сыну Чадова было лет семь-восемь.

– Ужас. Не зря говорят, что грехи отцов падут на детей... может, хорошо, что у меня их нет? – фыркнула она.

– У вас много грехов? – сграбастав ее руку, лукаво осведомился Берсеньев.

– А то как же, двух мужиков из семьи увела... грех... и был бы толк. В монастырь как бы не пришлось идти на старости лет, грехи замаливать...

– Ну, до этого вам еще далеко.

Венера подлила ему чаю и принялась отчаянно кокетничать.

«Ей бы внуков нянчить, – ехидно думала я. – А она мужиков окучивает». Берсеньев вроде был совсем не против этого, хотя, как мне доподлинно известно, тяготел к дамочкам помоложе и не таким пышным. Хотя черт его знает...

Ничего толкового от Венеры я больше не услышала, да и с тем, что она рассказала, понятия не имела, что делать. Какое все это имеет отношение к Турову и пропавшей Софье? Хотя... допустим, Смолин об ограблении своей возлюбленной что-то знал, то есть ему было известно о причастности к преступлению Чадова, но он скрыл сей факт от следствия... ведь они с Чадовым были друзьями... Или не были? Друзья-соперники, влюбленные в одну женщину. Смолин из благородства покрывал друга, а теперь его шантажируют. Кто? Туров? А смысл? Просто напакостить или денег требует? Но если Смолин помог Чадову, с какой стати Туров на него ополчился?

Пока я над этим размышляла, воркование продолжалось, однако Берсеньев всегда четко знал, когда обольщение следует прекратить. Вот и сейчас он вдруг поднялся и сказал весело:

– Венера Давыдовна, беседовать с вами одно удовольствие. Счастлив, что являюсь вашим другом и могу вот так, запросто...

– Заходите в любое время. Я вам всегда рада, – ответила Венера, несколько обескураженная стремительным уходом.

Берсенев уже пасся в дверях, и я поспешила к нему присоединиться.

– Мерзкая тетка, – сказала я, когда мы оказались на улице.

– Да ладно, с чего вдруг?

– С того, что ведет себя точно пятнадцатилетняя. Сюсюкает, глазки строит...

– Красивой женщине трудно избавиться от прежних привычек.

– Ага. Она считалась красивой в те времена, когда гонки на колесницах были в большой моде.

– Не преувеличивай.

– Я все понять пытаюсь, чем ты их берешь?

– Кого?

– Баб. Они к тебе так и липнут. Хотя особых талантов я у тебя не вижу. (Это было, конечно, явное преувеличение). И внешность у тебя средненькая. (Это тоже от истины далеко.)

– Я никогда ни в кого не влюбляюсь, и в этом все мое очарование, – теперь он нахально врал, о чем мы оба знали доподлинно, но ловить его на лжи я не стала. – Кстати, Стас вернулся, – заявил Берсенев и растянул рот до ушей.

– Кстати, я уже знаю, – попытавшись соревноваться с ним в широте улыбки, ответила я.

– И что? Помнится, ты хотела с ним поговорить. Уже не хочешь?

– Отвали, – сказала я, а он кивнул.

– Дрейфишь или уже не уверена, что его любовь тебе нужна?

– Все-то тебе знать надо, а в женщине должна быть загадка. Или изюминка, не помню, что точно.

– Изюминка – это хорошо, но из тебя хоть компот вари. Он распахнул дверь машины, предлагая мне сесть, но я отмахнулась.

– Пройдусь.

– Злишься?

– Больно надо... воздухом хочу подышать. Лучше скажи, что ты думаешь об этом деле?

– Как-то все мутно... – пожал он плечами. – Хорошо бы понять, что конкретно надеялась раскопать Софья. И богиня наша хитрит и недоговаривает. Воспользуйся своим родством, запроси старые дела. Об убийстве подруги Чадова и об ограблении Венеры.

– Убийство – еще куда ни шло, но ограбление...

– Венера утверждает, цапки с историей, опись их должна сохраниться, такие вещи могут всплыть через много лет. В общем, у тебя широкое поле деятельности. Звони, если что.

– Конечно, позвоню, – фыркнула я. – Даже не надейся, что постесняюсь.

– Я буду только рад.

Он чмокнул меня в нос и сел в машину, а я, чертыхнувшись сквозь зубы, побрела по тротуару в сторону офиса.

Чертыхалась я по одной причине: Берсеньев, как всегда некстати, наступил на больную мозоль, напомнив о Стасе. Мое состояние иначе как шатким не назовешь, а тут еще он со своими советами... Советовать легко, я сама в этом деле мастерица. Но как до дела дойдет, так и тянет голову сунуть в песок.

Как по заказу, накатила тоска. И тут же возникло чувство, что я всю жизнь пробыла в ссылке, далеко от того места, где должна находиться. Наверное, так моряк в дальних краях тоскует по дому. Только я в отличие от него тоскую по дому, где никогда не бывала.

Такие мысли до добра не доводят, это я по опыту знала. Они плавно перетекают к мыслям о веревке, а с этим мы давно и безуспешно боремся. Сейчас такое состояние, скорее хобби, а еще совсем недавно было не иначе как родом занятий.

Я немного постояла на перепутье, не зная, куда податься: глянуть на дом Стаса, посмотреть на его окна? Зайти к нему запала не хватит. Да и вряд ли он сейчас дома. К себе тем более не хотелось, что там делать? Да и на работу... Агатка, заприметив мою тоску, всполошится, а это нежелательно... Димку дергать себе дороже... В результате я отправилась в кино. Через двадцать минут выяснилось – идея дурацкая, как все мои идеи. Съев попкорн, я покинула зал и с полчаса болталась по улицам.

Выходные тоже не порадовали. В основном я пряталась от Димки, на звонки не отвечала и даже обреталась у родителей. Агатка на вопрос, где ее носит, невнятно бромотала, а Берсеньев и вовсе был недоступен. В общем, понедельник я встречала вздохом облегчения.

Туров вошел в комнату для свиданий, а я подумала: очками положение не спасешь. Такой тип одним своим видом старушек возле подъезда заставит позвонить в полицию, не дожидаясь повода. Начать с того, что все в нем было несуразно: руки слишком длинные, а ноги для такого туловища слишком короткие, мощная грудная клетка, выпирающая, словно барабан, и до нелепого узкие бедра: штаны на них упорно не желали держаться. За то время, что он был в изоляторе предварительного заключения, волосы на бритой голове успели чуть отрасти, но симпатичнее его не сделали. Татуировка кобры, само собой, была на месте.

Туров взглянул на меня исподлобья и спросил насмешливо:

– Смена караула? Вы сестры, да?

Я кивнула, а он добавил:

– Похожи, – сел на стул и сложил руки на груди. – Когда меня выпустят?

– Мы работаем над этим, – туманно ответила я.

– Плохо работаете, – быстро перегнувшись ко мне, буркнул он. – Я здесь торчу уже кучу времени...

– Сочувствую. – Он хмыкнул и головой покачал, а я сказала: – У меня есть вопросы.

– Валяйте.

– Начнем с главного. Как вы можете объяснить появление шарфа Софьи в вашем сарае?

– Объяснить? Очень просто. Она же и подкинула. Или еще какой-то придурок. Я не знаю, – по слогам произнес он. – Мне сказали, на шарфе ее кровь. Надо думать, для меня это плохо. Так? Но я к этому никакого отношения не имею. Я ее не убивал. И очень сомневаюсь, что это сделал кто-то еще... разве что псих, которому в кайф мочить людей без всякого повода.

– Расскажите, как вы познакомились, – предложила я.

Туров удивился:

– Зачем?

– Пытаюсь разобраться в ваших отношениях.

– Нормальные отношения. Она мне нравилась, когда дурака не валяла. Я ей, наверное, тоже. Иначе какого хрена со мной в постель ложиться?

– Софья интересовалась историей ваших семей...

– А-а, вы об этом. Интересовалась. Даже слишком. Достала с этой историей.

– Что конкретно она пыталась узнать?

– Понятия не имею. Я ей сразу сказал, меня все это не колышет.

– О вашем дяде, Аркадии Чадове, она расспрашивала?

– Само собой. Только я о своем дяде ничего не знаю. Он сгинул, когда меня еще на свете не было. Мать о нем особо не рассказывала. Знаю, что его жена и сын погибли. В нашем деревенском доме. Я его продать собирался, да все руки не доходили. Мать дом не любила, что вполне понятно, и мне в нем было не по себе. А вот Соньке там точно медом намазали, таскала меня туда при каждом удобном случае. И даже одна ездила.

– И чем она там обычно занималась? – делая заметки в бумагах, задала

я очередной вопрос.

– В вещах рылась, которые после пожара остались. На чердаке всякий хлам разглядывала, чердак-то не пострадал. И с местными болтать любила.

– О чем?

– Откуда мне знать? Говорила, ее интересует наша общая история... Надеялась, что в деревне еще помнят ее отца и моего дядю... На даче труп нашли, да? – сменил он тему.

– Давнее захоронение.

– Это мой дядька?

Я пожала плечами:

– Вполне вероятно.

– А это вообще возможно установить?

– Вы же родственники, значит, возможно.

– По результатам ДНК, вроде это так называется? Мама его искать пыталась. Думала, что вернется, а он все это время... – Туров покачал головой и отвернулся.

А я подумала, парень он вполне нормальный и ничто человеческое ему не чуждо.

– Софья когда-нибудь говорила вам, что ее отец получает письма с угрозами?

– Может, и говорила. Большинство ее слов я мимо ушей пропускал. Она трещала, как сорока. Девки обычно болтливы, мне досталась очень болтливая. Еще и спрашивала каждую минуту: «Неужели тебе не интересно?» Мне не интересно. Ее отец мне по барабану и все прочие родственники тоже. Что еще?

– Когда вы узнали о ее беременности?

– За пару дней до того, как все произошло.

– Вы поссорились?

– Тогда? Нет. Чего нам ссориться? Ну, залетела. Бывает. Жениться я не собираюсь, по крайней мере в ближайшие пять-шесть лет, а ребенка конечно бы не бросил. Я что, урод какой-то? Но ей ребенок нужен так же, как мне женитьба. Понимаете? И концерт она устроила по одной причине: чтобы все свалить на меня.

– Что свалить? – решила уточнить я.

– Ну... ребенка она не хотела, – терпеливо принялся объяснять он. – Скажи я: «Делай аборт», она бы обозвала меня и так и сяк, аборт сделала и считала бы меня скотиной, а себя несчастной жертвой. То есть и от ребенка бы избавилась, и вроде как не грешна. А я сказал: сама решай. Помогать буду, жениться – нет. Получалось все совсем не так, как ей

хотелось, и я вроде не совсем мерзавец, и вся вина на ней, если она от ребенка избавится.

– Женщины в такой ситуации ждут от мужчины поддержки, – буркнула я.

– Так я поддержать не против. Я против, когда мне голову морочат. А она только этим и занималась. Еще вопрос: был ли ребенок. Запросто могла соврать. Для драматизма.

– Вы эту тему обсуждали, когда отправились к ее отцу?

– Эту. Не удивлюсь, если Сонька сбежала, чтобы потом, когда вернется, папаша на радостях простил, что залетела. Отца она не то чтобы боится... Боится, что денег не даст, сама-то она трудиться не планировала.

– Вы уверены, что она жива и где-то прячется? Может, догадываетесь у кого?

– Нет. Не догадываюсь. И даже не уверен, что жива. Но очень бы хотел, чтобы так и было. Особенно если не врал и в самом деле беременная. И ребенок этот мой. Что, кстати, тоже вызывает сомнения. У нас были свободные отношения, клятвы верности друг другу мы не давали.

– А что вы думаете о своих компаньонах? – задала я вопрос, сообразив, что ничего нового о Софье он мне не сообщит.

– Компаньонах? – переспросил он и нахмурился.

– Компаньонах или приятелях, с которыми у вас общее дело?

– А-а, вот вы о чем. Я думаю, что они неплохие ребята, правда, иногда торопливые.

– У вас возникли разногласия?

– Нет, с чего вы взяли?

– Слушайте, – не выдержала я. – Не надо в каждом моем слове видеть подвох. Я хочу вам помочь.

– Утопив в дерьме кого-нибудь из них? Нет уж, спасибо.

– А если кто-то из них действительно помог Софье исчезнуть, по ее доброй воле или ей вопреки?

– Оставьте их в покое, – взглянув исподлобья, буркнул он. – Я отлично знаю, кто из них на что способен. Лучше позаботьтесь о том, чтобы меня наконец-то отсюда выпустили.

На этом, собственно, разговор был закончен. Покинув узилище, я вздохнула полной грудью. Вид решеток действовал на меня угнетающе. Потоптавшись немного на месте, я позвонила Агатке. Отчет мой был краток и ее вряд ли порадовал. Еще меньше порадовали намерения покопаться в архивах.

– Не могу понять, на фиг тебе это надо? – ворчливо прокомментировала она, однако, позволила побыть на воле, вместо того чтоб мозолить ей глаза в офисе.

День выдался холодным, разговаривая с сестрицей, я пританцовывала на месте, чтобы не замерзнуть. Пожалела о том, что не прихватила берет, и побрела к стоянке такси. Сюда я приехала на троллейбусе, потому что с вечера забыла машину заправить и сделать это утром уже не успевала. Подумала и позвонила Перфильеву. Раз уж он теперь дорогой друг, должна быть от него какая-то польза. Перфильев не ответил, но я проявила настойчивость. После третьей попытки пришло СМС «перезвоню, как только смогу». И я отправилась дальше по улице, смутно припоминая, что где-то неподалеку было кафе...

Память не подвела, вскоре я устроилась за столом, заказала кофе и стала ждать звонка Перфильева, вертя мобильный в руке, а потом, внезапно решившись, написала: «Как дела?» – и отправила СМС Стасу.

Он не ответил. То ли не захотел, то ли мое сообщение затерялось среди других, то ли Стас вообще успел номер сменить. А если написать ему длинное-длинное письмо, рассказав все, как есть? Это, наверное, проще, чем сказать при встрече. И что ж ты ему напишешь? Он и так все знает. Просто Стас научился жить без меня, а я так и не смогла.

Подперев щеку рукой, я привычно занималась самобичеванием, пока передо мной вдруг не возник Берсенев.

– А ты здесь откуда? – ахнула я.

– Проезжал мимо, увидел в окне твою несчастную физиономию. Третью мировую уже объявили? Цунами смыл целый континент? Или еще какая-то трагедия вселенского масштаба? – Он устроился напротив, от кофе отказался и теперь насмешливо поглядывал на меня.

– Я не смотрю по утрам телик, не заглядываю в Интернет и радио не слушаю, – ответила я. – Если наш шарик лопнул, я еще не в курсе.

– Ага, – кивнул Берсенев. – Тогда у меня только один вариант. Рыдаешь над разбитой любовью?

– Можно не лезть в мою личную жизнь? Хотела бы скромно напомнить, в твоей тоже все далеко не безоблачно.

– Вот уж глупость, – фыркнул Берсенев. – Я привык наслаждаться жизнью независимо от того, что в ней происходит.

– Научишь?

– А я чем, по-твоему, занимаюсь?

– Тогда скажи на милость, почему все так по-дурацки? – тут мне стало стыдно, и я нервно хихикнула, а Берсенев усмехнулся.

– Вопросы вроде этого ответа вообще-то не требуют. Должен тебя огорчить, милая, наш мир – это просто ленивое недоразумение. Иначе говоря, высший разум в нем отсутствует, и полагаться, как это ни грустно, приходится только на себя. И никакого бессмертия для главных персонажей. Это я к тому, что чем больше ты тратишь время на ерунду, тем меньше его остается. И однажды не окажется вовсе.

– Выпендрейщик, – хмыкнула я. – Кому вкручиваешь? Сомневаюсь, что ты хорошо спишь по ночам...

– Со сном у меня проблемы только в том случае, если рядом хорошенькая блондинка или брюнетка. Мне, собственно, без разницы.

Я накрыла его руки, лежащие на столе, своими ладонями и головой покачала:

– Все ты врешь...

– Это жест сочувствия? – кивнул он на наши руки. – Сзади Стас сидит, вдруг приревнует?

Я отдернула руки и обернулась. За моей спиной была компания молодых людей.

– Шутка, – засмеялся Берсенев. – А с руками поосторожнее, мало ли что.

– Идиот, – вздохнула я.

– Ага. Трачу драгоценное время на дурочку. Правда, дурочка мне очень симпатична, что явное транжирство оправдывает.

Тут и объявился Перфильев.

– Что тебе? – спросил с некоторым недовольством, когда я ответила на звонок.

– Помощи и поддержки.

– А поконкретней?

– Давай встретимся, я тебя угощу, чем захочешь, и все как есть растолкую.

– У меня полчаса, не больше...

– А я совсем рядом с твоей конторой, – ошастливила я и назвала кафе, в котором находилась. Олег Викторович вздохнул и отключился.

– Что ж, оставляю тебя в надежных руках, – сказал Берсенев, поднимаясь, и взял пальто с вешалки.

– Я с Туровым встречалась. Толку – ноль... Одно несомненно: Софья проводила свое расследование и с этой целью не раз приезжала на дачу. Местных расспрашивала.

– О чем?

– Туров считает, об отце. И о его дяде. Они ведь были друзьями.

Берсенев задумался, глядя куда-то поверх моей головы.

– Позвони мне, – сказал, достав ключи от машины. – Вдруг идея появится.

Он ушел, а на смену ему практически через несколько минут явился Перфильев.

– Будешь допекать с этим делом? – вздохнул он, занимая место Берсенева. Куртку снять не пожелал, от кофе и прочих радостей отказался. Сэкономить, я, конечно, рада, но стоило пошевеливаться. Похоже, времени у него и впрямь в обрез.

– Есть новости?

– Не так стремительно, дорогая. Мы же не в кино.

– Это может быть Аркадий Чадов?

Олег Викторович пожал плечами:

– Как знать... Один сюрприз мы уже получили, когда искали Смолину, а нашли старые кости, может, будет и второй.

– Остро нуждаюсь в твоей отзывчивости, – развела я руками. – Надо взглянуть на старое дело об убийстве, которое произошло на этой даче несколько лет назад. Женщина и ребенок.

– Да знаю я, – поморщился Перфильев. – Ты защищаешь Турова, ну и флаг в руки, при чем здесь убийство семьи его дяди, которое произошло бог знает когда?

– Внутренний голос подсказывает: все как-то связано.

– Да? Что с чем?

– Ты говорил, у тебя времени мало? Тогда, может, не стоит тратить его на ерунду. С делом поможешь?

– От черта молитвой... – махнул он рукой. – Завтра позвоню. Надеюсь, это все?

– Зря надеешься. Я ж по пустякам не беспокою. Чадов исчез после ограбления квартиры своей знакомой. Будущей мадам Смолиной. На это дело мне тоже надо взглянуть.

– Я думал, ты луну с неба попросишь, – фыркнул Олег Викторович. – А тут такая ерунда... Дорогая моя, это ж даже не убийство, кому надо хранить дело столько лет? Архив лишь наполовину оцифрован, десять лет назад там все залило...

– О трудностях мне слушать неинтересно...

– Конечно... Мне что, самому идти и в бумажках копать? – он вдруг нахмурился, помолчал довольно долго и продолжил: – Слушай, может, тебе повезет, и об этом деле ты что-нибудь узнаешь. Есть у нас заслуженный пенсионер, Куйбышев Валерий Андреевич. Память у старика просто

феноменальная... Я ему месяц назад очередную ветеранскую грамоту вручал и сам смог в этом убедиться: все громкие дела помнит на зубок, с именами и фамилиями.

– Где найти заслуженного старца?

– Дома. Я ему позвоню, встретит как родную.

Перфильев достал мобильный и довольно долго разговаривал с Валерием Андреевичем. Начал с вопроса о здоровье, потом о погоде, но, наконец, дошла и до меня очередь, после чего я смогла получить адрес, а Перфильев возможность удалиться. В знак бесконечной признательности я его расцеловала, хотя пока пользы от него не видела. Выпив еще кофе, я некоторое время пялилась в окно, потом резво поднялась, схватила сумку и направилась к Куйбышеву.

Жил он в переулке возле старого костела. Дом следователя на пенсии был из красного кирпича в три окна, с крылечком и палисадником. Сейчас там темнел голыми ветвями куст шиповника, но я не сомневалась, что летом здесь настоящий цветник. Домик хоть и был невелик, но выглядел добротным и ухоженным.

Не успела я подойти к калитке, как дверь в дом распахнулась, и на крыльцо вышел мужчина с густой шевелюрой, абсолютно седой. Ей под стать были кустистые брови, тоже седые. И усы с залихватски подкрученными кончиками. Мужчина был в клетчатой рубашке и джинсах, поверх рубашки вязаный жилет, на ногах войлочные тапки. В целом дядька был похож на кавалериста. Я дала бы ему лет семьдесят, но могло быть и больше.

– Ефимия Константиновна? – весело крикнул он, а я заголосила в ответ:

– Здравствуйте, Валерий Андреевич!

– Проходите, проходите, я вас жду.

Быстро справившись с затвором на калитке, я поднялась на крыльцо и поздоровалась еще раз. Валерий Андреевич провел меня в дом, я сбросила сапоги в тесной прихожей и взамен получила тапки, точно такие, как у него. Он помог мне снять пальто, и мы вскоре оказались в кухне, небольшой, уютной, с кружевными занавесками на окнах.

– Сейчас будем чай пить, – весело сообщил Куйбышев. – Супруга моя сегодня с внуками сидит, вернется поздно. Так что я, так сказать, целиком и полностью в вашем распоряжении.

Не особо рассчитывая на удачу, я сообщила, что меня интересует. Валерий Андреевич слушал меня и кивал, а потом хитро улыбнулся.

– Помню я это дело. И даже очень хорошо.

– Оно вас чем-то поразило? – не скрывая своей большой радости, задала я вопрос.

– Поразило. Но не какими-то обстоятельствами дела, не было в них ничего особенного, – тут он засмеялся и головой покачал. – Все дело в Фаберже. Слыхали о таком?

– Знаменитый ювелир? Конечно.

– Вот и я слыхал, но никогда не видел. Я, знаете ли, сам из деревни, семья совсем простая. И незадолго до этого из района перевелся. А у нас там с культурой негусто. И вдруг – Фаберже. Уж очень хотелось взглянуть.

– Взглянули? – принимая из его рук чашку, спросила я.

– Куда там. Похищенное так и не нашли. Ни грабителей, ни награбленное. Только на фотографии довелось полюбоваться. Хозяйка на фотографии с этой брошкой на платье. Хотите, покажу?

– У вас есть фотография? – обалдела я.

– У меня много чего есть, но это секрет. Договорились? Вы пейте чай, а я сейчас все принесу. Как только Олег Викторович мне позвонил, я сразу начал необходимые бумаги искать.

– Извините, что пришлось побеспокоить.

– Ерунда. Если уж правду-матку сказать, рад, очень рад. Хоть кому-то мой архив понадобился. Не зря, выходит, столько времени и сил... – он заговорщицки подмигнул и удалился.

Я пила чай, ожидая его с нетерпением. Вернулся старикан с картонной папкой, развязал тесемки, покопался в ней и протянул мне ксерокопию фотографии женщины. Прическа а-ля Людмила Зыкина, темное платье, на груди брошь. Качество ксерокопии очень неплохое, но детально брошку, конечно, не разглядишь. Только я собралась заявить об этом, как появилась следующая ксерокопия, изображение брошки увеличили, и теперь она занимала четверть листа.

Куйбышев, нависая надо мной, стал объяснять:

– Размер десять на шесть. Видите, здесь роза из рубинов, веточки из изумрудов, а это все бриллианты. Тот, что в центре цветка, – в полтора карата. По нынешним ценам такая брошь тянет миллиона на полтора, и то потому, что клейма нет.

– Чего нет? – брякнула я.

– Клейма Фаберже. Хотя, вне всяких сомнений, эта работа его мастеров. Отсутствие клейма, само собой, на цене сказывается. Сколько бы она стоила, будь оно на месте, даже вообразить трудно. Но и так полтора миллиона... квартиру можно купить. Это еще не все. Среди похищенного кольцо Фаберже, с клеймом. На вид скромное, но миллион сейчас стоит.

Фотографии нет, но вот здесь подробное описание каждой похищенной вещи. Хозяйка толк в драгоценностях знала. Оценили их тогда на сумму прямо-таки фантастическую.

– Можно я опись перефотографирую? – попросила я.

– Конечно. Я пока работал, все ждал, вдруг где всплывут побрякушки эти. Нет, видно, залетные сработали.

– Как же залетные, если Чадова заподозрили? Приятеля дочери?

– Так и есть. Девчонка его признала. Следовательно сразу стало понятно: скрывает она что-то, недоговаривает. Нажали маленько, грамотно, чтоб от начальства не схлопотать, она тут же в слезы. Мне, говорит, показалось, что один из грабителей похож на моего друга. Что за друг? Она про Чадова и рассказала. Но было их двое. Вот второй, думаю, залетный. В новостях передали, на чадовской даче труп нашли. Об заклад бьюсь: Чадов и есть.

– Дружок делиться не захотел? – кивнула я.

– Может, и так. Но я думаю, прикинул дружок, что на них быстро выйдут, и решил не ждать. От подельника избавился и в бега.

– У Чадова был приятель. Евгений Дуров. Вроде бы даже успел в тюрьме отсидеть. Окружающие удивлялись, что их могло связывать.

– Как вы сказали? – переспросил Валерий Андреевич.

– Евгений Дуров, – повторила я.

– А откуда у вас подобные сведения, осмелюсь спросить?

– От Венеры Смолиной.

– Вот как? Лично я никакого Дурова не припомню. Давайте проверим, может, память мне изменять начала, хотя, признаться, никогда не жаловался.

Мы вместе просмотрели копии всех документов в папке.

– Зачем вы это храните? – не удержалась я.

– Как же... дело-то не раскрыто...

– Столько лет прошло...

– Это да. Даже если найдем грабителя, привлечь его будет затруднительно. Наверное, такой уж я человек – не люблю незаконченных дел.

У нас ушло полчаса на то, чтобы убедиться: ни о каком Дурове ни Венера, ни Смолин, которого тоже допрашивали, ни разу не упомянули.

– Странно, – повторила я.

– Почему же... – пожал плечами Куйбышев. – Могли просто о нем не вспомнить. Бывает такое. Ну а потом, когда успокоились...

– Должно быть, так и есть, – кивнула я, но сомнения остались,

а вместе с ними весьма неприятное чувство, что я не вижу очевидного. Я тут же пожалела, что Берсеньева нет рядом. – Можно все это скопировать? – спросила я.

– Конечно. Лишь бы делу польза. Кстати, вот на эту бумагу обратите внимание. Соседка видела, как из подъезда вышли двое молодых людей. И один из них показался женщине знакомым. Он был в очках, с бородой и в кепке, надвинутой на самый лоб, но что-то ее в незнакомце смутило.

– А Чадов бывал в доме Венеры?

– По ее словам, довольно часто. Соседка скорее всего не раз его видела, а в новом обличье, в отличие от Венеры, не признала. Но это подтверждало, что следствие на правильном пути.

– Но Чадов вдруг исчез... – кивнула я.

– Да, исчез. На даче его не обнаружили, у сестры тоже. Надеялись, что похищенное они решат продать и где-то проколятся, всплывут золото-бриллианты, но... Описание второго грабителя было весьма расплывчатым, девушка, Венера эта его почти не запомнила, очень испугалась. Вел он себя решительно и грубо, угрожая расправой. А первый ее вроде как защищал. Она поэтому и начала к нему приглядываться, и как он ни маскировался, но она догадалась, кто перед ней. Второй же скорее всего был матерый уголовник. Соседка о нем тоже ничего существенного сказать не могла. Роста среднего, волосы до плеч, наверняка парик. Если и нет, избавиться от длинных волос очень легко. Одно несомненно, если бы поделщик Чадова остался здесь, золото непременно бы всплыло. Ему ведь не побрякушки, ему были деньги нужны.

– А если побрякушки? – произнесла я, сама толком не зная, что имела в виду.

– Кто-то из коллекционеров? – удивленно поднял брови старик. – Но если труп на даче – это Чадов, коллекционер у нас из тех, кто и перед убийством не остановится.

– Мне, знаете, что пришло в голову... а если все наоборот, и труп – это тот самый дружок-уголовник, которого Чадов просто использовал. Его семью и семью Смолина связывает давняя вражда. Вот бы узнать, не было ли там каких-нибудь сокровищ, которых семья Чадова лишилась. И экспроприируя золото у невесты своего соперника, он тем самым восстанавливал справедливость. Спрятал золотишко до лучших времен, а сам поехал залечивать разбитое сердце. Куда-нибудь в Сибирь. Где и живет счастливо по сей день.

«Или уже успел вернуться, – мысленно продолжила я. – Обретается где-то совсем рядом и Смолину шлет письма с угрозами. Софья, затеяв

расследование, умудрилась на него нарваться. И в результате тоже исчезла. Не зря, ох, не зря она ездила на дачу. Что-то она там надеялась отыскать».

Куйбышев, слегка хмуря кустистые брови, задумался, глядя на меня.

– Интересная мысль, – кивнул где-то через минуту. – Надеюсь, вскоре мы будем знать об этом деле куда больше. По крайней мере, сможем ответить на вопрос, это труп Чадова или нет.

– А что-нибудь об убийстве на чадовской даче вам известно? – спросила я. – Убили его гражданскую жену и сына...

– Об этом я, конечно, слышал. И интерес проявил, раз уж речь шла о моем фигуранте. Но этим делом занимались другие люди, и никаких документов у меня, к сожалению, нет. Помню только утверждение коллег, что преступник вряд ли планировал убийство. Наличие в доме женщины с ребенком явилось для него неожиданностью. По тому, как располагались тела, можно было предположить: женщина выбежала, услышав шум, и убийца ударил ее, кажется, каминными щипцами, то есть тем, что под рукой оказалось. Мать, видимо, успела закричать, мальчик проснулся и выскочил из своей комнаты. Их обгоревшие тела лежали рядом... Преступник, вне всякого сомнения, что-то искал. А поджог устроил, чтобы скрыть улики.

– Может, украденные Чадовым сокровища он и искал? – подумала я вслух. – Но кто мог знать о них? Не Чадов же убил свою жену и ребенка? Такое в голове не укладывается.

– К сожалению, подобное встречается чаще, чем мы могли бы предположить, – вздохнул старик. – Ваша версия вполне логична. Чадову вдруг понадобились деньги, и он вернулся. Не узнать его жена не могла, даже если допустить, что он изменился за эти годы. Он же хотел сохранить свое новое имя в тайне и ее убил...

– Но ребенок? – напомнила я.

– Да-а, – протянул Куйбышев. – Тогда Чадов – настоящее чудовище. К сожалению, детей тоже убивают. И по гораздо меньшему поводу.

Я перефотографировала материалы, которые могли пригодиться. Мы еще выпили чаю и обсудили мою версию, Куйбышева она увлекла, а я, должно быть из духа противоречия, решила, что все это чушь. Чадов не какой-то там уголовник. Не мог он убить собственного ребенка... Беда в том, что однозначного ответа «мог – не мог» не было. Придется ждать заключения экспертизы. «Допустим, Чадов сменил фамилию и живет себе рядышком, не беспокоясь, что его обнаружат, – вновь подумала я. – Впрочем, сейчас уже должен забеспокоиться. Однако надо быть весьма нахальным типом, чтобы явиться туда, где живут люди, хорошо его

знавшие. За три десятка лет он так изменился... мог пластическую операцию сделать... Мог даже встречаться с Венерой или тем же Смолиным, про себя посмеиваясь над ними. С одной стороны, вроде все логично: украл золото, спрятал его, потом за ним вернулся. Но убийство сына в голове не укладывалось... да и тот факт, что Чадов рядом, все же вызывал сомнения. Зачем ему все это? Неужто он в самом деле свихнулся на семейной вражде и решил, что теперь Смолин должен за все ответить? Чадов лишился сына, а теперь исчезла дочь Смолина. Смолин к убийству ребенка Аркадия не причастен, но изворотливые умы богаты неожиданными заключениями, и обвинить во всем старого друга Чадову ничего не стоило.

Покинув дом Куйбышева, я первым делом позвонила Агатке.

– Ты там роман, случаем, не пишешь? – съязвила она, лишь только я поведала о своих догадках. – Между тем наша задача проста и банальна – вытащить этого придурка из тюрьмы. А если не удастся, то постараться, чтоб он отделался минимальным сроком.

– А папа всегда говорит: «Наша цель – установить истину».

– Так папа говорил? – ахнула Агатка. – Тады ладно... И что там с истиной?

– С истиной туго, – призналась я. – Как думаешь, можно ускорить проведение экспертизы?

– Конечно. Стоит только позвонить папуле, – издевательски предложила сестрица.

Папа наш из тех, для кого семья и работа существуют отдельно. Говоря попросту, соваться к нему бесполезно: все в порядке живой очереди, без скидок на родство. И помогать мне он точно не станет. Это был как раз тот случай, когда чужие принципы доводят до тихого бешенства.

– У тебя полно знакомых... – напомнила я.

– Кто ж спорит? Жаль только, генпрокурор почему-то не отвечает на мои звонки.

– Свинство.

– Ага. Я бы на него президенту пожаловалась, но на мои звонки он тоже не отвечает.

– Ну и зануда ты, сестрица. На работу не приду, дел по горло.

– На премию ты, надеюсь, не рассчитываешь? А если не накопишь ничего путного и парня мы не вытащим, то и о зарплате забудь.

На этой оптимистичной ноте мы и простились. Домой я возвращалась на троллейбусе, решив не тратиться на такси. Нашла место напротив блондинки в ярко-красном берете. Она то и дело заваливалась на бок,

погружаясь в дремоту, а потом резко выпрямлялась и тревожно поглядывала в окно, боясь пропустить свою остановку. Я тоже старалась смотреть в окно, наблюдая, как мимо проплывают дома и люди на улицах. В троллейбусе меня и застал звонок Перфильева.

– С тебя вискарь, односолодовый, запомнишь?

– Запишу.

– Можешь заглянуть ко мне прямо сейчас. Дело ждет тебя.

Я собралась рассыпаться в благодарностях, но он уже отключился. Выйдя на ближайшей остановке, я почти сразу поймала такси и через двадцать минут резвой рысью неслась по коридору в направлении кабинета Олега Викторовича. Через минуту выяснилось, что сам он отсутствовал, но любезная до приторности секретарша проводила меня в крохотную комнату, где не было ничего, кроме стола, стула и стеллажа, абсолютно пустого. Окна, кстати, тоже не было. Я задумалась над предназначением данной комнаты и только собралась задать вопрос, как секретарша сказала:

– Надеюсь, вам здесь будет удобно. Документы я сейчас принесу.

Она удалилась, а я устроилась за столом и от безделья принялась насвистывать. Очень скоро на столе передо мной уже лежала папка с бумагами, а также появились чашка чая и конфеты в вазочке.

– Когда закончите, позвоните мне, пожалуйста, – сказала женщина, оставляя листок с номером своего мобильного.

Я не спеша выпила чай, а потом с некоторым трепетом развязала тесемки на папке.

Бумаги я изучила внимательно, мельком взглянула на фотографию двух трупов и невольно поежилась. Мысль о том, что вернувшийся бог весть откуда Чадов убил собственного ребенка, показалась совершенно дикой. Несмотря на все старания следователей, они не особо продвинулись в своей работе. Если и были в доме улики, то их уничтожил пожар. Соседи в ту ночь ничего подозрительного не видели и не слышали, чужих в деревне не было. Отпечаток резинового сапога неподалеку от дома, вот, собственно, и все. Возможный мотив жуткого убийства тоже вызывал сомнения: жена Чадова жила здесь только летом, ничего ценного в доме просто не было. За несколько дней до убийства возле деревни встали табором цыгане. Дом выглядел куда богаче других, возможно, он тем самым и привлек их внимание. Цыган отыскивали через неделю в соседней области и допросили, но хоть подозрение с них окончательно не сняли, однако предъявить им было нечего.

Вечером, накануне убийства, жена Чадова с сыном должна была уехать домой. Но в последний момент передумала. Соседке сказала,

что у мальчика температура. К ней она пришла часов в десять, попросила молока. Складывалось впечатление, что убийца о ее намерениях покинуть дачу знал и застать кого-то в доме не ожидал. Мелкий жулик влез в дом с надеждой поживиться стареньким телевизором и прочей ерундой, столкнулся с хозяйкой и с перепугу убил ее? А потом отступать было некуда, и когда на шум появился мальчишка, пришлось и с ним разделаться. Однако если допустить, что на даче были спрятаны драгоценности, украденные в квартире Венеры, то шел за ними вовсе не случайный воришка, а человек, близкий к Чадову. Логично предположить: тот самый приятель, который участвовал в ограблении квартиры. Но почему он сразу не забрал все золото? Чадов успел спрятать свою долю? В таком случае убийца действовал наудачу, толком не зная, где искать. Самая логичная версия – Чадов спрятал украденное, выждал время, а потом за ним вернулся. Но зачем ему было семью убивать? Вполне мог со своей бывшей договориться. Заморочить голову, а затем сбежать. Допустим, было это не так просто, но убить собственного ребенка...

Я закрыла папку и позвонила секретарю.

Вернувшись в свою квартиру, я устроилась в кухне, сняв лишь пальто и бросив его тут же, на табурет, стоявший рядом. И уткнулась в планшет, решив еще раз просмотреть документы. И вновь возникало чувство, что я не вижу очевидного. Некая догадка, которая вроде бы была на поверхности, но упорно в руки не давалась. Я переслала Берсеньеву по электронной почте все материалы, а потом ему позвонила. Он был дома и, вероятно, мучился от безделья, потому что говорил со мной охотно и обстоятельно.

– Думаешь, исчезновение Софьи как раз и связано с этим убийством?

– Ага.

– Тогда, следуя логике, ее в живых тоже нет. Давай завтра еще раз прокатимся на то место, где они в последний раз были с Туровым.

– Зачем? – удивилась я.

– Будем труп искать, – серьезно ответил Берсеньев, но я все равно решила, что издевается, однако согласилась.

– Давай. Документы посмотришь?

– Посмотрю. Можем заняться этим вместе. Приезжай ко мне.

– Некогда, – буркнула я, самой себе удивляясь, никаких дел у меня точно не было, и обычно на приглашения я всегда откликалась, потому что в его обществе нуждалась и подозревала, что он нуждается в моем... Как-то Берсеньев насмешливо заявил: мы с ним родственные души, неприкаянные субъекты с разбитыми сердцами. Вот уж не знаю, сколько

в этом иронии, а сколько правды.

– Да? – вроде бы удивился он, услышав мой ответ. – А по виду не скажешь.

– Ты не можешь меня видеть.

– Вряд ли за последние два часа что-то изменилось. Или изменилось? – насторожился он.

– Нет, – весьма неохотно ответила я. – Обещала Агатке выполнить кое-какую работу.

– Ну-ну, – хмыкнул он и отключился.

А я перебралась на диван и принялась пялиться в потолок. Мысли мои некоторое время вертелись вокруг Турова, но непостижимым образом то и дело возвращались к Стасу. «Я должна была с ним поговорить, – убеждала я саму себя и тут же мысленно съязвила: – О чем поговорить? О наших отношениях? А они есть? Я люблю его. И, возможно, он любит меня. Оказывается, этого мало, чтобы быть вместе. Однажды мы уже пытались, но быстро поняли, преодолеть то, что нас разделяет, совсем непросто, и эта невысказанная истина поселилась в доме, точно незванный гость. И слова с каждым днем давались все труднее, а молчание становилось все невыносимее. Наверное, я была несправедлива к нему. Обещала все забыть, зная, что не смогу. А сейчас сумею? Что, если очередная попытка не принесет ничего, кроме боли? Ведь живем же мы как-то, зачем все менять? Я не живу, – сглотнув, жалко сказала я. – Я переживаю. Так ждут, когда дождь кончится, забыв дома зонт и укрывшись под козырьком чужого подъезда. Я не верю, не могу поверить, что моя жизнь пройдет без него. Не верю отчаянно, и это дает мне силы жить. Вот оттого я и трушу, не рискуя заговорить о самом главном. Ответь он мне резким, категоричным «нет», и что тогда? В самом деле, веревкой запасаться? Но если и дальше продолжать прятать голову в песок, жизнь превратится в бесконечное ожидание. Берсенев прав: надо решаться».

Я поднялась и без особой охоты отправилась в кухню, надела пальто, оглядываясь и пытаюсь представить: с чем вернусь сюда? Что принесу: надежду или отчаянье? «Больной должен знать диагноз», – подумала с насмешкой и направилась к входной двери. По крайней мере, я смогу утешаться тем, что сделала все, что могла.

Выйдя из подъезда, я заспешила в сторону проспекта. О машине вспомнила, только минут через пятнадцать. Но возвращаться было глупо, а ходьба помогала сосредоточиться, в общем, я подошла к дому Стаса, когда уже стемнело. В окнах его квартиры свет не горел. Вместе с обидой я почувствовала что-то подозрительно похожее на облегчение, наверное,

так приговоренный встречает отсрочку приговора. Еще один день перед затянувшимся концом, последний поклон всему, что имеешь... однако я решила, что уйти сейчас будет трусостью. Вдруг Стас все-таки дома? Он может быть в ванной или коротает вечер в темноте. Я вот частенько сижу без света, особенно когда нет желания привечать гостей.

Я направилась в подъезд. Консьерж взглянул на меня с недоумением, должно быть, с моей физиономией что-то не так. У меня любовная горячка, дядя. Слышал о такой болезни? Я извинилась и спросила, дома ли Стас, а он ответил, что Станислав Игоревич уехал с утра и пока не появлялся. Был так любезен, что осведомился, не надо ли что передать.

– Спасибо, я зайду позднее.

Я выходила из подъезда, когда увидела машину Стаса, он как раз сворачивал к воротам. Свет фонаря осветил салон, я без труда разглядела рядом с ним женщину. Наверное, этого следовало ожидать. С чего я взяла, что он живет один? Я топталась на месте, толком не зная, как поступить: вернуться в подъезд, выждать, когда он проедет на парковку, и уйти. Или, как ни в чем не бывало, идти дальше, в надежде, что он меня не заметит. Ворота открылись, но машина вдруг остановилась. Стас вышел и, придерживая дверь, спросил, обращаясь ко мне:

– Что ты здесь делаешь?

А я ответила с дурацкой улыбкой:

– Ничего, просто шла мимо.

Многообещающее начало разговора, первая фраза – первая ложь. Мой ответ вызвал у него кривую ухмылку. Взгляд уперся в меня, и я съежилась, словно упала в бассейн с ледяной водой. Он покачал головой, точно досадуя, и собрался сесть в машину, а я перешла на другую сторону улицы, торопясь увеличить расстояние между нами. Мне хотелось бежать со всех ног, я едва сдерживалась, ожидая, когда за ним закроются ворота, и мы не будем видеть друг друга, и я смогу бежать или, наоборот, упасть и не двигаться. Но он так и не сел в машину и вдруг позвал меня:

– Как дела, Принцеска?

И от этого прозвища, которое он дал мне когда-то, от печали, что была в его голосе, стало так больно, что я подумала: «Вот сейчас и умру». Безвольно опустила руки и ответила:

– Паршиво. А у тебя?

– Хуже не бывает.

Он вновь криво усмехнулся, сел в машину и через мгновение скрылся за воротами, а я стиснула рот шарфом, чтобы своим криком не напугать редких прохожих. Я шла и шла, не разбирая дороги, пока не услышала

настойчивый сигнал сзади, повернулась, ожидая увидеть кого угодно: Берсеньева, Димку, Агату или просто случайного водителя, который и сигналит-то вовсе не мне. Машина Стаса прижималась к тротуару, он открыл окно и сказал:

– Садись.

Я подошла и села, уже зная, что делать этого не надо, не надо продлевать муку. Лучше бежать от него, и придумать себе очередную сказку, и ждать его, снова ждать. Мы опять ехали молча, и когда впереди показался мой дом, я зачем-то спросила:

– А где твоя девушка?

– Обязательно сейчас говорить о ней? – нахмурился Стас. – Ну да, девушка. И что?

– Ты за меня не бойся, – подбирая слова, сказала я. – Я справлюсь. Всегда справлялась.

– Я в спасатели не гожусь. Самому бы как-нибудь...

Он резко затормозил, а потом обнял меня и прижал к себе. Так мы и сидели вцепившись друг в друга, боясь пошевелиться, я не выдержала, и заплакала, и испугалась, что все испорчу.

– Чего реवेशь, Принцеска? – улыбнулся он, отстраняясь.

– Ты со мной прощаешься? – спросила я.

– В сотый раз, наверное, – кивнул он. – А что толку? – отвернулся к окну, долго вглядывался в темноту. – У тебя ничего не получится, – сказал тихо.

– Я жить без тебя не могу, – едва слышно прошептала я.

– Со мной тоже не можешь. Будешь себя поедом есть за то, что я заставил тебя сделать когда-то. Вот такая хрень, Принцеска. Кому-то на том свете жариться, а мне приходится уже здесь. И не пожалуешься: заслужил.

Я вновь прижалась к нему, зажмурившись, чтобы не видеть его потерянного лица. Непривычного. Он погладил мои волосы, а я подумала, как было бы здорово вот так сидеть в машине все оставшееся нам время... Глупость.

– Если и в этот раз все полетит к чертям... – заговорил Стас, и теперь в его голосе не было сомнения. – У каждого есть запас прочности. Мой давно на ладан дышит. Если и в этот раз все полетит к чертям... Мне просто не выдержать, понимаешь? Пару дней назад сон приснился. Я кладу твою голову на свое плечо и стреляю себе в висок... Проснулся счастливым, потому что во сне все кончилось.

– Это тоже выход, – пожала я плечами.

– Дура ты, Принцеска, – усмехнулся он.

– Пусть все так и кончится. Обещай только, что я умру первой. Ты же знаешь: с тобой я ничего не боюсь.

– Знаю, – кивнул он. – Классный я парень, свою жизнь испоганил и твою заодно. Мог бы дать тебе шанс и сюда не возвращаться.

– Это самое страшное, что могло бы произойти. Куда хуже твоих снов...

– Идем, – позвал он, а я бестолково спросила:

– Куда?

– К тебе. Не в машине же сидеть. В моей квартире девица пасется. Надеюсь, ей хватит ума свалить.

– Вы...

– Мы едва знакомы, – перебил Стас, взял меня за руку, и мы пошли к подъезду. – А если бы и не едва, какое это имеет значение?

– Никакого, – кивнула я.

– Ключ под ковриком? – спросил Стас, когда мы подошли к квартире.

– Нет. Разлюбила гостей.

Я долго рылась в сумке в поисках ключа, Стас взял ее из моих рук, нашел ключ и открыл дверь. Я включила свет в прихожей, а он прошел в комнату, оставив дверь открытой, сел на диван, сцепил руки на коленях и оглядывался, точно был здесь впервые.

– Ничего не изменилось, – сказал со смешком.

– Мы изменились, – пожала я плечами.

– Правда?

Он взял меня за руку и притянул к себе. Мы сидели обнявшись, а потом легли на диван, не раздеваясь, все еще в пальто. Стас лежал сзади, обхватив меня руками, впечатался коленями в мои ноги и прижал к себе. Я бы подумала, что он плачет, если бы была способна поверить в такое. Но все равно боялась повернуться. Мы лежали в темноте, не решаясь пошевелиться, и на душе было так тихо, так спокойно, точно я получила отпущение всех грехов.

Проснувшись я от настойчивого звонка, приоткрыла глаза, еще не понимая, что происходит. Я лежала на диване, прикрытая пледом. Вчерашние события в ту первую минуту показались сном, я резко повернула голову и, никого не обнаружив за спиной, жалко всхлипнула, успев убедить себя – точно сон, и тут услышала:

– Доброе утро.

И только тогда увидела Стаса. Он сидел в кресле, в паре метров от меня, в брюках и рубашке, пиджак небрежно брошен на спинку кресла.

Лицо его казалось помятым, глаза покраснели, точно он не спал всю ночь. Может, и правда не спал.

– Димка приходил, – сказал он, в голосе мне чудилась насмешка. – Я не стал открывать.

– Который час?

– Девять.

– Чего это его принесло в такую рань... Почему ты думаешь, что это Димка?

– Видел в окно, как он подъехал.

Я села и потеряла лицо руками, чувствуя, что Стас наблюдает за мной. Я очень боялась сделать что-то не так, я боялась вообще что-нибудь сделать.

– Хочешь кофе? – спросила виновато.

– Хочу, – кивнул он.

– Надо бы душ принять, а еще позвонить Агатке, на работу я уже опоздала...

– Принцеска, – позвал он. – Что-то не так?

– Я боюсь, – честно сказала я.

– Чего?

– Боюсь, что все испорчу.

– Нет, – покачал он головой. – Обойдемся без прежних ошибок. Тебе и так будет нелегко. Родители, Агатка, даже твои друзья, мое присутствие для них как кость в горле.

– Я справлюсь.

– Конечно, – улыбнулся он. – А я наберусь терпения, и все разрешится само собой. Родители привыкнут, Агатка тоже. Привыкнут?

– А куда им деться? Мама мечтает о внуках.

– Вот об этом она может не беспокоиться: сделаем ее многодетной бабушкой... Пей кофе, отправляйся в душ, а потом на работу.

– Я сегодня закосить хотела. Разве у меня нет повода?

– Но сестрице ты ведь о нем рассказать не захочешь? Значит, придется трудиться за двоих, чтоб опоздание простила.

Я выпила кофе, сидя напротив Стаса, испытывая странную неловкость, и чтобы избавиться от нее, отправилась в душ. Дверь оставила незапертой, чтобы Стас не подумал, что я прячусь. Откуда вообще такая мысль? Я ждала, что он войдет, но, покинув ванную, застала его уже в пиджаке и обуви, он, как мог, старался привести в порядок свое и мое пальто.

– Готова? – спросил весело.

– Почти.

Я переоделась, все это время Стас оставался в прихожей.

– Ты меня поцелуешь? – подходя к нему, спросила я.

– На прощанье? – улыбнулся он.

– Дурацкое слово.

Он согласно кивнул и вновь улыбнулся:

– Ты меня переоцениваешь, я человек весьма скромных достоинств.

– И как это понимать?

– Если я тебя поцелую, мы вряд ли покинем квартиру в ближайшие день-два. А я решил быть терпеливым и тебя не подставлять. Начнем встречаться в состоянии повышенной секретности и только у меня.

– А как же... девушка? – не удержалась я, мысленно уже проклиная себя за это.

– Можешь считать, ее просто нет. И не было, – пожал он плечами. – Для меня-то уж точно.

«Он очень быстро вычеркивает из жизни тех, кого вдруг сочтет ненужным», – подумала я, и эта мысль оказалась чересчур болезненной, хотя давно бы пора привыкнуть и к этой мысли, и к его поступкам. Воспринимать как данность. Заранее прощая.

– Что такое? – спросил он, наблюдая за мной, верхняя губа презрительно вздернулась, а я испуганно отвела глаза. – Девушку жалко?

– Какое мне до нее дело? – попыталась я усмехнуться.

– Слава богу. Я боялся, что мы начнем ссориться, толком не помирившись.

Стас помог мне надеть пальто, и мы вышли из квартиры.

– Возьми ключ, – начала я.

А он перебил:

– У меня есть ключ. Сохранил, хотя ты могла сто раз поменять замок, странно, что действительно этого не сделала. Но мне хотелось думать: у меня есть ключ от твоей квартиры.

– Поэтому я и не сменила замок, – засмеялась я.

Он меня обнял, поцеловал куда-то в висок, и когда мы выходили из подъезда – держались за руки.

– Во сколько освободишься? – спросил Стас, стоя возле моей машины.

– Могу сбежать пораньше.

– Давай в пять в парке Победы, возле первой от входа скамьи.

– Настоящее свидание, – улыбнулась я.

– Точно.

Он подождал, когда я отъеду, и только после этого отправился к своей машине. А я поехала в офис и по дороге разревелась ни с того ни с сего.

Стас прав, когда родители и Агатка узнают, нам придется нелегко. Но вовсе не это пугало, а странная покладистость Стаса. Она совсем не в его характере. На чужое мнение ему всегда было плевать. И на мои проблемы, если честно, тоже. Он получал, что хотел, не церемонясь, не сожалея и не размышляя о возможных последствиях. Может человек вдруг измениться? Наверное, может. Ведь ему, как и мне, пришлось многое пережить.

– Трубу прорвало? – наблюдая за тем, как я устраиваюсь за рабочим столом, спросила Агатка.

Она весьма некстати выплыла из своего кабинета, чтобы дать распоряжения Вере.

– Ты повторяешься.

– Не я, ты.

– На самом деле моя фантазия куда богаче.

Сестрица вдруг посмотрела серьезно и спросила:

– Эй, что у тебя случилось?

– Ничего, – испугалась я. – Всю ночь просидела над старым делом, которое Перфильев раздобыл по доброте душевной. Убийство гражданской жены и сына Чадова... Вот и проспала.

– Когда ты для разнообразия начинаешь говорить правду, это даже пугает. Ну и что? Есть гениальные мысли? Или ночь прошла впустую?

– Надеюсь, они нахлынут, после того как мы с Берсеневым посетим предполагаемое место преступления.

– Ага, прокатитесь. Погода хорошая.

Агатка удалилась в свой кабинет, а я перевела дух. Хоть я и заверила Стаса, что справлюсь, однако с трудом представляла, как сообщу сестрице о переменах в своей судьбе. Стаса Агатка считала главным демоном моей жизни, от которого исходят все возможные беды. К сожалению, у нее был повод так думать, и предстоящая дискуссия на эту тему обещала быть жаркой. Я поспешно покинула офис, здраво рассудив: если Берсенев не готов ехать сейчас, я его лучше где-нибудь в другом месте подожду. Однако он порадовал:

– Подъеду минут через двадцать.

Чтоб не мозолить глаза дорогим коллегам, я добрела до угла здания и оттуда наблюдала за потоком машин, ожидая Сергея Львовича. Он подъехал даже раньше.

– Привет.

– Привет, – ответила я. – Документы успел посмотреть?

– Успел.

– И что скажешь?

– Пока ничего. Очень хотелось бы взглянуть на письма с угрозами, которые получает Смолин.

– Вряд ли он их покажет.

– Обойдемся без него.

– Ограбим почту?

– «Ограбим...» – передразнил Берсеньев. – Я добропорядочный гражданин. Грабеж – не наш метод.

– Будешь соблазнять почтальоншу? – догадалась я.

– Вариант, – пожал он плечами.

– А если она бабка лет шестидесяти?

– Тогда в ход пойдет подкуп, а не мое горячее тело. Я, кстати, в любом случае на него особо не рассчитываю. Это только в твоей странной головке живет мысль о моей неотразимости.

– Не скромничай.

– Не буду. Просто на комплимент напрашиваюсь, недогадливая ты моя. Кстати, с утра пораньше Димка звонил. В большом беспокойстве. Причину объяснять отказался, но вскользь намекнул: дома ты не ночуешь, а на звонки не отвечаешь. Это правда или у него глюки на почве неумеренного употребления алкоголя?

– Глюки.

– У меня, наверное, тоже. Выглядишь ты... как бы это помягче... слегка пришибленной.

– Чего вы ко мне привязались? – не выдержала я.

– Ты кого еще имеешь в виду?

– Всех, – буркнула я и к окну отвернулась, а потом сказала: – Вчера вечером мы со Стасом встретились.

– И что?

Вопрос повис в воздухе, потому что ответить на него было не так просто. Берсеньев и не торопился, ехал себе спокойно, глядя на дорогу, время от времени на меня посматривал, и тогда на губах его появлялось что-то вроде ухмылки.

– И какие же возникли трудности? – все-таки спросил он.

– Трудности – мы сами, – невесело усмехнулась я и продолжила, сама себе удивляясь: – Я всегда думала о том, как плохо мне. И никогда о том, а каково ему... и... что, если я сделаю еще больше?

– Он справится, милая, – хохотнул Берсеньев. – А если сама дрейфишь, то так и скажи.

– Чего мне дрейфить-то? – обиделась я.

– Как же... сестрица завопит «караул!», предки, поди, от счастья не запляшут.

– Это да... – и опять отвернулась к окну. – Я-то переживу, а вот Стас...

– Уверен, он думает так же, – вновь усмехнулся Берсеньев. – Тебе предстоит нелегкий выбор, и это делает тебя несчастной. А если вдуматься, проблема-то выведенного яйца не стоит. Родишь ребенка, матушка твоя на радостях тут же прибежит, а следом и остальные подтянутся. Единственное большое неудобство – это Димка. Он в тебя втюрился по самые уши, Стаса и без того на дух не выносит, и у него есть на это причина. Есть?

– Есть.

– Вот. Парень он у нас вполне мирный, но запросто может перемениться, и вместо симпатяги йорика мы получим добермана.

– Мы? – нахмурилась я.

– Я сказал «мы»? – притворно удивился Берсеньев. – Оговорился, наверное. Конечно, я постараюсь, чтобы в буйство он не впадал, но в большом на тебя гнев он и меня запросто пошлет к лешему. Так что ухо следует держать остро, чтоб наш дорогой друг не выкинул какую-нибудь пакость. Беда с этими друзьями, оттого я счастливо и обходился без них.

– Только окончательно настроение испортил, – разозлилась я.

На счастье, нам пришлось прерваться: впереди возник поворот, а вслед за ним и место, где происходила ссора Турова и Софьи. Берсеньев пристроил машину на обочине, вышел и начал оглядываться. Я, скорее из вредности, осталась в «Мерседесе», правда, дверь распахнула пошире, желая насладиться свежим воздухом.

Постояв минут пять и повертев головой, Берсеньев вдруг направился к кустам, а потом и вовсе уселся на земле и теперь, положив руки на колени, щурился на солнце, точно кот. Мне стало завидно, и я запрыгала к нему, стараясь преодолеть канаву, отделяющую дорогу от кустов, при этом не запачкав сапоги. Земля в этом месте успела подсохнуть, и к Берсеньеву я добралась без ущерба для обуви.

– Солнечные ванны принимаешь или медитируешь? – не решившись сесть рядом, спросила я.

– Озарения жду, – ответил он, ухмыляясь и глядя на меня одним глазом, второй прищурив. Наверное, поэтому было в его облике что-то мальчишеское, и я улыбнулась в ответ. – Значит, так, – заговорил он серьезно. – Предположим, что злодей следует за парочкой, держась

на расстоянии, чтобы внимания не привлекать. Они останавливаются, и он тоже, на развилке, свернув направо, прячется за кустами. Он их видит, они его нет. Туров уезжает, и вот тогда замечает машину, однако ни на марку, ни на номер внимания не обратил. Софья в досаде и одиночестве остается на дороге, и тут появляется злодей. Возможно, они знакомы, а возможно, и нет. В любом случае она рада появлению машины: есть на чем отсюда выбраться. Далее... – Берсеньев глубоко вздохнул, глядя на небо, ярко-голубое, как его глаза за стеклами очков, и продолжил: – Мы знаем: Туров через некоторое время одумался и вернулся, но Софью здесь не застал и, по его словам, машин по дороге не встретил. Похоже на правду. Сколько мы тут? И ни одна тачка еще не проехала... Мы также знаем, что некто звонил из автомата, который находится в деревне, и сообщил о ссоре. Логично предположить, звонил наш злодей, к тому моменту успев разделаться с Софьей. Туров его не встретил, потому что он отправился по дороге в деревню, то есть свернул. Думаю, он убил ее либо в машине, через несколько минут после того, как она в нее села, либо прямо на дороге и, по идее, должен был спрятать труп в этих кустах. Больше нигде. С двух сторон поля, местность неплохо просматривается, к тому же машины нет-нет да и проезжают, – кивнул он на древний «Москвич», малой скоростью проследовавший в сторону города. – Да и Туров мог вернуться. Кусты тщательно осмотрели, но труп не нашли.

– А если он труп закопал? – нахмурилась я.

– В поле? Вряд ли у него было время на это. Опять же земля сырая, следы непременно бы остались. Допустим, он с трупом в машине едет по дороге в деревню, там дорога обрывается, но, вполне возможно, есть место, где легко спрятать тело. На обратном пути видит телефон-автомат и решает позвонить в полицию, чтобы сообщить о ссоре.

– Если он хотел все свалить на Турова, зачем прятать труп?

– Затем, что он не знает, как все обернется. Сейчас руки у него развязаны. Пока нет трупа, он может ни о чем не беспокоиться. А вот неприятности Турову обеспечить все-таки смог, и всевозможные подозрения, само собой, падают на твоего подзащитного. Поехали, труп где-то ближе к деревне.

Берсеньев неохотно поднялся, отряхнул брюки от прошлогодней травы и направился к машине. Я за ним. Вскоре мы свернули на проселочную дорогу, а я начала вредничать.

– Почему ближе к деревне, а не здесь?

– Где «здесь»? – передразнил он. – В поле? В кустах? С дороги

не съедешь. Потацишь труп, и, по закону подлости, тут же тачка на дороге появится. Нет, он ограничен во времени и не может далеко удалиться от дороги. В этих краях весной даже на джипе запросто нырнешь по самое брюхо. Ни к чему лишний риск. Значит, надо найти вполне надежное местечко неподалеку.

– Хорошо, – кивнула я. – Давай искать.

Мы уже проехали деревню и с некоторым удивлением обнаружили, что дорога идет дальше, хотя, если верить карте, деревня тупиковая. Асфальт, правда, закончился возле крайнего дома, и все же дорога была вполне сносной. Вскоре выяснилось, что ведет она к бывшему скотному двору. Осталось от него немного – приземистое строение без окон и ворот, крыша в одном месте успела провалиться. Рядом остатки водонапорной башни и еще какое-то сооружение, назначение которого являлось для меня загадкой.

– Пойдем? – взглянув на Берсеньева, сказала я. – Тут до вечера придется все обшаривать.

Берсенев, открыв окно и обозревая картину полного запустения, головой покачал.

– Нет, я же сказал, риск должен быть минимальный. Здесь грязь несусветная, к ферме не подъедешь.

– Тогда где искать прикажешь? – хмыкнула я.

– Дорога обрывается как раз у водонапорной башни. Дальше лес. Тропинку вижу, но на машине не проедешь, особенно тогда, сейчас хоть немного подсохло.

– Может, он рискнул и в лес потащил ее на руках?

– Милая, трупы безобразно тяжелые, это только в кино их легко перетаскивают с места на место.

– Тебе видней, – съязвила я и тут же прикусила язык под его насмешливым взглядом.

– Стоп, – вдруг нахмурился он и начал разворачиваться.

Мы проехали метров пятьсот, и Берсенев вновь остановился. Дорога делала небольшой поворот, слева заросли ивы, машину здесь можно оставить без опасения, что ее увидят из деревни.

– Ива, – сказал Берсенев и выбрался наружу, я, теряясь в догадках, последовала за ним. – Ручей, – ухмыльнулся он, и я, прислушавшись, в самом деле уловила шум воды.

Мы направились к зарослям и вскоре увидели: вода вытекает из трубы, проложенной под дорогой.

– Придется спуститься, – сказал Берсенев. – Ботинки жалко.

- Давай я.
- Конечно, ты. Куда мне без тебя.

Держась за руки, мы спустились с дороги в овраг, на дне которого бежал ручеек. Труба оказалась внушительной, на четвереньках протиснуться вполне можно. Но никакие силы небесные не заставили бы меня лезть туда, потому что запах, который шел из трубы, указывал на то, что Берсенев в очередной раз оказался прав.

- Чувствуешь? – спросил он.
- Еще бы... может, собака? – предположила я.
- Может.

Он достал мобильный и, используя его как фонарик, наклонился к трубе. Замер так на некоторое время, а я забеспокоилась.

- Что там?
- Судя по всему, наша Софа, упокой господь ее душу. Разглядывать ее никакого желания, но ты, конечно, можешь.
- У меня тоже никакого. Звоним в полицию?
- А уж это тебе решать, – озадачил он. – Клиент твой, как скажется на его судьбе наша находка, вопрос открытый.

- Но не можем мы...
- Я могу, – удивился Берсенев. – К тому же, если совсем честно, привлекать к себе внимание наших доблестных органов не хочется. Кстати, не пора ли нам отсюда выметаться?

– Пусть Агатка голову ломает, – приняла я соломово решение, и мы заспешили к машине. Берсенев вел свой «Мерседес» в сторону деревни, а я достала мобильный и набрала номер сестры. – У меня новость, – сказала я, услышав недовольное «Ну?».

- Надеюсь, хорошая. От плохих меня уже тошнит.
- Мы, кажется, нашли труп Софы Смолиной.
- Что значит «кажется»? – рыкнула сестрица.
- Учитывая местонахождение и внешний вид – это она. И что теперь делать?
- В полицию звонить, само собой.
- Сергей Львович объясняться с ними не желает. И я, говоря между нами, тоже.
- Это еще почему?
- О дедукции они, должно быть, слышали, но наше объяснение может их не удовлетворить.

– Черт... – выругалась сестрица, прикидывая последствия нашей находки. – В полицию в любом случае сообщить надо... Звоните

из телефона-автомата.

– Слушаюсь. Агатка велела сообщить, но скрытно, – поворачиваясь к Берсеньеву, пожала я плечами. – Наш рассказ им точно не понравится. Кстати, ты нашел труп с такой ловкостью, что поневоле возникнет вопрос: может, сам его и спрятал?

– Вот-вот, – кивнул Берсеньев. – Оттого я и не стремлюсь к известности. А между тем я все тебе объяснил вполне доступно.

– Тебе пора сесть за фундаментальный труд...

– Руководство по обнаружению трупов? – засмеялся он.

– Название мы потом придумаем. Сергей Львович, ты вызываешь у меня чувство неполноценности, мне б рядом с тобой нахвататься ума-разума, а я по-прежнему дура душой.

– Зато ты красавица, что для женщины куда важней.

К тому моменту мы успели выехать из деревни, проигнорировав телефон-автомат, воспользоваться им вряд ли было разумным.

– Вдруг кто-то из местных обратил внимание на машину? – вслух подумала я.

– Тогда придется покаяться, – равнодушно пожал он плечами.

– Не будешь возражать, если все лавры я присвою себе? Это и Агатки касается.

– Валяй, – кивнул он. – Я добрый.

На самом-то деле двигало мной вовсе не желание выпендриться. Берсеньев прав, ему привлекать к себе внимание ни к чему. Его многочисленные таланты у Агатки уже начали вызывать вопросы, а это совсем некстати, учитывая вьедливость сестрицы.

Выезжая на шоссе, Сергей Львович свернул налево, а я удивилась:

– Ты куда?

– На дачу Смолина. Она ведь в том направлении?

– Да... – вдруг мелькнула мысль, не хочет ли Берсеньев сообщить ему о нашей находке. С ума он сошел, что ли? Но тут я вспомнила о письмах с угрозами и усмехнулась. – Будешь соблазнять почтальоншу?

– Надеюсь, она выглядит пристойно и моим эротическим фантазиям будет где разгуляться.

– Как думаешь, – минут через пять заговорила я. – Отсюда убийца отправился на дачу Турова и шарф подбросил? А вдруг это сам Туров? А звонил действительно случайный водитель, который, как и мы, не хотел с полицией связываться?

– А как же версия, что убийство Софьи связано с давним преступлением?

– Может, и связано, – вздохнула я. – Софья подозревала своего бойфренда во всех смертных грехах, вдруг они за ним и впрямь водились?

– Ну так давай узнаем, водились или нет. Боюсь только, что сердечные дела отобьют у тебя охоту к частному сыску.

Я пренебрежительно усмехнулась, но, достав мобильный, написала СМС, с легкой обидой отметив, что за все это время Стас не позвонил и не написал. «Как у нас?» – «Отлично», – тут же получила в ответ. «Шутишь?» – «Нет», а вслед за этим пришло еще СМС, тоже короткое: «Люблю». И я, прочитав его, зажмурилась, чтобы не зареветь, на этот раз от счастья.

– Ну вот, – сказал Берсеньев, от его соколиного взгляда ничего не ускользало. – На человека стала похожа. Что пишет, любит, тоскует?

– Не твое дело, – отмахнулась я.

– Точно. И это радует.

Тут бы задуматься над его словами, но я была слишком занята: писала ответ Стасу.

Здание почты ничем не примечательное, кирпичная коробка под шиферной крышей, сбоку от двери почтовый ящик, над дверью синие буквы «Почта». К дверям вели три ступеньки, окна забраны решетками.

– Сходи на разведку, – останавливаясь напротив, сказал Берсеньев. – Если аборигены сходку устроили, придется подождать.

Взглянув на листок бумаги с часами работы, вывешенный на двери, я узнала, что почту открывали всего на три часа в день. Должно быть, сотрудник здесь один-одинешенек и дел у него немного. Впрочем, в век Интернета это не удивительно.

Помещение было перегорожено деревянной решеткой, за которой сидела девушка, совсем молоденькая, с рыжей копной волос и веснушками на лице и руках. Я купила открытку и вернулась к Берсеньеву.

– Клиентов ноль. Дерзай.

– Ты бы хоть намекнула, что меня ждет.

– Она как раз в твоём вкусе, – заверила я.

Берсеньев удалился, теперь пришла моя очередь ждать. Вернулся он минут через двадцать, завел машину и отъехал метров на двести.

– Что молчишь? – с некоторой обидой спросила я. – Пришел, увидел, победил?

– Наживку заглотила, но придется поработать. Будь она лет на двадцать старше, трудиться мне пришлось бы не в пример меньше, зато потом от нее хрен отвертеться. А эта нормальная дура, поплачет немного

и забудет меня, стервеца.

– Самокритично.

– Сейчас сама пойдешь ее соблазнять, – посуровел он. – Значит, так. Рыжая закончит работу через полчаса, отвезти тебя я не успею. Возле магазина остановка рейсового автобуса. Поехали.

– Ты в самом деле решил ее соблазнять? – забеспокоилась я.

– А куда деваться? Если предложить ей деньги, она напридумывает черт знает что и откажется. Хотя, если дать много... Вернемся к проверенному способу: ради любимого бабы сделают все, что угодно, и самое приятное – абсолютно бесплатно. У меня, кстати, была одна рыжая. С виду скромница, но потом как начала удивлять... Может, и с этой повезет.

Мы подъехали к магазину как раз в тот момент, когда там появился рейсовый автобус.

– Деньги есть? – заботливо осведомился Берсеньев и зачем-то пошел вместе со мной. – В полицию позвони, когда будешь в городе, из телефона-автомата.

– Ага. Голос изменю... – поднимаясь по ступенькам, сказала я, а он вдруг позвал:

– Фенька! Постарайся ничего не испортить. – И улыбнулся. Надо полагать, эта фраза относилась вовсе не к предполагаемому звонку.

Я села возле окна и наблюдала за тем, как Берсеньев возвращается в машину, бог знает откуда возникло чувство, что прощаемся мы навсегда. Автобус, наконец, тронулся, а я принялась размышлять над словами Сергея Львовича. Само собой, мысли тут же переключились на Стаса, и дорога показалась очень короткой, а когда автобус остановился возле супермаркета, ближайшей точки от моего дома, я, взглянув на часы, решила, что возвращаться домой уже ни к чему. Проехала еще остановку и направилась в парк, где мы должны встретиться со Стасом. Достала телефон и набрала номер сестрицы.

– В полицию звонила? – тут же спросила она. – Кстати, а где произошло радостное событие?

– Неподалеку от деревни, откуда неизвестный сообщил о ссоре Турова и Софьи.

– Так ты звонила в полицию?

– Нет.

– Как это нет? – возмутилась сестрица. – С ума вы, что ли, сошли?

– Сергей Львович решил не торопиться.

– Вот как? Он с тобой?

– Нет. Охмуряет почтальоншу. Надеемся добыть письмо с угрозами. Смолин получал их по почте. Я вот что подумала: может, Софья еще немного там полежит, пока мы не проясним ситуацию...

– Послал господь родню, – взвилась Агатка. – Полежит... Ты юрист, хоть и никудышный...

– Ты мне еще про гражданскую совесть напomini, – разозлилась я.

– Что толку? Ее у тебя в помине не было...

– Не вопи так, дорогая, я могу оглохнуть. Теперь ты в курсе: у нас сложности. А я пошла звонить в полицию, чтоб еще на одно нравоучение не нарваться.

Телефон был возле остановки. Набрав номер, я скороговоркой выпалила, что случайно наткнулась на труп. Свою фамилию не назвала, старательно имитируя детский голосок, наверное, получилось не очень. Закончив, тут же повесила трубку, не дожидаясь вопросов.

До назначенного времени оставалось еще полчаса, но я подумала, возможно, Стас придет чуть раньше, ну а если нет, тоже не страшно. Поброжу немного, подышу воздухом. Не успела я войти в парк, как его увидела. Он шел по аллее, сунув руки в карманы полупальто. Воротник был поднят, ветер трепал его волосы, и он, время от времени, отбрасывал их с лица. Выглядел сосредоточенным и даже хмурым, точно пришел на деловую встречу, важную, а может, и неприятную.

– Стас! – позвала я, он повернулся в мою сторону, и на губах его появилась улыбка, которую я так любила и которую так редко видела. Я кинулась к нему со всех ног, он сделал шаг навстречу и раскинул руки, а потом крепко обнял меня и, целуя мои волосы, произнес:

– Принцеска...

– Не утерпела, пришла раньше, – точно оправдываясь, сказала я.

– Я тоже не утерпел, – засмеялся он. – Весь день думал, может, у меня глюки, может, я все это выдумал?

– А ты звонить не пробовал?

– Боялся тебя подставить, вдруг сестрица рядом.

– Меня надолго не хватит на всю эту конспирацию... – пожаловалась я.

Мы покинули парк. Я держала Стаса за руку и не могла поверить, что счастье вот так запросто свалилось на меня. Он улыбался, шагая рядом, но взгляд был настороженным, и это вдруг испугало, напomniaв, что у нас все не так просто.

Как только мы оказались в его машине, я потянулась к нему с намерением поцеловать, а он, смеясь, сказал:

- Придется потерпеть.
- Свинство какое...
- Ага. Трудности закаляют.

Он держал меня за руку, левой рукой ловко управляя машиной, а я по-дурацки улыбалась или вдруг начинала хихикать, и настороженность начала понемногу исчезать из его глаз.

Он поцеловал меня, как только мы переступили порог его квартиры. И я, вцепившись в него, смеялась и плакала. Мы оказались на полу, как были, в пальто и обуви, жадно прильнув друг к другу, не желая расцепить объятия хотя бы на миг, а потом лежали, взявшись за руки среди вороха одежды, и Стас сказал:

- Я тосковал по тебе.
- А я ответила:
- Прости меня.
- За что? – усмехнулся он.
- За то, что мучила себя и тебя.

Он лег на бок, оперся на локоть и теперь смотрел на меня так, точно видел впервые. Легко коснулся пальцами моих губ и вздохнул:

– Смешной ты человечек, Принцеска. Берешь чужую вину на себя, а потом не знаешь, что с этим делать.

Я собралась ответить, но он стал меня целовать, и я подумала, что мой ответ не имеет значения. Никакие слова значения не имеют.

Берсеньев прислал СМС где-то в половине двенадцатого. Мы к тому моменту успели не только перебраться в постель, но и перекусить, выпить бутылку вина и рассказать, как жили эти месяцы друг без друга. Рассказывала в основном я, и когда голос мой начинал дрожать, Стас крепче сжимал объятия, и рассказ оказывался незаконченным, а я, счастливо улыбаясь, гладила его волосы, когда он устраивал голову на моей груди. В общем, на сигнал СМС я вряд ли бы обратила внимание, но Стас его услышал.

- Сестрица? – спросил, взглянув на часы.
- Нет, Берсеньев, – ответила я и прочитала СМС вслух: – «Задание выполнил. Агент завербован». Он помогает мне с расследованием, – пояснила я.
- Похоже, вы крепко подружились, – усмехнулся Стас.
- Да, похоже...
- Мне есть смысл беспокоиться?
- Нет, конечно нет. Он не воспринимает меня всерьез.

– А ты его?

Я подумала, что будет трудно объяснить мое отношение к Берсеньеву, не вдаваясь в его биографию, точнее, в ту ее часть, что была мне известна.

– Он мне не раз помогал, – ответила я, чувствуя, как неубедительно это звучит.

– Он не воспринимает тебя всерьез, но охотно помогает, – Стас вновь усмехнулся, и в голосе появились те интонации, от которых мне всегда становилось не по себе. – Помнится, я тоже не воспринимал тебя всерьез. И чем это кончилось?

– Он любит женщину, которая замужем за другим. – Я тут же пожалела о сказанном. На Стаса мои слова вряд ли произведут впечатление, зато теперь я чувствовала себя предателем.

– Вот как? Не похож он на страдальца. Ладно, разберемся. Глупо сейчас тратить на это время.

Утром Стас, собираясь на работу, сказал:

– Сможем встретиться днем на пару часов?

– Наверное, – кивнула я, гадая, что он задумал.

– Надо будет купить тебе кое-что из вещей.

– Я могу взять из дома...

– Глазастая сестрица наверняка обратит на это внимание. К тому же это отличный повод увидеться, не дожидаясь вечера. Я скучаю, – сказал он совсем другим тоном, и я, смеясь, признала, что идея отличная.

Он отвез меня на работу, высадив за два квартала. В офисе я оказалась вовремя, но от гнева сестрицы это не спасло. Как всегда, забыв закрыть дверь в свой кабинет, она пыталась разговаривать сразу по двум телефонам и кивком велела мне зайти. Отбросила мобильный и сурово на меня уставилась.

– Это Софья. Уже провели вскрытие. Для нашего клиента все очень скверно. Девицу застрелили из «ТТ». Примерно в то время, когда Туров высадил ее на дороге. И доказать, что сделал это кто-то другой, будет нелегко. Кстати, у меня все больше сомнений в его невиновности. А у тебя?

Я попыталась сосредоточиться на мыслительном процессе.

– Сомнения есть, а вот мотива нет.

– Личная неприязнь не подходит? – скривилась Агатка. – Они поссорились, он вышел из себя и ее застрелил. А ты пытаешься выжать из этого исторический детектив.

– Откуда у Турова оружие?

– Не смей меня. У такого типа, как он, подходящие связи найдутся.

– А следки о них до сих пор не знают?

– И кто у нас сейчас зануда?

– Я только пытаюсь выяснить правду. Как папа учил.

– Не спекулируй светлым именем. Кстати, нам с тобой платят за другое.

– Тогда надо было о трупе помалкивать.

– Поучи сестру... – буркнула Агатка и принялась сверлить меня взглядом. – Димка звонил. Утверждает, что дома ты не ночуешь.

– Я от него прячусь.

– И от меня тоже? Я вечером заезжала.

– Мы с Сергеем Львовичем разрабатывали план операции.

– Ты теперь у него ночуешь?

– Ночь мы провели без сна, но врозь. Он плел любовные сети, в которые угодила почтальонша, а я стояла на шухере, готовая вмешаться, если вдруг перетрудится.

– Не щади мои чувства, сестрица, вашу нежную дружбу я переживу. И Димка, думаю, тоже. Может, пошлет вас подальше, но вы ведь не очень огорчитесь.

– К сожалению, мы с Берсеневым не созданы друг для друга, – со всей серьезностью заявила я. – Скрывать мне нечего, так что зря стараешься. В обед мне надо будет отлучиться, а сейчас, если не возражаешь, пойду работать.

И я отправилась за свой стол. Готовила документы к суду, назначенному на следующую неделю, то и дело поглядывая на часы и подгоняя время. Однако ближе к обеду события начали развиваться совсем по другому сценарию. В половине первого позвонил Берсенев.

– Я возле вашей конторы. Выйди, есть новости.

Судя по голосу, новости должны впечатлять, в нем слышалось едва ли не ликование. Выпорхнув на улицу, я припустилась к припаркованной неподалеку машине.

– Привет, – сказал Сергей Львович и весело мне подмигнул.

– Не тяни, – взмолилась я. – Твоя почтальонша раздобыла письмо?

– Мы еще не перешли к этой фазе, – ответил он укоризненно. – На первом свидании обращаться с просьбой – дурной тон. Речь о нашей прекрасной Венере. Я тебе говорил, кто нас познакомил? Есть у нас общий приятель, известный в городе антиквар по фамилии Хохлов. Я как-то заглянул в его магазин, мы очень мило поболтали, он развел меня на пол-лимона, всучив картину, которая мне на фиг была не нужна, но в результате проникся ко мне большой симпатией. К тому же он играет в шахматы.

Неплохо. Два раза смог у меня выиграть.

– Здорово. А мне от этого что за радость?

– Не перебивай старших. Во время очередной партии в магазине появилась Венера. Они с Хохловым давние друзья, он меня ей и представил. Так мы обрели друг друга. А когда в расследовании возникло похищенное золотишко, я подумал: зачем Венера приходила к Хохлову? Наносить дружеский визит куда естественней дома. Хотя мы с ним предпочитали играть в шахматы в магазине. Но ведь наша дружба только зарождалась, а их длилась много лет. Вчера я заехал к Хохлову, и мы очень плодотворно побеседовали.

– Ты хочешь сказать... – начала я, а Берсеньев с усмешкой кивнул.

– Под большим секретом он рассказал, что два года назад Венера принесла брошь работы Фаберже, но без клейма. Я показал фотографию, и он уверенно заявил: брошь та самая. Мало того, золотишко она распродает в течение уже десяти лет. Наследство, как объяснила Хохлову. В деньгах Венера нуждалась постоянно, и впервые появилась у него с кольцом, детально описанным в протоколе. Поставила условие, что он не станет его выставлять в магазин. Найти покупателя ему предстояло за очень приличные комиссионные. Это и послужило началом их дружбы.

– А как она объяснила свое условие? – нахмурилась я.

– Очень просто. В городе она человек известный и не хочет, чтобы о ее трудностях узнали.

– Но ведь покупатель мог в свою очередь продать украшения...

– Было и второе условие: покупатель должен быть из другого города. Уверен, за эти десять лет она потихоньку распродала почти все, что якобы похитили в ее квартире.

– А Хохлов, что же, об ограблении не знал?

– Он приехал сюда пятнадцать лет назад из Казахстана. Думаю, она поэтому его и выбрала. Сомневаюсь, что слухи до него совсем не доходили, но приличные комиссионные сделали свое дело. Как известно, наибольшим спросом из всей печатной продукции до сих пор пользуются деньги. Хохлов взял с меня слово обо всем молчать, но было заметно, что сам страдает от любопытства. Кстати, у него я застал Смолина-младшего, он, оказывается, коллекционирует старые рождественские открытки.

– Что-то у меня в голове полная каша, – пожаловалась я. – Каким образом Венера смогла вернуть драгоценности? Черт... труп на чадовской даче. Заподозрив Акрадия в ограблении, она приехала к нему, они поссорились, в результате появился труп, а она забрала похищенное?

И все эти годы молчала, боясь оказаться в тюрьме за убийство?

– Интересная версия, – кивнул Берсеньев.

– Постой, а убийство жены и сына Чадова? Мы же решили, убийца искал то самое золото.

– Это ты решила, я помалкивал.

– Прекрати, – разозлилась я. – Но не могла же Венера, разгадав хитрый замысел Чадова, через несколько лет явиться на дачу и убить обоих?

– По моему скромному мнению, цацки все время были у Венеры. Десять лет назад, нуждаясь в деньгах, она решила их продать, уверенная, что о той истории успели забыть. Однако осторожность все же соблюдала.

– В таком случае зачем ей понадобилось придумывать эту историю с ограблением? – растерялась я.

– Об этом лучше спросить у самой Венеры. Дадим ей понять, что нам кое-что известно. Не подводя при этом антиквара, я же все-таки слово дал. В общем, ты рта не открываешь, беседовать с ней буду я.

– Сейчас поедем?

– Конечно. Надеюсь застать нашу богиню дома.

Я кивнула, и Берсеньев завел машину. Тут я вспомнила о недавних планах и позвонила Стасу.

– Встретиться в обед вряд ли получится, – сообщила слегка заискивающе. – Загрузили работой...

– Ничего страшного. Встретимся вечером и все купим.

Тут весьма некстати вмешался Берсеньев.

– К Венере я могу и один съездить...

– Кто там рядом с тобой? – тут же задал вопрос Стас. – Сергей Львович?

– Да. Он...

– Большой ему привет.

Стас отключился, а я сказала:

– Чего ты сунулся?

– Твоя личная жизнь для меня куда важнее нашего расследования. Расследований еще много будет, а Стас один.

– Это глупо, но он, кажется, ревнует, – вздохнула я.

– Скажи ему, что я на днях женюсь на почтальонше.

– Очень смешно.

– Хочешь, я сам с ним поговорю?

– Только этого не хватало.

– Сегодня все утро по радио болтают о нашей находке, – решил он сменить тему. – О том, что Софью убил Туров, говорят открытым текстом,

не дожидаясь суда.

– Положение у него незавидное. Агатка считает, что мы время на ерунду тратим. Углубились в историю, а дело просто до безобразия.

– Ну, не останавливаться же на полдороге...

Мы как раз подъехали к дому, где жила Венера, и разговор пришлось прекратить.

На наш звонок никакой реакции не последовало. Я вздохнула с сожалением, а Берсеньев, перейдя на шепот, сказал:

– Дверь не заперта, – и легонько потянул ее на себя. Дверь открылась, и он позвал громко, заглядывая в квартиру: – Венера Давыдовна, вы дома?

В квартире стояла тишина, которую я поспешила назвать зловещей. Мгновенно возникло предчувствие, меня вдруг обдало холодом, так что я невольно поежилась и вопросительно взглянула на Сергея Львовича. Конечно, Венера могла отлучиться к соседке, забыв запереть дверь, но подобная забывчивость с ее образом как-то не вязалась. Берсеньев в ответ на мой взгляд пожал плечами и решительно вошел в квартиру. Двигаясь вслед за ним, я заглянула в ближайшую комнату. Здесь царил жуткий беспорядок: все шкафы открыты, вещи разбросаны.

– Похоже, нашу богиню опять ограбили, – присвистнув, сказал Берсеньев.

Хозяйку мы обнаружили в гостиной и в первое мгновение решили, что она просто спит. Венера лежала на тахте, под головой подушка, руки вытянуты вдоль тела. Я в замешательстве остановилась, не зная, как поступить. Наше вторжение могло нарушить ее сон, но как-то сомнительно, что она надумала вздремнуть среди всего этого беспорядка. Берсеньев подошел к тахте, наклонился к женщине и присвистнул.

– Что? – тревожно спросила я.

– Отбыла на Олимп.

Я приблизилась и теперь хорошо видела лицо Венеры, вдруг разом изменившееся, отрешенное. Веки сомкнуты неплотно, между них виднелись белки глаз.

– Она умерла? – испуганно спросила я.

– Ее убили, – поправил Берсеньев.

– Грабители?

– Может, и так, – заявил он, оглядываясь. – Но есть и другой вариант. Не только мы узнали о том, что богиня золотишко распродавала, и вот результат.

– Ты хочешь сказать...

– Ты у меня умница и сразу сообразила, одно преступление связано

с другим, тем, что произошло много лет назад. И кто-то очень не хочет, чтобы всплыли старые тайны, Венера – слабое звено, и от нее поспешили избавиться.

– Кто? – брякнула я.

– Сейчас меня куда больше волнует антиквар. По закону жанра, следующей жертвой должен быть он.

– Венеру убили, при этом имитировали ограбление, – бормотала я, пытаюсь навести хоть какой-то порядок в своей голове.

– Скорее всего, убийца искал, не осталось ли чего из золотишка, упомянутого в протоколах.

– Едем к Хохлову?

– Для начала следует дождаться полицию.

– Будем звонить в полицию? – уточнила я, зная о нежелании Берсеньева лишний раз встречаться с представителями закона.

– Мы в городе, кто-то мог заметить нас самих или машину... – пожал он плечами. – Чего доброго, попадем под подозрение. Звони ментам, скажи, что хозяйку навещали по-дружески, о расследовании помалкивай.

– Почему?

– Спугнем убийцу. Звони, а я предупрежу Хохлова, чтобы был крайне осторожен.

Я стала набирать номер, Берсеньев вышел из комнаты, чтобы мы друг другу не мешали.

Полиция появилась в квартире буквально через несколько минут. Объяснялся с ними в основном Сергей Львович, я выглядела слегка заторможенной (не обошлось без легкой симуляции), это списали на шок и быстро оставили меня в покое. А потом и вовсе выпроводили нас за дверь. Но кое-что из разговоров следователей узнать мы успели. Венеру, судя по всему, сначала ударили тупым предметом по голове, а когда она потеряла сознание, задушили. Версия у сыщиков напрашивалась сама собой: богиню намеревались ограбить. Она явилась не вовремя, или грабитель был уверен, что дома ее нет, а она, к сожалению, оказалась на месте. Замок пытались вскрыть, следы налицо.

– Замок окорять могли уже после, – заявил Берсеньев, когда мы оказались на улице. – А спровадил ее на тот свет человек, которого она хорошо знала и сама открыла ему дверь. Наш прошлый визит ее насторожил, и она поделилась с этим самым типом сомнениями. А потом с перепугу рассказала и о моем появлении у антиквара, а узнала об этом...

– От Смолина-младшего, – подхватила я.

– Точно. Они были в весьма дружеских отношениях, часто перезванивались. Хохлов вчера нас познакомил, я похвастал расположением Венеры, так что было вполне естественно рассказать ей о нашей встрече, которая очень ее напугала. Не сама встреча, а то, где она произошла. Своим беспокойством она с убийцей и поделилась, заодно признавшись, что все это время продавала цацки. Вряд ли он раньше знал об этом. Дальше совсем просто: он понял, насколько это опасно, и богиня скончалась.

– Но кто это может быть? Неужто Чадов жив и вышел на тропу войны?

– Почти уверен: кости Чадова сейчас на столе у эксперта. Я убедил Хохлова отправиться к следователю. Узнал, мол, от меня о несчастье и счел своим долгом сообщить, что покойная распродавала драгоценности. Надеюсь, у них хватит ума поинтересоваться, что это за золотишко такое.

– Если не хватит, мы подскажем, – заверила я.

– Тогда возвращайся в родную контору, а я к Хохлову. Не хотелось бы, чтобы по дороге с ним приключился несчастный случай.

– Неужели все так серьезно? – нахмурилась я.

– У нас два трупа. Думаешь, кто-то просто забавляется?

Он сел в свою машину и уехал, а я резвым шагом направилась в офис, благо до него рукой подать. Я надеялась застать сестрицу на рабочем месте и не ошиблась.

– Венеру убили, – плюхаясь на стул по соседству, сообщила я.

– Боги бессмертны, – не глядя в мою сторону, отозвалась она.

– Выходит, не все.

– Венера – одна из жен Смолина? – проявила слабый интерес Агатка.

– Ага. Первая. Родной дядя нашего Турова исчез предположительно после того, как ее ограбил.

– Дядя нашего Турова все это время лежал неподалеку от дачи.

– Это точно?

– Я склонна верить результатам экспертизы.

– Я тоже. Как он погиб?

– Парню сломали шею. Что еще?

– Венера на протяжении последних десяти лет распродавала драгоценности, которые у нее якобы похитили. Чему есть свидетель. Как раз сейчас он с ментами беседует. Не сомневаюсь, что Софья пыталась расследовать то давнее убийство, точнее, тогда еще исчезновение, и в результате погибла сама. А так как Туров под замком и Венеру убить не мог...

– Не аргумент, – пожала сестрица плечами, но видно было, что мои

слова ее очень заинтересовали. – У него может быть сообщник. А нюх-то у тебя есть, – вдруг улыбнулась она. – Я-то думала, вы с Берсеневым попусту время тратите.

– У меня еще и вкус хороший, и со слухом проблем нет, – удовлетворенно кивнула я.

– Если ты намекаешь на свои успехи в караоке, то для моих ушей это всегда было испытанием.

– Да ладно, всем нравится.

– Через полчаса жду подробный письменный отчет о вашей бурной деятельности. Берсеньева можешь не упоминать, он не мой сотрудник и трудится на общественных началах.

– Давай, я лучше...

Сестрица скривилась, и я побрела на свое рабочее место, мгновенно осознав всю бесперспективность возможной дискуссии. Не успела я вдоволь пожалеть себя, как зазвонил мобильный. Я была уверена, что это Берсенев, хотя надеялась, что Стас, и дважды не угадала. Звонил Олег Викторович Перфильев и, судя по голосу, к шуткам был не расположен.

– Можешь сейчас подъехать? – спросил он.

– А надо?

– Жду в кафе «Ласточка» рядом с управлением. Мы там как-то кофе пили. И пошевеливайся, я своей сегодня обещал пораньше вернуться, – проворчал Перфильев.

– Буду через пятнадцать минут, – заверила я и бросилась к Агатке. – Перфильев срочно зовет на сходку. Требуется твоя тачка.

– А твоя где?

– Моя во дворе, я хую и на работу хую пешком.

– С тобой поеду, – вдруг заявила сестрица, поднимаясь из-за стола.

Увидев, что я не одна явилась, Олег Викторович едва заметно поморщился. Он ждал нас, сидя за столом, и листал газету. Из всех моих знакомых только он испытывал трогательную любовь к печатным изданиям. Перфильев газету сложил, поднялся нам навстречу, меня поцеловал, а Агатке улыбнулся широко и фальшиво. Агатка ответила тем же.

Нам принесли кофе, Олег немного поерзал, глядя на меня с недовольством, но, должно быть, вспомнил о жене и время тянуть не стал.

– Два дня назад во дворе дома по улице Моторной обнаружен труп мужчины. Застрелен в упор. При нем ни документов, ни каких-либо вещей. Зато отпечатки пальцев нашлись в картотеке. Сегодня пришло

подтверждение. – Перфильев дернул щекой, отводя от меня взгляд, и добавил: – Это Леха.

Только сестрица собралась спросить «какой еще Леха?», как тут же сообразила: назвать так Перфильев мог лишь одного человека: моего бывшего мужа. Агатка, посидев немного с открытым ртом, сию же минуту переварить известие, спросила резко:

– Его что, уже выпустили?

– Ты не знала? – повернулся Олег ко мне.

– Нет. Лешка на мои письма не отвечал и на единственном нашем свидании просил не приезжать и его не беспокоить.

– У него в городе друзей как грязи, – продолжил Перфильев. – И теоретически он мог приехать к любому. Но мне почему-то кажется, что ехал он к тебе. Его родителей в живых уже нет?

– Нет. После того как Леха оказался в тюрьме, они переехали в Ярославль. Через год у отца случился инфаркт, а полгода назад умерла мать. Черт...

– Лехе найти приключение на одно место – раз плюнуть, – заметила сестрица. – Нам об этом хорошо известно. Почему убийство должно быть непременно связано с Фимкой?

– А я и не говорю, что связано, – обиделся Перфильев. – Хотел предупредить... Следовательно, вполне возможно, решит с ней встретиться... Обстоятельства дела... – тут он запнулся и вновь отвел глаза, избегая Агаткиного взгляда. Напоминание об этих самых обстоятельствах сестрицу разгневали, а у меня вызвали глухую тоску и чувство вины, с которым я, если уж на то пошло, все эти годы не расставалась. Но сейчас к ним мгновенно добавился страх. Страх, что Стас имеет отношение к внезапной Лешкиной смерти.

С Лехой мы жили вполне себе весело, но недолго, покуда я не поняла, что Лешкины пьяные выходки до добра не доведут, а сам супруг изрядно действует на нервы. Мы разошлись, но остались друзьями, даже когда я вновь вышла замуж. Вот с этого момента и начинаются скверные страницы моей жизни. Я считала, что выхожу замуж за бизнесмена, а оказалось – за криминального авторитета. Стас был охранником Вадима Ломакина, моего мужа и Димкиного отца. И мы вскоре стали любовниками. Я надеялась развестись с Вадимом и счастливо соединиться с предметом своей любви, но Стас лишь посмеялся над моей наивностью: Вадим меня не отпустит, а сам Стас после того, как все откроется, проживет от силы пару дней. И предложил план. Подлый. Убить мужа. Свалив вину на другого человека – веселого пьяницу Леху. И я согласилась. Не видела

для себя другого выхода. Вадим погиб, Леха отправился в тюрьму. О моей роли во всем этом он знал или догадывался. Но простил меня. Простил, добавив лишней боли, а ее было и так хоть отбавляй. Вскоре после убийства Стас исчез, прихватив деньги Вадима. Они, как выяснилось, и были нужны ему, а вовсе не я. Вот тут бы и поставить в истории жирную точку. Но через несколько лет жизнь снова свела нас. К тому моменту Стас успел стать преуспевающим бизнесменом, деньги Вадима пошли ему на пользу. Но счастья, как оказалось, не принесли. Мы попробовали склеить то, что когда-то раскололось вдребезги. Не скажу, что удачно. Стас считал, я не могу простить ему убийства Вадима и того же Леху... Не совсем так. Его я простила давно, а вот себя не могла. И это чувство гнуло и коржило, пока не стало почти непреодолимой преградой между нами^[1].

В этот раз я надеялась, что все будет по-другому. И вот теперь... теперь выясняется, что уйти от прошлого совсем не просто, точнее, невозможно. Оно всегда рядом, напоминает о себе и вдруг всплывает, когда не ждешь...

Я сидела оглушенная известием, чувствуя, как внутренности сводит тугим клубком, и мысленно повторяла, точно мантру: Стас... Агатка о моей неблагоприятной роли в гибели мужа, конечно, догадывалась, оттого малейшее напоминание о тех событиях вызывало у нее такое неприятие. Стас был для нее сосредоточением всего того, что она от души ненавидела, и если у меня возник страх из-за его возможной вины, то Агатка скорее всего с ходу решила: Леху убил Стас. Хотя был еще один подозреваемый: Димка Ломакин. Который убийство отца вряд ли простил. Перфильев о нем, конечно, тоже вспомнил.

– А не мог твой пасынок расстараться? Вы ведь с ним большие друзья. Не замечала за ним странностей в последнее время?

– Не замечала. Димка считает, Леху просто подставили, а отца убил киллер.

– Вона как... ну, ему виднее. Мы-то, конечно, в своем деле полные дураки, нам невинного человека засадить – раз плюнуть.

– Да не заводись ты, – отмахнулась Агатка, косясь на меня.

Насчет Димки я сказала правду, точнее, часть правды. Он действительно так считал, с одной лишь поправкой: киллер – не кто иной, как Стас Малахов, друг отца, его охранник и доверенное лицо. Все это время мы кое-как уживались в одном городе, каждый со своей болью и подозрениями, но сейчас хрупкое равновесие могло быть нарушено в любую минуту.

– Леха был у меня, – сказала я и головой покачала в досаде на свою недогадливость.

– Что? – рявкнула Агатка, а Перфильев чертыхнулся сквозь зубы.

– Он был у меня, только я его не узнала. Дважды видела во дворе мужчину. Лица не разглядела, а фигура показалась знакомой.

– Когда это было? – нахмурился Перфильев.

– В первый раз в четверг, почти две недели назад, потом на следующий день, то есть в пятницу. Больше не приходил. По крайней мере, я не замечала.

– Судя по данным вскрытия, убили его четырнадцатого, то есть в пятницу. Вечером, самое позднее – в субботу утром, – кивнул Олег Викторович. – Ладно, перетрясем его дружков, выясним, у кого остановился. Предки ему, поди, добра оставили, люди не бедные. А он, только освободившись, сразу сюда. Пусть сестрица твоя сколько угодно глазами зыркает, но идиоту понятно, к кому он ехал.

– Ты и есть идиот, – ответила Агатка. – Если ехал к Фимке, чего ж во дворе сидел? У нее до сих пор ключ под ковриком, зашел бы по старой памяти.

– Это правда? – уставился на меня Перфильев.

– Что?

– Ключ до сих пор держишь под ковриком?

– Нет. Надоели незваные гости.

– Слава богу, я уж думал, по тебе психушка плачет. С Лехой разберемся, дружкам-то наверняка сказал, зачем пожаловал... Жалко парня, – вздохнул он. – Давайте хоть помянем, что ли...

– Похороните сначала. – Сестрица резко поднялась и направилась к выходу.

– Ну, характер, – прошипел Перфильев ей вслед, я пожала плечами и, кивнув ему на прощание, поспешила присоединиться к сестре.

Агатка ждала меня на крыльце.

– Пятый дом на Моторной нежилой, – сказала хмуро. – Обнесли забором еще год назад. То ли снести хотели, то ли реставрировать. Стоит в стороне...

– Откуда ты знаешь?

– Массажистка живет неподалеку, к которой я езжу. Место для убийства выбрали идеально. Для убийства, Фимка. Если б ограбить хотели, стукнули по башке, и все. И самое непонятное: зная привычки твоего бывшего, мы должны были о его появлении узнать сразу. Может, трезвый он к тебе лезть поостерегся и в самом деле во дворе бы сидел,

окнами любясь, но пьяный бы точно притащился. А кто его трезвым видел на свободе?

– Он изменился, – сказала я.

– Это Леха так сказал? Пока в тюрьме сидят, может, и меняются... твою мать, – выругалась она и, помедлив, спросила: – Догадываешься, о чем я думаю?

– Догадываюсь, – кивнула я.

– Слава богу, значит, не придется произносить это вслух.

Минут через пять мы простились, Агатка отправилась домой, милостиво предложив подвезти меня, но я отказалась, сославшись на то, что новость следует переварить, чему очень способствуют пешие прогулки. И тут же позвонила Стасу.

– Где встретимся?

– У меня еще небольшое дело, – соврала я.

– Да? Поход по магазинам отменяется?

– В магазин можно и завтра...

– Конечно. И послезавтра... – теперь в голосе была насмешка. – Сегодня увидимся? – спросил он. – Или тоже перенесем на завтра?

– Я приеду к тебе, как только освобожусь, – сказала я. – По дороге заскочу в магазин, куплю все самое необходимое.

– Буду дома через полчаса, – сказал Стас и отключился. А я побрела по улице, сама толком не зная, куда направляюсь. Известие о Лешкиной гибели ударило сильнее, чем я могла бы предположить, а открывающиеся перспективы откровенно пугали.

Минут через десять раздался звонок мобильного, и я, вздохнув, ответила.

– Надо встретиться, – сказал Димка, против обыкновения не утруждая себя лишними фразами. Я подумала, что встреча с Ломакиным в моем нынешнем душевном состоянии совсем некстати, и сказала:

– Некогда мне. Агатка работой завалила.

– Не ври. Она мне только что звонила. Ты где? Я сейчас подъеду.

– Ну, спасибо, сестрица, – пробормотала я сквозь зубы и поведала, где нахожусь.

– Рядом есть какое-нибудь кафе?

– На улице подожду.

Я сунула мобильный в карман и теперь топталась на автобусной остановке, уверенная, что Димке понадобится время сюда добраться. Но он подъехал очень быстро. Его машина прижалась к тротуару, и он сам вышел мне навстречу.

– Привет, – сказал неуверенно, приглядываясь ко мне.

Я тоже его разглядывала. То ли звонок Агатки так подействовал, что Димка решил принять на грудь, желая нервы успокоить, то ли застал его этот самый звонок на какой-то вечеринке, но, в общем, было заметно, что он выпил, и немало. Не то чтоб на ногах не стоял, на них он всегда крепко держится, а вот глаза покрасневшие, и багровые пятна на щеках, точно подрисованные.

– Это не я, – резко захлопнув дверь, вдруг заявил он.

– Не ты? – ухмыльнулась я.

– Кончай, ты прекрасно понимаешь, о чем я. Сама подумай, зачем мне его убивать?

Димка подошел ближе, схватил мои руки и зачем-то сунул в карманы своей куртки, точно хотел отогреть.

– Я ни минуты не верил, что он отца застрелил. Да если б и он... Все это уже не имеет такого значения, как раньше.

– Серьезно? – усомнилась я.

– Теперь мне важно совсем другое... Мне важно, чтобы ты... чтобы у тебя все было хорошо.

– У меня все хорошо.

– Правда?

– Нет.

– С Лехой вы давно развелись...

– Давно... Ладно, пока...

Я попробовала освободить свои руки, но он крепко держал их.

– Ты ведь знаешь, кто его убил...

– С чего ты взял?

– Знаешь, оттого тебе так и хреново. Стасу он здесь не нужен. Доказать, конечно, Леха ничего бы не смог, но Малахову лишние разговоры не нужны. Он ведь у нас теперь исключительно добропорядочный гражданин.

– Вот именно. А добропорядочные граждане никого не убивают.

– Он – сволочь, всегда им был и всегда будет.

– Наверное, я не лучше, – усмехнулась я.

– Глупости. Ты... ты совсем другая, потому и бросила его.

– Кто кого бросил, еще вопрос... – Я вновь попыталась освободиться, и вновь безрезультатно.

– Ты где вчера была? – Он вроде бы слегка стыдился, задавая этот вопрос.

– Когда?

– Вечером. Я заезжал часов в десять.
– У подруги.
– До утра?
– А ты до утра меня ждал?
– Если надо, и дольше подожду.
– Не надо.
– У вас ничего не получится, – покачал головой Димка. – Он, конечно, скажет, что Леха – моя работа, а он ни при чем. И тебе, наверное, захочется поверить. Только мозгами тебя бог не обидел, и ты во всем разберешься. И что тогда?
– Я вчера была у подруги, – скорее из упрямства соврала я, а еще от нежелания все это обсуждать. Смысла не видела. – Ты не поверишь, но они у меня есть. И мы иногда встречаемся, тусим в клубах и не ночуем дома. Иногда даже спим с кем-то. И все это совершенно тебя не касается.
Я резко отступила на шаг, и руки он наконец-то разжал.
– Я найду того, кто его убил, – сказал с усмешкой. – Обязательно.
– Не лез бы ты лучше не в свое дело, на это менты есть.
– Боишься?
– Если и боюсь, то за тебя.
– Думаешь, он и меня пристрелит?
– Дурак, – покачала я головой.
– Ага. Я – дурак, а ты – умная? А что, если твоему Стасу вновь алиби понадобилось? Кто же в твоих словах усомнится, с таким-то папой. Может, поэтому его любовь вспыхнула с новой силой? – Димка покачал головой и сказал, с трудом сдерживаясь: – Что еще он должен сделать, чтоб до тебя дошло: твой Стас распоследняя сволочь.

В общем, к Стасу я отправилась в приподнятом настроении. Димка намеревался меня домой отвезти, я, понятное дело, отказалась, чтоб окончательно не рассекретить, где теперь обретаюсь, и это вызвало кривую ухмылку на его физиономии.

Стас был дома. Я открыла дверь ключом, который он дал мне накануне, вошла и увидела его в кухне. Он сидел за барной стойкой и смотрел в окно, сурово хмурясь, точно решая непростую задачу. В руках вертел бокал с коньяком. Услышав, как захлопнулась дверь, повернулся в мою сторону и поспешил улыбнуться.

– Привет. Я думал, ты удержишься надолго.

Подошел, обнял меня, мы замерли так на некоторое время, и в этот недолгий момент я почувствовала себя счастливой.

Стас помог мне снять пальто, убрал его в шкаф и сказал:

– Давай ужинать.

– Что-то не хочется, – ответила я и тут же пожалела об этом.

В глазах его появилось то отстраненное выражение, от которого мне всегда было не по себе. Однако он улыбнулся и стал накрывать на стол, заметив с излишней веселостью:

– Аппетит приходит во время еды.

А я, решив, что лучше сразу сказать, чем мучиться этим весь вечер, скороговоркой сообщила:

– Лешка несколько дней назад освободился, приехал сюда. И его застрелили.

Стас как раз взял бокал, чтобы переставить его на обеденный стол, резко обернулся, лицо его побелело от гнева. Бокал вдруг хрустнул у него в руке, Стас сжал кулак, вдавив осколки стекла глубоко в ладонь. Кровь крупными каплями падала на пол.

– Господи, – испуганно прошептала я, бросаясь к нему, но он, словно не замечая меня, прошел к раковине, смыл осколки и кровь и обмотал ладонь полотенцем, стоя ко мне спиной. Я беспомощно пробормотала: – Надо обработать рану.

– Черт бы тебя побрал, Принцеска, – сквозь зубы сказал он, поворачиваясь. – Это никогда не кончится. Какого хрена ты вернулась? Ты же лучше меня знаешь, все бесполезно...

Я зажала его рот рукой и отчаянно зашептала:

– Молчи, ради бога молчи...

Он обнял меня, и мы вновь замерли, как совсем недавно, а потом он заговорил:

– Я понятия не имел, что Леха вернулся. Мне нет до него дела. Ни до кого нет дела. Я хочу, чтобы ты была рядом, все остальное не имеет значения.

– Я тебе верю, – глядя его волосы, сказала я и зачем-то добавила: – Все будет хорошо... – точно сомневалась в этом.

Ночью, когда мы лежали в темноте, он вдруг сказал:

– Надо уезжать отсюда.

– Куда? – спросила я.

– Куда угодно. Ты не выдержишь. Здесь все напоминает о прошлом. Твои друзья, родители...

– Я не могу их оставить...

– И не нужно. Достаточно держаться на расстоянии. Жить в другом городе, где нас никто не знает и прошлым не тычут в лицо каждую

минуту... – Я почувствовала, как он усмехнулся. – Когда-то ты готова была отправиться со мной на край света...

– Я и сейчас готова, – прижимаясь к нему, ответила я.

Я и в самом деле была готова, и вместе с тем едва сдерживалась, чтобы не зареветь от тоски, потому что точно знала: дело не в Агатке, не в моих родителях и даже не в Димке. Прошрое в нас самих. И когда Стас уснул, я еще долго ворочалась, и мысли лезли в голову одна скверней другой. Димка прав: Стас легко устраняет все препятствия на своем пути, никогда не останавливаясь на полдороге. Особенно когда есть что терять.

А дальше совсем скверно: я ведь даже толком не знаю, в какой день он вернулся. И где был? Не знаю и не собираюсь спрашивать. Я не хочу думать об этом. Не хочу...

Утром я раньше обычного сбежала на работу, справедливо подозревая, что моя наигранная веселость Стаса не обманет. У меня всегда было чувство, что он видит меня насквозь, читает мысли, даже отголоски мыслей. А я никогда не умела ему лгать. Сказала, что вызову такси, сославшись на Агаткин срочный звонок. Вранье. Он это, конечно, понял, а я покраснела с досады. В общем, вышло неловко. Он еще брился, я пролепетала, что времени у меня в обрез, и припустилась со всех ног. А по дороге думала о том, что счастье – это не так просто. В нем много составляющих, и доверие – одно из них. И если его нет, все неумолимо катится к чертям.

Я шла пешком, до офиса оставалось совсем ничего, когда в потоке машин я увидела «Мерседес» Стаса. Уверена, Стас тоже видел меня, точнее, я не сомневалась, он следовал за мной от самого дома. Не поверил в ранний звонок от сестры и легко нашел подтверждение своим сомнениям.

– Господи, – пробормотала я в отчаянье, наблюдая за тем, как машина проезжает мимо, достала мобильный и набрала номер Стаса.

– Да, – голос звучал насмешливо или мне показалось?

– Про звонок я соврала, – сказала я весело, словно и в самом деле находила в этом нечто забавное.

– Я понял. В моей квартире тебе неудобно. Хочешь, куплю другую или переберемся в гостиницу?

– Я хочу тебя увидеть. Сейчас. Потому что на душе кошки скребут.

Он ничего не ответил, но очень скоро я вновь заметила его машину. Он успел развернуться и теперь припарковался на противоположной стороне метрах в трехстах от офиса. И я, наплевав на пешеходный переход, бросилась к нему со всех ног. Забралась на переднее сиденье, больше всего

на свете боясь натолкнуться на его насмешливый взгляд.

– Я действительно не знал, что он здесь, – спокойно сказал Стас, глядя мне в глаза. – Но если бы и знал... У Лехи на меня ничего нет. Сама подумай, зачем мне...

Я схватила его руку, ту, что он порезал вчера, прижалась к ней щекой.

– У меня и в мыслях не было... Вру... я просто боюсь, – потерянно сказала я. – Оттого и веду себя по-дурацки.

– Это я виноват, – кивнул он, голос звучал непривычно, но еще непривычнее были сами слова. – Давай договоримся: ты попытаешься мне доверять. Само собой, я этого не заслужил, но...

Закончить он не успел. На парковке возле офиса появилась Агатка. Вроде бы машинально посмотрела в нашу сторону, но взгляд задержала. Или мне только показалось?

– Ну, вот, наша страшная тайна раскрыта, – усмехнулся Стас.

– Вряд ли она обратила внимание...

– Чтобы твоя чертова сестричка не заметила мою машину... – зло засмеялся он.

– Она и без того догадывалась. По моей счастливой роже... – попробовала я все обратить в шутку, но Стас заговорил серьезно.

– Я не хочу тебя отпускать. Поехали домой, будем валяться в постели, пить вино и представлять, что на белом свете никого не осталось, только мы с тобой.

Он внимательно смотрел на меня, и я поняла: если сейчас откажусь, то все разрушу. Я засмеялась и согласно кивнула.

Это был без преувеличения счастливейший день в моей жизни. Поначалу его пытались испортить самые разные люди, из тех, кто звонил нам и чьих имен мы не пожелали узнать, не отвечая на звонки, а потом и вовсе отключив все телефоны. Мы провели день и ночь в постели, любили друг друга, дурачились, совершали вылазки в кухню, чтобы подкрепиться, и вновь любили друг друга. Сидели на полу обнявшись и придумывали смешные прозвища, как когда-то давно, в те времена, когда я была уверена: наша любовь бесконечна и нет на земле силы, чтобы разлучить нас. Но теперь от этих мыслей щемило сердце, и я крепче прижималась к Стасу и закрывала глаза, как будто и впрямь надеялась очутиться в другом времени и пространстве, где не было боли, а были он и я, вечно юные, навсегда счастливые.

– Видишь, как все просто, – сказал Стас утром, когда мы вместе отправились в ванную принять душ. – Только ты и я. – Но во взгляде его,

несмотря на улыбку, была печаль, потому что он, как и я, знал: мир за окном никуда не исчез и от него не скроешься за трехкамерным стеклопакетом. – Вечером пойдем в ресторан, – с воодушевлением продолжил он. – У тебя есть красивое платье? Черт... Мы так и не заехали в магазин. Значит, вечером сначала в магазин, а потом в ресторан...

А когда я выходила из машины неподалеку от офиса, он стиснул мою руку и сказал хмуро:

- Начнет цепляться, просто пошли ее к черту.
- Как-то неловко, – засмеялась я. – Она мой работодатель.
- Зачем тебе работа, у тебя есть я.

И пока я шла в контору, в самом деле думала: «Начнет цепляться, пошлю...»

Агатка с минуту наблюдала за тем, как я, весело насвистывая, устраиваюсь за столом, громко со всеми поздоровавшись.

- Ну и? – хмыкнула она, а я сказала:
- Вчера меня похитили инопланетяне.
- А чего себе не оставили? Вот бы одолжение сделали.
- Сказали, хотят кого-нибудь поголовастей.
- Ну да, с мозгами у тебя не очень...

Тут она уткнулась в бумаги, предоставив мне самой решать, чем следует заняться. Сомневаюсь, что я долго бы выдержала в офисе, но, на счастье, позвонил Берсенев.

- Хорошая новость, счастье мое. Почтальонша объявилась...

– Меня вызывают на флагманский корабль, – откладывая мобильный в сторону и ни к кому конкретно не обращаясь, сообщила я. – Империя в опасности. – И, не дождавшись реакции от Агатки, сказала: – Сергей Львович звонил, у него есть новости...

Я еще немного подождала, пока Агатка рукой не махнула:

- Изыди... – и, крайне воодушевленная, понеслась прочь сломя голову.

– Письмо пришло вчера, – по дороге в Бережки поведал Берсенев. – Обратный адрес отсутствует. Кроме этого письма, Смолину адресовано еще два, но с этими вроде все в порядке.

- Почтальонша вчера позвонила?
- Сегодня. Думаю, всю ночь мучилась угрызениями совести...
- Но любовь победила?

– Скорее, маловостребованная сексуальность. Вчера она довольно неумело приглашала меня на свидание, но я делами отговорился. Девушка сообразила: мое влечение к ней напрямую связано с простеньким заданием,

и сделала правильный вывод.

– А я зачем еду? – нахмурилась я.

– Как – зачем? Меня спасать. Вдруг не выдержу накала чужих страстей.

– Выдержишь, я в тебя верю.

Берсеньев высадил меня возле кафе.

– Через час начинай названивать.

– Я могла бы в машине подождать.

– А в кафе чем плохо? В машине я буду с прекрасной почтальоншей.

– Что за странная любовь к экстриму?

– Ты здесь гостиницу видишь? – хмыкнул Берсеньев. – Не видишь?

И я не вижу. Потому что ее здесь нет. Девушка живет с родителями, знакомиться с ними в мои планы не входит. Везти ее в город – себе дороже, еще до утра останется. Вывод: везем в ближайший лесок, пока подружка подменит ее на работе. Она в курсе нашей любви. Не одобряет, но завидует.

– Сергей Львович, ты – свинья, – заметила я со вздохом.

– Ничего подобного. Я заботливый. Местами даже нежный. Кофе здесь страшная гадость, лучше съешь мороженое, это безопаснее.

Он уехал, а я, проводив взглядом его машину, отправилась в кафе. Свидание растянулось на час с небольшим. Я пила чай с привкусом марганцовки и смотрела в окно, толком не зная, то ли Берсеньеву посочувствовать, то ли, наоборот, позавидовать. Наконец, он появился, то есть появилась машина, и я, торопливо расплатившись и оставив гигантские чаевые, выскочила из кафе. Берсеньев, глядя на себя в зеркало, приглаживал рукой волосы.

– Как все прошло?

– Грешноватенько. Есть женщины в русских селеньях... столько любви и беззаветной преданности. Правда, было немного неудобно, складываться пришлось чуть ли не вполовину.

– Да заткнись ты, наконец, – не выдержала я. – Что с письмом?

– С письмом полный порядок, – удивился Берсеньев. – Она его аккуратно вскрыла, подержав над паром, как я советовал. Чайник на почте включен практически постоянно. – Тут он засмеялся и протянул мне распечатанный конверт.

Я торопливо извлекла из него лист бумаги, пожелтевший, слегка загнувшийся по краям. Прямо посередине крупным шрифтом напечатано на принтере: «ВОР». Перевернув страницу, я на обратной стороне обнаружила машинописный текст, он начинался с прописной буквы и заканчивался на середине слова.

– Это что такое? – в недоумении пробормотала я.

– У загадочного адресата не нашлось чистой бумаги, и он использовал какую-то макулатуру. Что ж ты недогадливая такая, радость моя, – хмыкнул Берсеньев, взял у меня листок и начал читать вслух: – «Приснилась моя мать, впервые за несколько лет...» – Если он думал, что меня осенит озарение, то напрасно, я слушала, хмурилась, до тех самых пор, пока он не произнес: – «Ах, Лола, Лола, если нам суждено было встретиться вновь...»

– Стой, – буркнула я. – Это же «Прощальная песня» Смолина. Лола – девушка, которую герой выдумал, подменив вымышленной историей любви любовь настоящую. Свою несчастную любовь, так его мучившую.

– Похвальное знание современной литературы, – кивнул Берсеньев.

– И как это все понимать?

– Об этом лучше спросить девушку Надю, теперь уже совсем не юную подружку Чадова, которая вечно болталась с пишущей машинкой.

– Черт... – простонала я. – Ты думаешь...

– Я думаю, она поможет нам разобраться, если мы настойчиво попросим. Отсюда до ее деревеньки совсем ничего, домчу за пятнадцать минут. Лишь бы дамочка на месте оказалась.

На дорогу у нас ушло немногим больше пятнадцати минут, а вот дома Надежду мы не застали. Ее мать к нашему появлению отнеслась настороженно, но Берсеньев даже ее умудрился очаровать. Улыбался так проникновенно и дважды смог рассмешить, после чего мы удостоились приглашения на чай, которое самым вежливым образом отвергли, дабы не создавать неудобства хозяйке. По ее словам, Надежда сейчас в конторе, вернется домой не раньше шести.

Мы сочли это удачей, в присутствии грозной мамы разговор вести куда затруднительней. И направились в контору. Одновременно с нами к крыльцу административного здания подкатил расхристаный «газик», из которого и появилась Надежда. За рулем была она сама, и это как-то не вязалось с образом женщины, которая безропотно плывет по течению.

Я окликнула ее, женщина остановилась и с хмурым видом подождала, когда мы подойдем ближе. Она была в куртке нараспашку, резиновых сапогах и мужской кепке. Выглядела Надежда весьма решительно.

– Опять вы, – буркнула недовольно.

– Надо поговорить, – отрезал Берсеньев, все его обаяние мгновенно испарилось, Надежда взглянула испуганно, а он добавил: – Желательно сейчас.

Он достал из кармана конверт и показал ей, не выпуская из рук.

– Что это? – спросила она, в глазах откровенная паника, да и голос звучал напряженно.

– Вот об этом мы и хотели поговорить.

– Я сейчас.

Она направилась в контору, Берсенев шепнул мне:

– Стой здесь, – и пошел в обход здания, должно быть, решив, что Надежда попытается сбежать.

Но опасения его не оправдались, через пять минут женщина вновь появилась на крыльце и кивнула в сторону «газика».

– Поехали, тут поговорить не дадут.

Подождал Берсенев, мы сели в машину и затряслись по сельской дороге. К счастью, долго ехать не пришлось, когда последний дом остался позади, Надежда свернула в лес и заглушила двигатель.

– Что там у вас?

Берсенев, который сидел рядом с Надеждой, вновь протянул ей конверт, но на этот раз позволив его открыть и вынуть письмо. Она мазнула по нему взглядом и сказала:

– Я-то здесь при чем?

– Я не стану тратить время и объяснять, – заговорил Берсенев, – что экспертиза покажет: тут использовали тот самый принтер, что стоит у вас в конторе, а текст набран на машинке, которую вы скорее всего до сих пор храните дома.

– Давно выбросила, – усмехнулась она.

– Не забывайте, на чьей мы стороне, – вздохнул Сергей Львович. – Наша задача – спасти от тюрьмы невиновного человека, а для этого мы должны знать, что здесь произошло много лет назад. Все остальное нас не касается.

– Хорошо, – кивнула она. – Спрашивайте.

– Давайте вспомним то лето, когда на даче жил Чадов и к нему приезжали его друзья: будущий писатель Смолин и девушка с редким именем Венера, которую Аркадий так любил.

– Вот уж глупость, – фыркнула Надежда. – Это она перед ним хвостом мела. Со Смолиным любовь крутила и других не забывала. Есть такие бабы, которым надо, чтоб мужики только на них смотрели. А у Чадова девушка была, не девушка даже, а гражданская жена, если уже ребенка его носила. И любил он ее. Ее родители были против, считали Аркадия непутевым, из одного института его выгнали, и другой он собирался бросить, говорил – не тому учат. Вот родители и увезли ее в Крым, свежим

воздухом дышать, а на самом деле от него подальше. Может, о беременности дочери они тогда не знали. Аркадий по ней скучал. Каждый день письма писал, я их сама на почту относилa. Вряд ли они доходили, потому что она ни разу не ответила. Он ее очень любил, а я любила его. Моя единственная любовь на всю жизнь.

– Сколько вам было лет? – осторожно спросила я.

– Пятнадцать. Джульетте было меньше. Мы на речке познакомились, то есть я его и раньше много раз видела, а тут пришла на речку, и он там. И вдруг дождь. Не дождь, а ливень. Мы вещички похватили и под дерево, вот и познакомились. Потом загрохотало, Аркадий сказал – нельзя в грозу под деревом находиться, опасно, и мы припустились в деревню. Я поскользнулась и ногу потянула, он мне помог. На руках нес. Дом его ближе, чем мой, так я у него и оказалась. На ногу повязку наложил лучше всякого доктора, а после мы на веранде чай с медом пили, смотрели на дождь и разговаривали. – Надежда засмеялась, коротко и резко, и посмотрела на Берсенёва.

– Вы писали стихи, и это вас сблизило, – вновь полезла я, а она отмахнулась:

– Да ничего я не писала. Это я матери врала, чтоб не цеплялась. Я Аркадию помогала. Печатать научилась еще в седьмом классе, мать очень даже одобряла: лишний приработок. А в пятнадцать лет уже стучала как заправская машинистка, машинку я у матери выпросила, чтоб можно было дома работать. И к Аркадию ее носила. У него, конечно, своя машинка была, на ней он и работал, а я перепечатывала набело.

– Что печатали? – уточнил Берсенёв.

– Роман, – пожалала она плечами. – Роман, который Аркадий писал в то лето. Про то, как тосковал по своей любимой, про эти письма... про все. И про меня тоже. Лола, которую герой выдумал, на самом деле я.

Мы с Берсенёвым переглянулись, он поджал губы, точно хотел сказать «вот такие дела», а я пробормотала:

– «Прощальную песню» на самом деле написал Чадов?

– Вот именно. А Смолин ее украл. Только тогда я об этом не знала. – Надежда посидела немного, глядя в окно, и продолжила: – Это было счастливое лето. Вы поймите, та девушка для меня мало что значила. Она была далеко, и вообще я воспринимала ее как литературный персонаж, а вовсе не как живого человека. А Аркадий был рядом, писал роман, я ему помогала. Он говорил, это будет хорошая книга, настоящая... Он любил слово «крепкая». Днем он работал, а я заваривала ему чай, готовила, потому что так он мог вообще ничего не есть. Вечером, закончив работу,

он читал мне то, что успел сделать за день. Я шла домой и перепечатывала новые страницы, чувствуя его рядом и очень жалея, что не могу вместе с ним бродить по окрестностям. Вечерами он подолгу гулял, обдумывая то, что завтра будет писать. Это была настоящая книга и настоящая жизнь. Одно было плохо, что к нему часто приезжали гости, Смолин и его Венера. В эти дни я к нему не ходила. Стеснялась. Да и он, думаю, не хотел, чтоб о нас знали. Боялся, что его друзья начнут над ним посмеиваться. Лето выдалось жарким, и они по большей части проводили время на веранде, а я пряталась в кустах по соседству и наблюдала. Ревновала ужасно. Особенно к этой Венере. Она красивая была. И наглая. Иногда мне казалось, что Аркадий не в силах устоять. Но когда я говорила об этом, он всегда смеялся и отвечал: с ее стороны это пустое кокетство, ничего не значащее. А еще говорил, что есть просто женщины, а есть настоящие. И я как раз настоящая, хоть совсем еще девчонка, а Венера просто красивая. Смолин тоже роман писал. Читал его здесь Аркадию. Они его обсуждали, ругались так, что чуть до драки не доходило.

– Из-за чего спорили?

– Из-за литературы... из-за всего. Начнут с одного, а потом... Аркадий говорил, Смолин жизни не чувствует, оттого и пишет фигню. А тот злился. С критикой лез, а Аркадий только посмеивался. «Читатель легко отличает халтуру от настоящей книги». Он им целиком свою рукопись не показывал, иногда только отрывки читал, а Смолину было интересно, он все лип к нему, дай да дай рукопись, а Аркадий сказал: опубликую, тогда и прочтешь. Целиком всю книгу читала только я. Больше никто. Смолин и Венера слышали лишь отрывки, остальные вообще не знали, что он книгу пишет. Думаю, он мечтал, когда выйдет книга и он прославится, родители его любимой уже не станут возражать... Двадцатого августа он ее закончил. Этот день я так хорошо помню. Он купил шампанское, я выпила целый бокал, впервые в жизни. Хотела признаться ему в любви, но испугалась, что все испорчу. Тогда он и сказал, что Лола – это я, идеальная любовь, которой не существует. Но я-то существовала... – Надежда вновь засмеялась, но смех тут же оборвала. – Я боялась, что теперь он уедет и все кончится. Но он сказал, что работы еще очень много. Роман должен быть безупречным... каждое слово, каждая запятая важны. Сказал, что сентябрь проведет здесь. Смысла в учебе он не видел, но боялся, что в армию заберут, вот и продолжал учиться в университете. А сентябрь надеялся пересидеть, раздобыв больничный... Я бы тоже с удовольствием школу бросила, но не могла. А потом Аркадий исчез... – неожиданно заключила она.

– Просто исчез? – подал голос Берсеньев.

– Накануне эти приезжали. Было холодно, они сидели в доме, и я тоже пошла домой, когда их машину увидела, Смолин на отцовской машине приезжал. А потом смотрю, машина едет вдоль леса. Обычно они на ночь оставались, а тут решили уехать. Я хотела вернуться к Аркадию, да с матерью на улице столкнулась, пришлось сначала домой идти. Я только где-то через час освободилась. Дверь в дом была открыта, Аркадий ее вообще редко запирает. Я вошла и сначала решила, что никого нет. И только потом услышала... Аркадий был с этой Венерой... на тахте, в гостиной. Не знаю, как я в обморок не упала. Он меня просто убил, понимаете? Он все предал. Это теперь я знаю, любовь у мужиков бывает странная. Любить могут одну, а спать с десятком, а тогда... У меня не было сил с места сдвинуться. Не знаю, как они меня не заметили. Венера эта хихикала, а Аркадий говорит: «Пора твоего Смолина выручать». Оказывается, тот застрял в лесу, дорогу там совсем размыло, всю неделю дожди лили. Венера отправилась за помощью к Аркадию, а Смолин возле машины остался, сам пытался выбраться. К Смолину она не торопилась, сказала: «Он драгоценную папочкину машину не оставит, значит, время есть» – и опять к Аркадию полезла. Он тоже смеялся. А я побрела домой... Он меня предал, и я его ненавижу. Он же говорил, что настоящая я, а сам с Венерой. И книга тоже оказалась выдумкой, потому что ту девушку он не любил. Тот, кто любит, не изменит. Разве не так?

– Так, так, – с готовностью покивал Берсеньев. – И что было дальше?

– Ничего. Я его видеть не хотела. И жить тоже. Рукопись, что у меня была, вместе с машинкой снесла на чердак. И поклялась больше никого не любить. Наверное, зря. Судьбу себе накаркала. А потом мать сказала – из милиции были, Аркадия твоего искали. Преступник он, ограбил кого-то. Теперь и тебя, дуру, затаскают, чтоб не шлялась, куда ни попадя. Но меня никто не таскал. Полгода я жила как в тумане, а потом... потом стало еще хуже...

– А когда вы застукали Аркадия с Венерой? – весело поинтересовался Берсеньев, вызвав в моей душе гневный ропот. – Число помните?

– Семнадцатое сентября, – ответила Надя. – Вечером. Часов девять было, наши деревенские уже по домам сидели...

– Ограбление квартиры Венеры произошло восемнадцатого, – кивнул он, обращаясь ко мне, и вновь повернулся к Надежде. – Значит, у вас остался экземпляр рукописи?

– Остался. Я же сказала, что роман набело перепечатывала.

– И вы ни разу не задались вопросом, куда вдруг исчез Чадов?

– Вы что, не поняли? Я жила как под наркозом. Ну а потом, когда понемногу начала в себя приходить... может, он в самом деле кого-то ограбил? Он ведь врал мне, мог врать всем. Разве нет? Жизнь просто лишилась смысла из-за его предательства. Все остальное уже неважно.

– Но Смолину вы все-таки решили написать? – напомнил Берсеньев о конверте.

– Решила, – кивнула Надежда. – Само собой, я знала, что он теперь великий писатель. Но книг его не читала. Даже в руки их брать не хотела. И статей про него не читала, а когда его по телевизору показывали, переключала программу. Пока года два назад к нам девчонку на практику не прислали. Она как раз «Прощальную песню» читала и все восторгалась. Меня прочитав уговаривала и начала рассказывать.

– И вы поняли, что это роман Чадова?

– А чего понимать? Один в один. Только у Аркадия он назывался «Жаркое лето». Я книжку у нее взяла и с рукописью сравнила. Долго думала, как поступить, а потом письмо отправила. Одно слово «ВОР», чтоб знал и боялся. Чтоб жизнь была не мила.

– Со страницей из рукописи?

– Конечно. Потом Сонька здесь появилась, его дочь. Принялась вынюхивать. Ясно стало, что он ее послал. Я ей про рукопись ни слова, а вот про то, что Аркадий тоже роман писал, рассказала. Слышала, мол, когда мимо проходила, как он ее отцу отрывки читал, как они о литературе спорили. Любопытно было, вот и стояла, уши развесив. Она головастенькая такая, задумалась. И у парня своего все выпытывала, я по старой памяти в кустах засела и слышала, как они на веранде болтают. Только Туров сам ничего не знал. Никто, кроме меня, ничего не знал. Пусть Смолин хорохорится сколько хочет, а я в один момент могу его сковырнуть.

– Не боитесь? – усмехнулся Берсеньев.

– Пусть он боится, мне-то что?

– О судьбе гражданской жены и ребенка Чадова вы, надеюсь, знаете? – продолжил Сергей Львович. Надежда нахмурилась.

– При чем здесь они? – и, помедлив: – Вы что же, думаете?.. По-вашему, Смолин их убил? Но зачем?

– Вы с ней были близки?

– Я? Нет. Даже не знакомилась. Она здесь впервые появилась через несколько лет. Должно быть, ее родители не возражали, чтоб она добром Аркадия пользовалась. И его родня тоже. Ребенка они признали, хоть он и не законный. Когда я на улице ее встречала, здоровалась. А так... Мне ни она, ни сын ее не были интересны. После их гибели все говорили,

что грабители в дом влезли. Разве нет? В любом случае Смолин от моей смерти только проиграет, – задиристо продолжила она. – Здесь у меня всего несколько страниц, а рукопись в ячейке банка. И письмо с объяснениями.

Почему-то я решила: про ячейку она только что придумала, но возражать не стала. Не стал и Берсенев.

– Вы у Смолина деньги требовали? – спросил он.

– Нет. Мне деньги не нужны.

– А что нужно?

– Что? – усмехнулась она. – Жизнь другую. Где люди не врут, где любовь настоящая, где мужчины – рыцари и не кувыркаются в постелях с кем попало. Сможет Смолин меня туда отправить? Нет. Вот пусть здесь со мной и мучается.

– Последний вопрос. Вы знали или слышали от Чадова о человеке по имени Евгений Дуров?

– Нет. Он мне вообще ни о ком не рассказывал. Я даже имя его девушки узнала лишь потому, что сама ей письма отправляла. Кроме Смолина и Венеры, сюда никто не приезжал, и никакого Дурова он точно не упоминал.

Ответ Надежды не удивил. О том, что у Чадова был друг с такой фамилией, нам рассказала Венера, а рассказ ее, как теперь выяснилось, оказался далек от истины.

– Труп, что нашли здесь на днях, – это Аркадий Чадов, – вдруг заявил Берсенев. Надежда замерла на мгновение, а потом как-то странно сложилась, точно ее ударили под дых, и упала лицом на руль.

– Вам плохо? – испуганно спросила я.

– Мне всю жизнь плохо, – пробормотала она, резко выпрямилась и откинулась на спинку кресла, тяжело дыша. – Это точно он?

– Нет ни малейшего повода для сомнений.

– Но... я не понимаю... как же так. Получается, его убили? Кто? Когда?

– Скорее всего в тот вечер, когда вы виделись в последний раз, – пожал плечами Берсенев. – А кто – ответить теперь будет непросто.

– Как это в тот вечер? – не поняла она. – А как же ограбление?

– С ограблением тоже не все ясно...

– Не хотите говорить?

– Пока сказать нечего.

В машине на какое-то время повисла тишина. Каждый из нас думал о своем. Надежда взглянула на часы.

– Мне пора, – сказала ворчливо, точно опасаясь, что мы начнем

возражать. Берсеньев молча кивнул, она завела мотор, и мы поехали назад к конторе. – И что теперь? – спросила она, когда мы уже собрались выходить.

– Постараемся сохранить ваш рассказ в тайне, только вряд ли это возможно, потому что теперь совершенно ясно: смерть Софьи напрямую связана с тем, что мы от вас услышали, – с прокурорскими интонациями в голосе ответил Берсеньев.

– Мне бояться нечего, – пожала Надежда плечами, кивком простилась с нами и скрылась за двухстворчатой дверью конторы. А мы загрузились в машину Берсеньева.

– К Софье попало одно из этих писем, – взволнованно заговорила я. – Слово «вор» и отрывок из романа недвусмысленно говорили о том, что конкретно Смолин украл. Она занялась расследованием...

– Ну да... – лениво кивнул Берсеньев. – Мы и раньше об этом догадывались.

– И убил ее человек, который желал сохранить старые тайны. Получается, это Смолин? Боялся обвинений в плагиате?

– Само собой, боялся. Но у нас есть еще убийство: труп на даче Чадова. Не сам же он себя прикопал? Весьма необычный способ самоубийства. – Берсеньев завел машину и плавно тронулся с места, а затем продолжил: – Кандидатов на роль убийцы Чадова трое: Смолин, Венера и разочарованная в жизни девушка. Такие девушки, скажу по секрету, на многое способны. Вариант первый: Смолин. В тот вечер ему надоело ждать подмоги, он вернулся на дачу, наплевав на драгоценную папину машину, застал голубков на той же тахте и сгоряча Чадова уколошил.

– А если Чадова убили вовсе не из-за женщины? – нахмурилась я.

– Смолин решил свистнуть рукопись, избавившись от ее создателя? По-моему, это слишком. Хотя кто знает этих литераторов. Давай пока остановимся на более доступной моему разуму версии. Вариант второй. Чадова убивает Венера. Не угодил. Она спросила: «Ты меня любишь?» – он ей: «Нет, хоть трахаю с удовольствием». А она в сердцах его тяжеленьким по башке.

– Чадову шею сломали, – напомнила я.

– Венера девушка крупная, – хохотнул он. – И третий вариант, который все же вызывает сомнения, – Надежда. Осерчала и на обидчика кинулась. Он с ней драться не мог, терпел, а она случайненько шею-то ему и свернула.

– Потом могилу вырыла, похоронила...

– Знаю, знаю, – закивал Берсеньев. – Версия так себе, но совсем отказываться от нее я бы не стал. Пока остановимся на двух вариантах: убил либо Смолин, либо Венера. После чего вступили в преступный сговор, с намерением убийство скрыть. В первом случае девушка спасает Смолина, чувствуя себя виноватой, во втором, он ее спасает по большой любви. Яму вырыли, труп спрятали. И задумались: что дальше?

– Они разыграли ограбление и обвинили в нем Чадова, чтобы оправдать его внезапное исчезновение и не вызвать подозрений? Венера заявила – грабителей было двое.

– Но в разговоре со следователем ни о каком друге Чадова она не упоминала. Их было двое, при этом, кто второй грабитель – никаких намеков. Если он действительно друг Чадова, на него бы вышли очень быстро.

– Точно. Я на всякий случай поискал в «Одноклассниках» тех, кто вместе со Смолиным учился. Один добрый человек отозвался. Утверждает, он в те времена с великим дружил.

– Утверждать можно что угодно.

– Чем ты недовольна, счастье мое? – усмехнулся Берсеньев.

– В голове не укладывается, что такой человек, как Смолин... – я вздохнула, не желая продолжать, а Берсеньев вновь усмехнулся.

С Сергеем Степановичем Рыковым мы встретились в городской библиотеке. Зная, что нас ожидает, постаралась бы избежать своей участи, явившись двумя часами позднее. Но к библиотеке имени Маяковского мы подъехали в указанное время, и тут выяснилось: у Рыкова здесь встреча с читателями. К моему удивлению, оказалось, что он поэт, всемирно известный в нашем городе, вот и решил: нам с Берсеньевым пора влиться в ряды его поклонников. Осознав, что нас ждет, я собралась дать задний ход, но Сергей Львович, внезапно вспыхнув любовью к поэзии, затолкнул меня в читальный зал, где на расставленных стульях сидели полтора десятка старушек и один старичок. Я злобно взглянула на Берсеньева, а он уже тянул меня за руку к ближайшим стульям. Женщина с благородной сединой и гигантской брошью на необъятном бюсте как раз закончила вступительное слово, и из-за шкафа появился юркий дядя в помятых брюках, клетчатой рубашке и галстук-бабочке отчаянно-красного цвета. Физиономия его сплошь состояла из складок и родинок. Он широко улыбался, хотя из положенного количества зубов сумел сохранить лишь половину. В общем, стало ясно: грядут испытания.

Вскоре худшие мои прогнозы оправдались. Полчаса он читал о любви.

Старушки томно вздыхали, дядя размахивал руками, вопил, как подрезанный, а Берсенев, вытянув длинные ноги, сладко посапывал. Почему-то это особенно бесило. Тут дядька перешел на гражданскую лирику, голос приобрел зловещую окраску, старушки нахохлились и закивали, а Сергей Львович громко захлопал, дурным голосом рявкнув «Браво!», чем здорово всех напугал. Дядя дернул плечом, бабки испуганно обернулись. Подозреваю, нас приняли за шпионов, тех самых «убийц родной страны», о которых только что гневно повествовал поэт.

Наконец, все это закончилось. Рыков получил скромный букет от имени библиотеки и горшок с фиалкой от поклонницы. Старушка благодарила его долго и путано, успев рассказать о своей любви к поэзии, лично к Рыкову, к цветочным культурам и помянуть недобрым словом коммунальщиков города. Затем бабки потянулись к выходу, Рыков с горшком под мышкой подплыл к нам.

– Вы из газеты? – спросил сурово. – Странно, что с телевидения никого не было...

– Я вам звонил. По поводу Смолина, – сказал Берсенев с улыбкой, которую приберегал специально для мужчин. Скромная улыбка скромного человека, которая прямо-таки обезоруживала.

– Ах да... – хлопнул себя ладонью по лбу Рыков и чуть не выронил горшок. – Что ж, давайте здесь присядем. Возможно, удастся поговорить спокойно... Слава, знаете ли, имеет свои отрицательные стороны.

– Вы учились в одной группе с Геннадием Смолиным? – перешел к насущному Берсенев, как только вновь опустился на стул, Рыков сел рядом, пристроив фиалку на подоконник.

– Именно так, молодой человек, Сергей Львович, если не ошибаюсь? А ваша прекрасная спутница?

– Ефимия.

– Какое изумительное имя...

– Сама в восторге. Нам бы про Смолина, – вмешалась я.

– Должен сказать, в то время ничто не указывало в нем на будущего гения. Совершенно заурядный молодой человек... Стишки пописывал. Плохонькие... девушки его, правда, любили, умел им угодить. А в остальном... – Он развел руками.

– А Чадова вы помните?

– Разумеется. Зав кафедрой организовал что-то вроде клуба любителей современной литературы. Очень приличный был человек, помер не так давно... Так вот, я сразу начал посещать заседания клуба, и Чадов тоже, а потом и Смолин. Оба были старше остальных студентов, оттого

и выделялись. Да еще эта пресловутая история. Вы, думаю, слышали о вражде между их семьями? Это не помешало им сойтись накоротке, хотя людьми они были совершенно разного склада. Чадов хоть с виду и угрюмый, в сущности, был простым и добрым парнем.

– Почему был? – спросила я, не очень-то уверенная, что о находке на даче Чадова уже успели раструбить средства массовой информации.

– Как же... – слегка смутился Рыков. – Он ведь исчез... сбежал, была какая-то некрасивая история. Я, кстати, всегда был убежден, эта их дружба втроем добром не кончится. Когда появляется женщина – жди беды... Это еще классик сказал.

– Какой? – брякнула я.

– Неважно, – отмахнулся Рыков. – Смолин тогда уже начал писать свой первый роман. А Чадова выперли из Литературного, и он ему завидовал. Венера делала авансы обоим... женщины легкомысленны... Я был четырежды женат и знаю...

– А вы никогда не слышали от Чадова о человеке по фамилии Дуров? Евгений Дуров?

– При чем тут Чадов? – удивился поэт. – Жека Дуров – друг Смолина. Они в одном дворе росли. Жека за ним тенью ходил, так был привязан. Их дружбы мы вовсе не понимали. Форменная шпана этот Дуров. Блатные песни под гитару и все такое...

– Он тоже в клубе состоял? – спросила я.

– Конечно нет. Я видел его всего однажды, на дне рождения Смолина. Тот пригласил меня и еще несколько человек из клуба. Целый вечер мы на этого Жеку любовались. Смолин был от него в восторге. Говорил, он непосредствен, как дикарь.

– Чадов на дне рождения тоже был?

– Нет. Не помню почему. А вот о Дурове я впоследствии не раз слышал. Так вышло, что моя первая супруга училась музыке у его матери. Весьма приличной женщины. Жека, как и следовало ожидать, оказался за решеткой. И если я ничего не путаю, в настоящее время опять находится в местах лишения свободы.

– Не припомните, за что его? – поинтересовался Берсенев.

– В первый раз за драку. Кому-то голову проломил. А потом по наклонной плоскости... вы же знаете, как это бывает. Статистика удручающая, семьдесят процентов из них вновь попадают в тюрьму...

– Смолин с ним отношения поддерживал? – спросила я.

– Понятия не имею. Когда вышел первый роман Смолина, он мне позвонил, книжку принес, потом звонками надоедал, мнением

интересовался. Точно так же и со второй книжкой. Бегал по городу, всех знакомых оповестил. Ну а когда «Прощальная песня» принесла ему успех, мы стали не интересны. Такая слава обрушилась... фильм по роману сняли, все звезды в главных ролях, его и сейчас то и дело по телевизору показывают. Смолин в Москву переехал. Гонорары заоблачные, заграникомандировки... Я его пригласил на презентацию своей книги, так он даже позвонить не соизволил. И не пришел. И за все эти годы ни разу по старой дружбе не встретились. А ведь здесь, на даче, по полгода живет. Говорят, сейчас совсем плох. Вы слышали, что с его дочерью случилось?

– Конечно. – Берсеньев поднялся, сграбастал его руку, встряхнул и сказал: – Премного благодарен. За беседу, а главное, за прекрасные стихи. Творите нам на радость. Я видел, как Ефимия плакала, – окончательно заврался Сергей Львович, а я сказала:

– У меня зуб прихватило, – и ходко устремила к двери, дядя с его стихами успел засесть в печенках.

– Интересный поворот, – заметил Берсеньев, когда мы вновь оказались в его машине. – Дуров – друг Смолина, а вовсе не Чадова.

– Думаешь, липовое ограбление Венериной квартиры именно он провернул?

– Позвони Перфильеву, пусть узнает, где сейчас этот деятель. Интуиция подсказывает, он в этой истории не раз засветился.

– Чего теперь делать-то? – вздохнула я.

– Копать дальше, что же еще?

– Я Смолина имею в виду. В голове не укладывается, как такой человек мог присвоить чужой роман?

– Это в твоей не укладывается, а в моей очень даже укладывается. Чадова они с Венерой прикопали на дачке, но его рукопись Смолин не уничтожил. Литераторы все с приветом. Либо жалко стало шедевр, либо знал, что пригодится. Смолин успел опубликовать два романа, которые прошли незамеченными. А славы хотелось. Тогда он и вспомнил о рукописи. Уж очень велик соблазн, да и был уверен: о ней никто не знает. Ведь о существовании девушки Нади он не догадывался.

– Допустим. Но Чадов мог рассказать о романе своей возлюбленной, он ведь писал ей...

– Мог. А мог и не рассказать. Сюрприз надумал сделать. Должно быть, Смолину нелегко далось решение. Не помнишь, когда вышла «Прощальная песня»? Я имею в виду, примерную дату?

– Зачем тебе? – удивилась я.

– Смолин наверняка хотел убедиться: на даче Чадова не осталось ничего, что могло бы впоследствии указать на плагиат.

– И грабитель искал на даче Чадова не золото-бриллианты... – растерянно пробормотала я.

– А, например, второй экземпляр рукописи, – кивнул Берсенев. – Заметки, отрывки, да что угодно... Но вряд ли нашел. Оттого и попытался спалить дачу, заодно скрыв следы преступления.

– Ты хочешь сказать, что жену и сына Чадова убил он?

– Кто ж знал, что они окажутся на даче? – пожал Сергей Львович плечами.

– Я не верю, что Смолин...

– Я ж сказал, разузнай, где сейчас обретается его дружок Дуров. Возможно, многое сразу встанет на свои места.

– У меня все это в голове не укладывается, – пожаловалась я.

– Извини, что пришлось нарушить идиллическую картину твоего мировосприятия... кстати, счастье мое, что еще случилось?

– В каком смысле? – нахмурилась я.

– В буквальном. В твоих глазах вселенская печаль. И это с самого утра. Еще совсем недавно твой идеализм был целехонек, не Смолин же его в унитаз спустил. Валяй, рассказывай и не вздумай дурочку включать.

– Димка звонил? – разозлилась я.

– Звонил. Но ничего интересного не поведал.

– Лешка вернулся. И его убили. Перфильев сообщил.

– Лешка, надо полагать, твой бывший муженек. Если ты решила, что его Димка шлепнул, – зря. Не рискнул бы. Ты, чего доброго, узнаешь и, конечно, не одобришь. А ты для него – свет в окошке, лебединая песня, жар сердца и прочее в том же духе. Ты Димкино все, если уж совсем коротко. Даже не парься, он не убивал, век воли не видать, – засмеялся Сергей Львович.

– Я и не парюсь, – отмахнулась я и буркнула: – Чего ты лезешь?

Он вдруг ухватил меня за подбородок, заставив посмотреть ему в глаза. Взгляд я поспешно отвела, хоть и не хотела этого.

– Ага, – сказал он нараспев.

– Еще один провидец, – фыркнула я, а Берсенев кивнул:

– Все еще хуже? Стаса подозреваешь?

– Да пошел ты...

– Значит, да. – Подбородок он отпустил и поскреб свой затылок, глядя в окно. – Когда же вы, наконец, угомонитесь?

Я решила, что с меня довольно, и попыталась выйти из машины,

но Берсеньев удержал меня за плечо.

– Сидеть. Надеюсь, вы еще не успели разругаться в хлам и в очередной раз разбежаться?

– Не успели.

– Утешила. Вот что, Смолин от нас никуда не денется. Давай-ка займемся убийством Лехи, чтоб решить вопрос с твоей душой. Начнем с его дружков, ты их, поди, знаешь. – Тут он взглянул на часы и деловито продолжил: – Если есть какие материалы, скинь на почту, а пока по домам. Стас наверняка заждался.

Тут я вспомнила о планах на вечер и тяжело вздохнула. Берсеньев высадил меня возле дома Стаса, а я тут же набрала заветный номер, хотя Стас скорее всего был уже здесь.

– Рад тебя слышать, Принцеска, – сказал он.

– Ты дома?

– Давно.

– Почему не позвонил?

– Не хотел беспокоить. Когда освободишься?

– Я уже в подъезд вхожу.

Через две минуты я смогла его обнять, а через пять мы решили, что покидать квартиру ни к чему. Ресторан и магазины подождут. Тем более что Стас успел приготовить ужин, желая, по его словам, скрасить ожидание. Все было бы здорово, не будь Берсеньев прав: сомнения имели место и стальными когтями рвали душу в клочья. Предложение Сергея Львовича скорее пугало. Вот уж чего я не хотела, так это заниматься расследованием убийства Лешки. И причина все та же: страх. Неизвестно, что там вылезет. Куда проще делать вид, будто ничего не происходит... И клацать зубами.

– Как прошел день? – спросил Стас, когда мы устроились за столом, спокойно спросил, скорее из вежливости, но мысли вихрем понеслись и привели вот куда: он хочет знать, чем я сейчас занимаюсь, то есть не пытаюсь ли сама найти убийцу бывшего мужа?

– Хуже не бывает, – ответила я.

– Проблемы?

– Позвоню Агатке, а потом все тебе расскажу. Только сначала поужинаем.

Весь ужин он шутил и вообще был очень милым, чем скорее насторожил, потому что Стас не из тех мужчин, кого принято называть душкой. Я была ему вдвойне признательна, и вместе с тем пару раз мелькнуло в голове что-то вроде «это неспроста».

Наконец мы вышли из-за стола, и я тут же позвонила сестрице, нарочно не покидая комнату, чтобы Стас слышал наш разговор от начала до конца.

– Черт... – когда я закончила свой рассказ, буркнула Агатка и добавила еще кое-что в высшей степени эмоциональное, но непечатное. – Зачем нам все это литературоведение!

– Думаю, ты уже сообразила, в литературоведение все как раз и упирается.

– Что «все»? – передразнила она. – У тебя никаких доказательств, кроме рассказа слегка сбрендившей тетки. Допустим, экспертиза докажет, что текст напечатан на ее машинке. И это все. Все, слышишь, сестрица? Кто на самом деле написал роман, нам неизвестно. Смолин приезжал на дачу, читал свои творенья, вполне мог оставить черновики, а твоя Надежда роман перепечатала исключительно с целью опорочить честное имя гения.

– Но...

– Цыц, – прикрикнула Агатка. – Не смей перебивать старшую сестру, к тому же своего начальника. Повторю специально для бестолковых: Чадов покойник, никаких черновиков нет, доказать плагиат весьма проблематично, а в нашем случае и вовсе фиг чего докажешь. А на этом строится вся твоя версия. Об убийстве жены и сына Чадова я вообще ничего слышать не хочу. Чистый геморрой, потому что уже сто лет прошло и Смолина ты с их убийством не свяжешь. Умозрительные заключения не в счет, хотя мне они даже понравились, по крайней мере, слушать было интересно.

– И что прикажешь делать? – разозлилась я.

– Искать убийцу Софьи, естественно. У тебя выходит, что это Смолин, так? Дочка его постыдную тайну раскопала, а он ее пристрелил со словами: «Я тебя породил, я тебя и убью».

– Вовсе не Смолин, то есть не своими руками. У него есть друг детства, по слухам, успел в тюрьме побывать, и не один раз. Вполне подходящая кандидатура. Допустим, плагиат доказать сложно, но скандал – это удар по репутации. В Кремль больше не пригласят. Вот от свидетелей и избавляются. Софья что-то раскопала, узнав об этом, Смолин предпочел собственную славу, а может, дружок без него распорядился. Потом черед Венеры пришел, потому что золотишко у нее оставалось и она по бедности начала его потихоньку продавать. Думаю, раньше ей Смолин приплачивал, но в последнее время дела у него обстоят так себе, вот бывшая и понесла вещички антиквару.

– Ладно, звони Перфильеву, пусть узнает, где сейчас этот друг детства.

Только чувствует мое сердце, мы тратим время впустую. Тебя на работе в ближайшее время ждать или ты у нас сама решаешь, когда и куда тебе идти?

– Жди, и я приду. Несмотря на многочисленные трудности...

– Ага. А сейчас ты где?

– Дома.

– Неувязочка. Это я дома. У тебя. А тебя здесь нет.

– Наверное, я куда-то вышла. Ненадолго. Люблю. Целую. Встретимся.

Я торопливо отключилась, косясь на Стаса, он криво усмехнулся и сделал вид, что его очень заинтересовала программа телевидения. Беспокоить Перфильева, когда он отдыхает в кругу семьи, – большое свинство, но это не остановило. После шестого по счету звонка он снял трубку. Стас наблюдал за нашей дуэлью: моя настойчивость против выдержки Перфильева. На сей раз не ухмылялся, а головой покачал, непонятно кого из нас не одобряя.

– Я, конечно, очень рад тебя слышать, – сказал Олег Викторович. – Но ты злоупотребляешь.

– Совсем чуть-чуть и для общей пользы. Я ж не среди ночи звоню.

– Только попробуй. Моя, на счастье, сегодня с подругами встречается, а то бы уже с постной миной сидела.

– Подозревает, что ты до сих пор в меня влюблен?

– Подозревает, что я от тебя никогда не избавлюсь. Чего тебе?

– Есть новости.

– О господи. Мне твоего антиквара достаточно. Заяву накатал, да еще охрану требовал. Теперь разбирайся с ограблением, которое было при царе Горохе, причем горячие головы, вроде тебя, начнут утверждать, что как раз из-за него Венера богу душу и отдала. А ведь так все хорошо вырисовывалось: грабители, ни с какими доисторическими преступлениями не связанные, застали в квартире хозяйку и с перепугу убили. Даже если всяк, то из разряда обычных.

– Сочувствую, но, согласись, граждан все-таки не я убиваю, так что гнев твой не по адресу. Возможно, настроение я тебе еще больше испорчу, но, как честный человек, молчать не могу. – И я вторично поведала о событиях дня, на сей раз куда лаконичней, без излишних подробностей, но Перфильеву мой рассказ все равно не понравился.

– Даже слышать ничего не хочу. Я сам по телику видел, как президент Смолину премию вручал. И губернатор наш к нему запросто хаживает.

– Ты мне, главное, дружка его сыщи, Дурова. Где сейчас обретается и все такое. Сомневаюсь, что Смолин сам подался в душегубы, а значит,

ты и преступление раскроешь, и, глядишь, с губернатором не поссоришься.

– Ладно. Обещаю все выяснить в кратчайшие сроки. А ты бурную деятельность не особо развивай. По башке тебя не раз били, а здесь какой-то уголовник...

– Много вас, завистников моему здоровью. Пока.

Я уже собралась отключиться, как Перфильев вдруг сказал:

– Подожди... – и замялся.

– Жду, – скромно напомнила я о себе где-то через полминуты.

– Может, зря я это делаю... Короче, касается это убитого адвоката.

– Елисея Нилова?

– Да. Мы проверили его звонки. Скорее всего прямо перед убийством он отправил СМС. В адресной книге номера нет, но, оказывается, с него Нилову дважды звонили накануне. Само собой, мы намеревались узнать, кто звонил. Но так вышло, что немного с этим задержались. Ответ получили только вчера.

– И что? – поторопила я.

– Это Лешкин номер. Он зарегистрировал его, как только появился здесь. И дважды звонил Нилову, а в пятницу вечером тот сам с ним связался.

– То есть Лешке зачем-то был нужен адвокат?

– Выходит, что так... На суде он признал себя виновным, ни у кого никаких сомнений не было, но... дело-то мутное. Кто знает, что пришло ему в голову, пока он был в тюрьме... Ладно, созвонимся завтра.

Перфильев отключился, а я уставилась в окно, боясь повернуть голову и встретиться взглядом со Стасом. Перфильев никогда бы не рискнул произнести это вслух, но я поняла, что он хотел сказать. Виновность Лешки не могла не вызвать у него сомнения, уж слишком хорошо он его знал. И теперь логично предположил: сюда Алексей вернулся с намерением восстановить справедливость. Получилось бы или нет, большой вопрос, но есть человек, которому подобная попытка способна доставить неудобства.

– Неприятная новость? – услышала я за своей спиной и оглянулась, поспешно нацепив улыбку.

– Нет, скорее интригующая.

– Расскажешь мне?

– Ну их, к лешему, все эти рассказы, лучше поцелуй меня...

В понедельник Стас отвез меня на работу, остановив машину в двух кварталах от конторы. Учитывая, что все происшедшее для Агатки тайной

уже не было, конспирация довольно глупая. Однако мы продолжали ей следовать. Сестрица в тот день задерживалась, никто не знал, где она, мобильный отключен, это слегка беспокоило, хотя повода вроде бы не было.

– Где ее носит, – в сердцах прошипела я, в очередной раз убедившись, что ее телефон молчит, как проклятый.

– Это у вас семейное, – тут же влезла Ирка.

– Я существо незначительное, и если вдруг исчезну ненадолго, мировая гармония не пошатнется. А высокому начальству...

Тут как раз высокое начальство и объявилось.

– Я тебе весь день названиваю, – буркнула я вместо приветствия.

– Сочувствую.

Она прошла в свой кабинет, а я поплелась за ней. Выглядела сестрица слегка утомленной, и я решила узнать причину. Обычно в это время она просто-таки излучает энергию, в общем, я заподозрила: у нас опять что-то не складывается.

– Была у Турова, – сказала Агатка, села на стол и принялась дрыгать ногами, как в детстве. Дурацкая привычка, за которую ей часто доставалось от мамы.

– Черт, – выругалась я. – Он признался в убийстве?

– Как никогда твердо стоит на своем: невиновен. Зато вдруг разговорился. Оказывается, у Софьи был пистолет. Он нашел его в вещах девушки.

– Нашел – и что?

– По его словам, ничего. Лишний раз убедился, что у нее не все дома.

– Да уж... Она агент под прикрытием, как же без пистолета... вот только откуда он у нее?

– Туров утверждает – это был «ТТ».

– А он в оружии смыслит?

– Говорит, да.

– И что нам от всего этого?

– Лишняя головная боль. Впечатление такое, что он все выдумывает, чтобы еще больше дело запутать. Я попыталась объяснить: это не лучший способ добиться желаемого результата. Но он стоял на своем. Пришлось отправиться к следователю с его заявлением.

– Следователь тоже в восторг не пришел?

– Следователь задался тем же вопросом: откуда у нее может быть пистолет. И позвонил Смолину.

– Сильный ход.

– Ага. Смолин третий день в областной больнице. Подозревают инфаркт. Телефон взяла супружница. И знаешь, что она сказала?

– У Смолина был пистолет?

– «ТТ». Наследство. Кто-то из родни привез с фронта. Тогда в ходу были такие подарки. Смолин хотел его сдать, но рука не поднялась. Семейная реликвия. Держал вместе с коробкой патронов.

– Их тоже на память?

– Мужики, как известно, те же дети. Дражайшая половина об ответственности за подобные деяния даже не слышала, оттого общалась довольно охотно. Следователь отправился к ней и попросил показать реликвию. Тут же выяснилось, что ее нет. Пистолет лежал в кабинете Смолина, в ящике, запертом на ключ. Ключ валялся в жестяной банке со всякой мелочью, так что взять «ТТ» мог кто угодно, в том числе и гости. К тому же Смолина могла позвонить мужу, тот растолковал, что к чему, и пока следователь добирался до дачи, пистолет вдруг исчез.

– Софью у нас как раз застрелили из «ТТ».

– Возможно, пистолет был при ней и убийца им воспользовался. А возможно, Туров врет как сивый мерин, вспомнив рассказы Софьи о папаше и его любимых игрушках. Меня это дело бесит, – вздохнула сестрица. – Хвосты торчат во все стороны, а, главное, никуда не ведут.

– Обидно, – согласилась я.

– Сейчас тебе еще обидней станет. Евгений Дуров скончался семь месяцев назад в Мордовии, где отбывал наказание. Скончался от рака простаты. Можно сказать, скоропостижно. Болезнь обнаружили на стадии, когда сделать уже ничего было нельзя.

– Рак простаты – очень изысканный художественный штрих, – сказала я. – Только теперь моя версия летит к чертям.

– А я о чем? – вновь вздохнула Агатка. – Значит, так. Сегодня занимаемся другими делами. Надо малость дистанцироваться. А завтра с утра садимся и не спеша разбираемся, где мы, то есть, конечно, ты, лопухнулась и что теперь делать. Вопросы есть? Топай. И составь мне, наконец, справку, которую я жду уже неделю.

В большой печали за труды, оказавшиеся напрасными, я вернулась за свой стол.

– Фенька, – позвала Ирина. – Тебе факс пришел.

– Что там?

– Дуров Евгений Степанович скончался в сентябре прошлого года...

– Эту новость я уже знаю, – отмахнулась я. – Олегу Викторовичу респект и уважуха, но он опоздал. У сестрицы знакомства покруче будут.

Я занялась писаниной, той самой справкой, которая потребовалась Агате, и закончила, когда все уже покинули офис. Первой, кстати, отбыла сестрица. Я надевала пальто, собираясь уходить, когда на пороге возник Берсеньев. Привалился к дверному косяку, наблюдая за мной, и сказал:

– Наш Ромео позвонил.

– Это еще кто?

– Димка, естественно. От большой любви нервно бьет копытом. Велел тебе передать, чтоб ты заглянула к некоему Севе Плоткину. Ты такого знаешь? – Я немного напряглась и утвердительно кивнула. – Адрес Димка мне переслал. Тебе звонить не хочет. Обиделся. И вынул мне душу расспросами, как ты живешь без его душевного пригляда. Я посоветовал позвонить тебе и узнать все из первых уст. К Севе поедем?

– Поедем. Только Стасу позвоню.

Я набрала номер Стаса, но его мобильный оказался выключен. Это слегка озадачило. На всякий случай я позвонила на работу. Секретарь Стаса, сняв трубку, сообщила, что он уже уехал.

– Ты с Димкой когда разговаривал? – выходя на улицу, спросила я.

– Полчаса назад. Он был страшно доволен, что нас обскакал.

– Сомнительно. Плоткин – Лешкин приятель, они когда-то вместе служили. Может, конечно, Лешка что-то ему и рассказал... А у меня новость хуже некуда: Дуров умер семь месяцев назад и убийцей Софьи быть никак не может.

– Не горюй. Один умер, другой появится.

Я весело фыркнула и побрела к его машине.

Последний раз мы с Севкой виделись лет пять назад. В настоящий момент он гулял возле своего дома с годовалым младенцем, который сладко посапывал в коляске. Плоткин, мазнув по мне взглядом, пошел себе дальше. Я предпочла решить, что у него зрение испортилось, все лучше, чем думать: я успела измениться до такой степени, что меня уже не узнают.

– Привет, – сказала я.

Он взглянул удивленно, а потом весело хихикнул:

– Привет, Фенька.

– Девочка, мальчик? – кивнула я на карапуза в коляске.

– Девочка. Год и восемь дней. Зовут Василиса.

– Завидую.

– А это кто? Муж? – поинтересовался он, косясь на Берсеньева.

– Знакомый.

– Раньше ты замуж любила ходить, – вновь хихикнул он. – А теперь

что же...

– Раньше ты с Лехой водку жрал отчаянно, а теперь, судя по тоске в глазах, на голодном пайке.

– У меня, знаешь ли, сейчас другие ценности, – обиделся он.

– У меня тоже. Леха был здесь?

– Ага. Появился в прошлую среду. Я так и не понял зачем, – пожал Севка плечами. – Лучше б ему в другое место податься, глядишь, был бы жив.

– А зачем вообще приехал?

– Я думал, по тебе соскучился, но Леха сказал, у тебя своя жизнь, у него своя... Не заходил?

– Нет.

– Мне, кстати, Витька Муромов звонил, сказал, его убийством не только менты интересуются, но и... один серьезный человек, – закончил он весьма расплывчато. – Я как узнал о том, что с Лехой случилось, сам пошел к ментам и все рассказал.

– Вот и мне расскажи, – попросила я.

– Ну... приехал, значит, Леха. Спросил, не помогу ли устроиться, комнату снять или квартиру. А у меня сосед не женат, сейчас в командировке. Я соседу позвонил, он согласился. Чего ж хорошему человеку не помочь. Вот, собственно, и все. Виделись мы с Лешкой не то чтобы часто. Днем я на работе, а вечером с ребенком гулять надо да и жене внимание уделять.

– И ты знать не знаешь, чем он здесь занимался.

– Не знаю.

– Вы что с ним, ни разу не пили?

– Было дело. За встречу. Что мы, не люди?

– И пьяный Леха ничего тебе не рассказал? – присвистнула я.

– Ты не поверишь, но мы пузырь еле-еле усидели. Хотя я два принес, чтоб лишний раз не бегать. Он, считай, и не пил. И молчал. То есть не то чтобы совсем, но больше меня слушал, как жизнь и все такое. Изменился Леха, просто не узнать.

– Да уж... Что, вообще ничего не рассказывал?

– Сказал, надо ему одного человека найти. Дал, мол, слово восстановить справедливость. Чего ты глаза таращишь, прямо так и сказал: «Должок за мной, обещал – надо сделать».

– Кому обещал?

– Себе, наверное. Откуда я знаю? Три дня он здесь жил, а потом пропал. Я на мобильный звонил, беспокоился. Мобильный отключен.

Не знал, что и думать. То ли уехал, то ли случилось что. Решил подождать, вдруг объявится. А тут весточка пришла: убили Леху. Кто ж теперь знает, во что он вписался. – Севка досадливо махнул рукой. Ребенок завожился в коляске, и счастливый отец заторопился домой.

А я направилась к Берсеньеву, который все это время прогуливался по двору, держась от нас на расстоянии.

– Тоже мне ценные сведения, – проворчала я. – Ничего путного.

– Так-таки ничего?

– Леха обещал кому-то восстановить справедливость.

Я достала телефон и вновь набрала номер Стаса, чтобы убедиться: его мобильный по-прежнему выключен. Дома Стаса тоже не оказалось, и это вдруг напугало.

– Я есть хочу, – сказал Берсеньев, взглянув на меня из-под очков. – Предлагаю поужинать в уютном местечке. Настроение повысится и мыслительные способности тоже.

– Агатка права, в этой истории концы с концами не сходятся, – жаловалась я, пока Берсеньев уминал форель со спаржей. Сама я тщетно пыталась запихнуть в себя салат.

– На самом деле, тебя беспокоит другое, – усмехнулся Сергей Львович. – И где сейчас находится Стас, тебя волнует куда больше, чем все Лешкины тайны. Успокойся, наконец, и просто прими его сторону. Порочная практика сидения на двух стульях...

– Как мило, – растянула я рот до ушей. – У меня теперь свой психоаналитик.

Время шло, я звонила то на домашний телефон, то на мобильный Стаса, и беспокойство медленно, но верно перетекало в панику. И вдруг Стас сам позвонил. Я так разволновалась, когда на дисплее высветилось его имя, что умудрилась уронить мобильный и бестолково шарила руками по полу, пытаясь его найти. Берсеньев, понаблюдав все это, поднялся со вздохом, легонько отодвинул меня, поднял телефон и сунул мне его в руки.

– Привет, Принцеска. Ты где? – услышала я голос Стаса.

– На Маяковской.

– Могу тебя забрать, мне как раз по пути.

– Да, конечно...

Схватив пальто, я бросилась к выходу, забыв про Берсеньева, и только на улице подумала, что веду себя совсем не по-дружески. Подошла к окну, возле которого был наш столик, и постучала. Берсеньев повернулся и мне отсалютовал. А я послала ему воздушный поцелуй. Без всякой иронии.

Уже стемнело, температура упала градусов до двух, я прыгала на месте, чтобы не замерзнуть. Стас подъехал через несколько минут, выглядел довольным. Мне бы порадоваться, что все хорошо, а я полезла с вопросами.

– У тебя мобильный был отключен.

– Сдох в самый неподходящий момент. Хорошо, что в машине есть подзарядка, наконец-то смог тебе позвонить.

– Я беспокоилась.

– Извини.

Мы приехали домой, и вот тогда, бог знает почему, явилось предчувствие большой беды. Стас выкладывал покупки в холодильник, а я отправилась в ванную. Сбросив одежду, встала под душ, чувствуя, в каком сумасшедшем ритме бьется сердце. Когда я вернулась в кухню, Стас стоял возле стола с моим мобильным в руке.

– Агатка звонила. Три раза.

Схватив телефон, я набрала номер сестры.

– Где тебя носит? – рявкнула она. – До смерти напугала.

– Я в душ с мобильным не хожу, – вяло оправдывалась я. – У тебя критические дни или в самом деле что-то случилось?

– В самом деле. Димка в больнице. В него стреляли час назад.

На ногах бы я точно не удержалась, не окажись Стас рядом.

– Господи, он жив?

– Мертвых в больницу не везут, для этого морг есть. Я в больнице скорой помощи, его готовят к операции. Приедешь или есть дела поважнее?

– Конечно, приеду. Ты Берсеньеву звонила?

– Сейчас позвоню.

Я закончила разговор с сестрой, и Стас сказал, нахмурившись:

– Тебе надо лечь. Ты бледная, и губы дрожат.

– Димка в больнице. В него стреляли. Я должна ехать...

– Не понимаю зачем. Кажется, твоя сестрица взяла на себя обязанности сиделки. Берсеньев будет ей опорой. Мы там явно лишние.

Не слушая его, я начала переодеваться.

– Хорошо, – пожал Стас плечами. – Поехали.

– Но...

– Никаких «но», милая. Моя святая обязанность быть в трудную минуту рядом с тобой.

– Не подходящее время для шуток, – сказала я, а он ответил:

– Я не шучу.

Подъезжая к больнице, я увидела машину Берсеньева на парковке.

Стас, заглушив двигатель, хмуро взглянул на меня.

– Постарайся не задерживаться. У меня был трудный день, и я чертовски устал.

Я кивнула и, радуясь, что он остался в машине, бросилась к больничным дверям бегом. Агатку с Берсеньевым я нашла на втором этаже, рядом со входом в отделение. Сестра сидела на подоконнике, Берсеньев нарезал круги рядом.

– Его уже оперируют, – сказала Агата, не дожидаясь моего вопроса.

– Что говорят?

– Как обычно, советуют надеяться.

– Есть какие-то сведения о том, что произошло?

– Мне Димкин шофер позвонил. Ломакин в запой ударился, каждый вечер по литровке вискаря, оттого и ездил с водителем. Руки с утра сильно дрожали. У него была встреча в бизнес-центре на Гороховой. Водитель его на парковке ждал, парковка с торца здания. Димка вышел из-за угла, и тут раздался выстрел, потом второй. Водитель успел заметить убежавшего мужчину. Вызвал «Скорую» и полицию.

– В котором часу это было?

– Примерно в восемь. Уже стемнело и... черт... в голове не укладывается.

– Водила все еще в полиции? – спросил Берсеньев, все это время он молчал, точно происходящее не очень-то его касалось.

– Наверное, – пожала Агатка плечами. – Он до смерти напуган. Хорошо хоть догадался позвонить. В мобильном Димки мое имя на первом месте, вот и...

– Ты не спросила, как они провели день? Не было чего-то необычного?

– Мы говорили недолго, но, по его словам, день как день... У Димки была встреча в ресторане, оттуда сразу поехали в бизнес-центр.

– Мне он звонил из ресторана, я слышал, как столовые приборы звякают. Шофер в курсе, с кем он встречался?

– Нет. Димка ничего не говорил по этому поводу. Выглядел недовольным, но это скорее из-за сердечных ран. Оттого и запил. – Тут сестрица одарила меня суровым взглядом, а я разозлилась.

– Может, зря я за него замуж не вышла?

– Врагов у Вадимыча немало, – влез Берсеньев. – Лишь бы выкарабкался, а там с ними сам разберется. Охрану ему дали?

– Его ребята где-то здесь пасутся. Был бы толк... видно, что олухи.

– Я могу остаться, – сказал Сергей Львович. – Пригляжу за нашим Ромео. А вы поезжайте.

– Подождем, когда операция закончится, – сказала я, а Агатка кивнула. – Закурить у кого-нибудь есть?

– Мы же вроде в завязках?

– По такому поводу не грех и развязаться.

Немного помедлив, сестрица достала из сумки пачку сигарет, и мы вышли на улицу. Машина Стаса стояла далеко отсюда, и я надеялась, что Агатка ее не заметит. Следующие три часа мы то выходили на крыльцо курить, то молча сидели на подоконнике, как три нахохлившиеся птицы. Время от времени я удалялась в сторонку, чтобы написать Стасу.

– Кому ты там строчишь? – не выдержала Агатка. Я сделала вид, что не обратила внимания на ее вопрос.

Наконец появилась медсестра и сказала:

– Закончили. Доктор сейчас к вам выйдет.

Прошло еще полчаса, и, наконец, мы увидели доктора, пожилого, уставшего, который даже двигался, казалось, с трудом.

– Вашему другу, можно сказать, повезло, – заявил он. – Крови потерял много, а в остальном... Будем надеяться...

– Он... – испуганно начала я, а врач улыбнулся:

– У него хорошие шансы жить долго и счастливо. Всего доброго.

Он ушел, некоторое время мы смотрели друг на друга, а потом дружно выдохнули.

– Топайте домой, – кивнул Берсеньев. – Втроем здесь делать нечего. Советую выпить коньяка и завалиться спать.

Простившись с ним, мы с сестрой покинули больницу.

– Ты на такси приехала? – спросила она.

– Да, – соврала я. – Черт, забыла кое-что спросить у Берсеньева. Поезжай, я сама доберусь.

– Чего ты шифруешься? Знаю я, где ты живешь. Поздравляю, сестрица, ума у тебя так и не прибавилось...

И тут я увидела Стаса, он шел от машины к нам навстречу. Я сцепила зубы, чтобы не выругаться, а Агатка, точно споткнувшись, замерла на месте.

– До чего ж ты наглая сволочь, – сказал она, когда он приблизился.

– У меня отличная новость: мы скоро породнимся, – ответил Стас.

– Алиби обзавелся? – не унималась Агата.

– Алиби? Кого я опять убил? – усмехнулся он. – Все никак не угомонишься? Спишь и видишь меня за решеткой.

– Ага. Про алиби все же расскажи. Весь вечер от Фимки не отходил? Она подтвердит. Понадобится, и в тюрьму сядет, лишь бы тебя выгородить.

Ей не привыкать.

– Прекрати, – попросила я, точно зная, что до моих слов тут никому нет дела.

– Пусть старшенькая поболтает, что ей еще остается? Годы идут, в жизни ничего не меняется. Как тут сестре не позавидовать.

– Прекрати, – крикнула я, на сей раз обращаясь к Стасу, а Агатка головой покачала:

– Имей в виду, Фимка, он рядом с тобой никого не оставит. Ему надо, чтоб ты ему принадлежала, целиком и полностью, обо всем на свете забыв. Он от этого балдеет. От твоей дурацкой любви, которая тебя мозгов лишает. Ты все-таки поинтересуйся, где он был, когда в Димку стреляли?

– У твоей сестры ума куда больше, – ответил Стас. – Ей и в голову не придет меня подозревать.

– Серьезно? Может, ответишь почему?

Стас наклонился к ней и сказал с улыбкой, которая меня всегда пугала:

– Я бы не промахнулся, – схватил меня за руку и повел к машине.

– Прости, – сказала я испуганно.

– Не вздумай завести свою любимую песню «Агатка хорошая»...

– Так и есть. А ты бы мог подождать в машине, пока я от нее не отделаюсь.

– Какой смысл скрывать...

– Вы избавили бы меня от безобразной сцены, – вздохнула я, садясь в «Мерседес».

Мимо на большой скорости промчалась машина Агатки. Точно зная, что звонить ей сейчас бесполезно, я отправила СМС: «Сбавь скорость и будь поаккуратней. Сестра у меня одна».

Ответ не пришел, что не удивило.

Мы вошли в квартиру, и я беспомощно опустилась в кресло. Стас прошел в кухню, налил виски в два стакана и один протянул мне.

– Не хочется, – поморщилась я.

– Когда вы так подружиться успели? – усмехнулся он. – Просто удивительно.

– О чем ты? – не поняла я.

– О твоём большом горе.

– Не говори так, пожалуйста. Он хороший парень и... я виновата перед ним.

– Ну, это тоже старая песня, – вновь усмехнулся Стас. – Ты всегда перед всеми виновата. Подозреваю, получаешь от этого удовольствие. Ладно, валяй, спрашивай, – он залпом выпил виски и швырнул стакан

в мойку.

– О чем?

– Где я был в тот момент, когда стреляли в Ломакина.

– Я не собираюсь этого делать.

– Серьезно? А как же совет сестрицы?

– Ее можно понять... она видит все происходящее иначе, чем я.

– Да неужели? – Стас засмеялся. – Кончай валять дурака, Принцеска.

Спрашивай. Это лучше, чем молчать и изводить себя сомнениями.

Конечно, он был прав. Это куда лучше, но признаться в том, что я извожу себя сомнениями, ох как нелегко. Это равносильно сомнению в моей любви. По крайней мере, именно так я думала.

– Твой мобильный, – наконец сказала я и вздохнула. – Это так на тебя не похоже.

– Последние дни такая ерунда, как подзарядка мобильного, меня совсем не волнует, – засмеялся он. – Я уехал с работы где-то около пяти. В половине шестого у меня была встреча, закончилась в семь. Я отправился в торговый центр «Северный» за продуктами, где пробыл больше часа.

– Так долго? – спросила я, уже ненавидя себя за это.

– Забыл сказать, я купил тебе платье. Подумал, может, в ресторан мы все-таки выберемся. Платье в спальне, можешь взглянуть. Вряд ли тебе захочется его примерить...

– Очень захочется, – улыбнулась я и пошла в спальню. Платье было красного цвета, и я бы сама такое вряд ли выбрала. Слишком яркое, слишком открытое. Но когда я его надела, невольно засмеялась, испытывая в ту минуту гордость, радостное изумление и благодарность Стасу, что он видел меня такой: уверенной в себе, красивой, не знающей сомнений.

– С платьем я угадал, – сказал он, стоя в дверях, и я очень быстро оказалась в его объятиях.

Остаток ночи нас мало интересовал окружающий мир, точнее, его для нас вовсе не существовало. Даже о Димке я ни разу не вспомнила. Но утром, когда комнату еще наполняли сумерки, а Стас спал рядом, я осторожно высвободилась из его рук, подхватила с пола пакет и вышла с ним в кухню. Проверила и пакет, и упаковку. Чека не было, что не удивило. Странно делать женщине подарок, вложив в него чек. Но крохотная надежда была: вдруг он машинально положил его в пакет, а потом забыл.

Логотип на пакете был мне хорошо знаком. Этот бутик в торговом центре «Северный» я знала. Любимое заведение сестрицы. Стас мог купить платье утром, в обед или вообще днем раньше. Господи, что ж я

делаю... почему я упорно ищу доказательства его невиновности... или вины? Мне недостаточно его слова? Неужто он прав, и я просто не в состоянии ему верить, разрушая все и делая немыслимым совместное существование?

На цыпочках я прошла в спальню, нырнула под одеяло и прижалась к Стасу.

– Принцеска, – пробормотал он во сне и улыбнулся.

Утром, когда он привез меня на работу, я постояла за прикрытой дверью, дожидаясь, когда отъедет его машина, а потом припустилась к стоянке такси. Торговый центр «Северный» открывался в девять, пятнадцать минут десятого я уже была в бутике. Наплыва покупателей не наблюдалось, и обе девушки, работавшие здесь, шагнули ко мне с широкими улыбками.

– Мой муж купил у вас платье, – начала я, улыбаясь в ответ, и принялась описывать подарок Стаса.

– Да-да, – дружно закивали девушки. – Вам оно не понравилось?

– Я хотела бы знать, когда он его купил?

– Вчера вечером...

– А точное время вы могли бы мне сказать?

Теперь они переглянулись с недоумением, но одна из продавщиц направилась к стойке, а я продолжала улыбаться, пока сквозь стеклянную стену бутика не увидела Стаса. Он стоял чуть в стороне, ближе к лифту, и оттуда наблюдал за мной. С минуту мы смотрели друг на друга, потом Стас развернулся и пошел прочь, а я бросилась за ним.

– Подожди! – кричала я, зная, что он не обернется.

Он и не обернулся. Створки лифта сомкнулись задолго до того, как я подбежала. Еще один лифт был напротив, через проход. Я спустилась на парковку и только потом подумала, что он мог выйти на нулевом этаже, где тоже была парковка, но на улице. Полчаса я бестолково бегала, пока не поняла, что он давно уехал. И стала звонить, то есть я звонила все это время, хотя мобильный он сразу отключил. Я послала СМС: «Прости меня» – и поехала к нему в офис, надеясь застать его там. Но дальше порога меня не пустили. Охранник связался с секретаршей Стаса и получил ответ: Станислав Игоревич в командировке, вернется через несколько дней, когда конкретно, не сказал. Вранье, только неизвестно кому предназначалось. Он мог придумать командировку накануне, чтобы побыть со мной, а мог придумать ее сейчас, чтобы от меня избавиться. Я поехала к нему домой, но и там не застала. До обеда бестолково металась от офиса

к дому и обратно, то и дело набирая его номер. «Надо дать ему время успокоиться, – в конце концов решила я. – Вечером встретимся и поговорим».

Я вернулась в бутик, где несколько ошарашенные девушки подтвердили: Стас купил платье примерно в то время, когда в Димку стреляли. И вместе с облегчением я испытывала стыд, что усомнилась в нем, и думала о той боли, что причинила ему. И отправляла сообщение за сообщением: «Прости меня, пожалуйста, прости». Потом поехала к Димке в больницу, где столкнулась с сестрицей. Димка пришел в себя, но все еще находился в реанимации, и к нему не пускали. Берсеньев отправился спать, Агатка, взглянув на меня, посоветовала мне сделать то же самое.

– А работа? – усмехнулась я.

– С такой рожей только клиентов распугивать.

– У Стаса алиби, – я вздохнула и, избегая взгляда сестры, смотрела куда-то вбок.

– Кто ж сомневался, – хмыкнула она.

– У него действительно алиби...

Она махнула рукой и побрела по коридору, а я за ней.

На работу мы приехали вместе, мое стремление к труду объяснялось просто: одиночество страшило. Я занялась бумагами, держа мобильный под рукой, в надежде, что Стас все-таки ответит.

– Фенька, – позвала Ирина, разбавившая бумаги за своим столом. – Здесь факс об этом Дурове. Он тебе нужен или выбросить?

– Давай сюда, – кивнула я.

Сестрица-аккуратистка требовала, чтобы каждая бумажка была подшита к делу. Перед тем как убрать листок в папку, я пробежала глазами текст и завопила:

– Твою мать! – чем изрядно напугала девчонок. На мой вопль из кабинета появилась Агатка.

– Санитары требуются? – ласково поинтересовалась она.

Я вскочила из-за стола и принялась трясти перед ней листком.

– Дуров умер в колонии, – по-дурацки хихикая, заговорила я, должно быть, и впрямь в ту минуту выглядела слегка с приветом. – Это та самая колония, где отбывал срок Лешка. Они наверняка были знакомы. И, очень может быть, сюда Леха приехал вовсе не из-за меня, как мы решили. Севке Плоткину он сказал, что обещал восстановить справедливость. Какую? Что, если это имеет отношение к Дурову, то есть к Чадову?

– Я далека от твоего энтузиазма, но давай проверим, – буркнула

Агатка.

Ну а дальше, как это часто бывает, вдруг «поперло». Мы еще висели на телефоне, Агатка уточняла данные, я торопливо информировала Берсеньева о неожиданном повороте, когда в нашей конторе возник молодой мужчина, исключительно приятной внешности, с модной стрижкой, в модном пальто, и хорошо поставленным голосом осведомился:

– Могу я видеть Агату Константиновну?

– Можете, – ответила сестрица, кивком указала на свой кабинет и, наклоняясь ко мне, шепнула: – Леха последний год работал в тюремной больнице. Дуров, можно сказать, умер у него на руках.

«Вот оно», – успела подумать я, сама еще толком не зная, что имею в виду, но уже чувствуя: все вдруг сдвинулось с мертвой точки. А минут через десять Агатка позвала меня к себе.

Молодой человек сидел за столом, манерно держа в руке чашку кофе, который сестрица сама и приготовила. Вещь неслыханная.

– Знакомьтесь, – сказала Агатка, которую от возбуждения тоже слегка потряхивало. – Это моя сестра Ефимия. А это Тимофей Павлович.

– Можно просто Тимофей, – улыбнулся гость. – Я друг Нилова. И у меня для вас кое-что есть, – он указал на диктофон, лежавший на столе.

– Что там? – спросила я.

Он пожал плечами:

– Я слышал только начало разговора. Не уверен, что это поможет найти убийцу моего друга, но очень надеюсь.

– Почему тогда в полицию не пошли? – нахмурилась я.

Агатка с опозданием скривила физиономию, намекая на неуместность вопроса, но Тимофей лишь усмехнулся.

– Последнее время Нилов жил у меня. Мы это не афишировали. А сейчас, когда его нет, и некоторые обстоятельства... В общем, я не хочу, чтобы о наших отношениях знали. Я женюсь, – буркнул он. – То есть я намерен это сделать через несколько месяцев. Елисей всячески меня удерживал от этого шага, но... впрочем, сейчас это неважно. Буду благодарен, если вы не станете называть в полиции моего имени. Дома Нилов никогда не работал, но кое-какие бумаги хранил. У меня есть сейф. После его гибели я сейф проверил. Бумаг не было. И только вчера я, убирая в сейф деньги, увидел на нижней полке диктофон. До этого я его просто не замечал. Я знаю, что теперь его делами занимаетесь вы... В общем, вам решать, как этим распорядиться.

Он отставил чашку, поднялся, подхватил пальто, которое лежало на спинке соседнего кресла, и, кивком простившись, удалился. Агатка

тут же включила диктофон, мы склонились над ним, сев рядом, и вскоре услышали Лехин голос:

– Я вам все как на духу, то есть как он мне все рассказывал...

Когда запись закончилась, мы еще некоторое время продолжали сидеть, пялясь друг на друга.

Лешка работал санитаром в больнице, когда там оказался Дуров. Зная, что жить ему осталось от силы месяц-два, тот решил покаяться. Не во всех грехах, а только в одном, и не священнику, а Лешке, к которому проникся большой симпатией, скорее всего потому, что он просто находился рядом и готов был его выслушать. Многие годы Дурову не давало покоя совершенное им убийство, за которое наказание он не понес и в котором его никто даже не подозревал. Убийство, по его словам, вышло случайным. Он отправился на одну дачку, потому что дружок попросил как следует там все осмотреть на предмет кое-каких важных бумаг. «Все бумаги, что найдешь, забирай. Особенно старые, даже если по виду это макулатура». В доме жила женщина с ребенком. Жила только летом, и в другое время заглянуть в дом было куда проще, но дружок торопил. И однажды ночью Дуров забрался в дом, уверенный, что хозяйка уехала. А она почему-то осталась и появилась в самый неподходящий момент. В руках держала каминные щипцы и даже успела ударить его по плечу. Больно ударила, чем очень разозлила. Злость и страх – плохие советчики. Он еще в себя не успел прийти, а хозяйка уже лежала возле его ног. Мертвая. Но самое страшное произошло потом. Мальчишка услышал шум и прибежал в комнату. Испуганный взгляд ребенка, которого он тоже убил, все эти годы Дурова и преследовал. «Выйдешь на волю, – просил он Леху, – разыщи их могилы. Попроси за меня прощенья. А если кто из родни остался, денег дай, я скажу, где заначка. Половину себе возьми за труды. Там много. Всем хватит». И Леха, освободившись, обещание отправился выполнять. Могилы разыскал, а вот с родственниками вышла незадача. Единственный родственник находился под арестом по обвинению в убийстве. И тогда Леха нашел адвоката Турова. От денег Елисей отказался, заявив, что Туров платит достаточно, а вот рассказ попросил повторить и записал его на диктофон.

– Историю семейств он к тому моменту знал хорошо, – заметила я. – Возможно, сообразил, о чем идет речь и что искал Дуров на даче.

– Ага, – кивнула Агатка. – Проблема в том, что фамилию Смолина Леха, а может, и сам Дуров, не назвал. Доказывай теперь, что за бумаги он имел в виду.

Мы прослушали запись еще раз.

– Любопытно, как всем этим собирался распорядиться Елисей, – хмыкнула Агатка.

– Турову он точно ничего не рассказал, – кивнула я.

– Возможно, просто не успел, – вступилась за коллегу сестрица и за ухом поскребла.

– Тупому ясно, убийство Лешки и адвоката связано с этой записью.

Вот так запросто согласиться со мной Агатка не могла.

– Вилами на воде. Может, связано, а может, и нет. Допустим, связано. И кто у нас злодей? Писатель Смолин? Укокошил дочку, а вслед за ней еще двоих? Оттого и слег с инфарктом?

– До инфаркта все-таки не дошло, – поправила я. – Я узнавала. Кстати, хороший ход: безутешный отец и все такое.

– Фимка, как-то все это сомнительно.

– Убийство Чадова на его совести.

– Его могла с таким же успехом Венера убить. Но в любом случае к убийству они имеют прямое отношение и сделали все возможное, чтобы его скрыть.

– Прибавь убийство жены и сына Чадова. Рассказывать кому-то о своих деяниях Смолину вряд ли пришло в голову, Дуров тоже покался лишь перед смертью. Следовательно, никто о преступлениях, кроме самого Смолина, не знал, а значит, он у нас главный злодей. Венере или той же Софье о его грехах следовало бы помалкивать, но бывшая его с золотишком подставила, а Софья некстати занялась расследованием. Самому убить дочь и бывшую супругу – кишка тонка, но Смолин мог киллера найти.

– Для человека его круга это не так-то просто. Сомнительно, что ради его благополучия кто-то убивать бросится. Скорее, чего доброго, стал бы шантажировать.

– Один подходящий друг у него все-таки был, – напомнила я. – Может, еще нашелся.

– Кому надо за чужие грехи подставляться, – хмыкнула Агатка. – Если только очень близкому человеку, для которого великий писатель Смолин – смысл жизни. Ты его дражайшую половину видела, как она в плане стрельбы и прочего?

– Спятила? – ахнула я и задумалась. – Черт ее знает. Смолин для нее солнце русской литературы – это точно. Тетка средней комплекции, Венеру задушили, предварительно огрев тяжелым по голове. Когда человек без сознания, придушить его и старушка – божий одуванчик способна.

– Ладно, все это не нашего ума дело. Пусть менты голову ломают.

– Очень им надо, – возразила я, а сестрица заулыбалась.

– Сейчас главное – поставить под сомнение причастность к убийству Турова. Пора его на волю выпускать. Засиделся. Я к следователю, отвезу диктофон...

– Что врать будешь?

– Придумаю что-нибудь по дороге. А ты топай домой, коль свалилась такая удача.

– Спасибочки, хозяйка.

– Спасибочки на хлеб не намажешь, – усмехнулась она, и я отправилась восвояси, очень хорошо понимая причину внезапной Агаткиной доброты.

Теперь ясно: Стас не имеет отношения к убийству Лешки. А учитывая, что в последние дни Димку как раз его гибель и интересовала, логично предположить, что и в Ломакина стрелял все тот же неизвестный злодей. И все обвинения со Стаса теперь сняты. Может, сестрица так не думает, но для меня в этом сомнения нет. И я вприпрыжку поскакала к Стасу, представляя, как он вернется домой, где его будет ждать роскошный ужин при свечах и я в новом платье.

По дороге позвонила Берсеньеву и рассказала о диктофоне, однако обсуждать с ним открывшиеся в связи с этим перспективы у меня не было ни времени, ни желания.

Когда я вошла в подъезд, консьерж поднялся со своего места и, испытывая неловкость, произнес:

– Добрый день. Станислав Игоревич просил передать, что уехал в командировку. Ваши вещи он вам отправил...

– Мои вещи? – не поняла я.

– Он так велел передать.

Тут до меня, наконец, дошло: Стас не хочет, чтобы я появлялась в его квартире, и предупредил консьержа. Потому тот и отводит глаза, прекрасно понимая, что мне дают от ворот поворот. Ключ от квартиры у меня есть, и пройти я, наверное, смогу. Не будет же он меня силой удерживать? Вот только зачем ставить человека в неловкое положение.

– Извините, – пробормотала я, спешно покидая подъезд.

Стасу я, конечно, позвонила, но его мобильный был по-прежнему выключен. Я устроилась на скамейке неподалеку, отсюда был отлично виден въезд в ворота. Избежать разговора со мной Стасу не удастся, домой он рано или поздно вернется. Я сидела нахохлившись, а когда становилось совсем холодно, вскакивала, делала несколько шагов, смешно подпрыгивая, чтобы немного согреться. Стемнело, температура падала, а потом и вовсе

пошел снег.

– Откуда он только взялся, – бормотала я, кутаясь в шарф.

Снег в разгаре весны. Я с тоской поглядывала на кафе, что было неподалеку. Очень хотелось согреться и выпить чаю. Но из окна кафе дом Стаса не увидишь. Я еще раз заглянула к консьержу, он отводил взгляд и отрицательно качал головой. Стас мог попросить его об одолжении, и тот попросту врал, но почему-то я подумала: мужчина не стал бы этого делать. Может, из-за неловкости, которую испытывал, глядя, как я обиваю чужой порог. Мне были глубоко безразличны и его, и моя неловкость. Важно было одно: увидеть Стаса, поговорить с ним, не дать разрушить то, что у нас еще оставалось.

Около полуночи, когда я потихоньку превращалась в сугроб, консьерж вышел на улицу и позвал:

– Девушка, идите сюда. Вы же замерзнете.

Я представила, как мы будем сидеть напротив друг друга, в давящей тишине... или еще хуже: он сочтет своим долгом что-то говорить, и мне придется отвечать...

– Спасибо! – крикнула я, помахала ему рукой и пошла к своему дому.

Сегодня Стас сюда не вернется, хотя бы потому, что мог предположить: я буду ждать его здесь. Мое упрямство не раз доставляло ему неудобства. Я попыталась представить, где он, что делает? Снял номер в гостинице? Отправился к одной из подружек, которыми успел обзавестись за то время, что мы жили врозь... вариантов множество, но мое воображение упрямо рисовало одну и ту же картину: Стас стоит в темноте и смотрит за окно, где идет снег...

Часа два я лежала в горячей ванне. Наверное, только это и спасло от простуды. Легла я под утро и проспала до десяти. Просыпаться не хотелось, тем более не хотелось вставать с постели, двигаться... Я смотрела на ярко-красное платье, небрежно брошенное на спинку кресла. Значит, вчера Стас заезжал сюда. Наверное, я бы так и осталась лежать в постели, но по опыту уже знала: будет только хуже. Стас вернется, мы все обсудим, и он простит меня, не сможет не простить. И если я еще хоть раз посмею усомниться в нем... в общем, этого больше не будет.

Я выпила кофе и даже запихнула в себя бутерброд, что свидетельствует о серьезных намерениях продолжить нормальную жизнь, и первым делом позвонила в больницу. Димку перевели в палату, и навестить его не возбранялось. Я отправила сообщение Агате: «Задержусь. Я у Димки». Ответа не дождалась и поехала на своей машине

сначала в супермаркет, а потом в больницу. В супермаркете я купила апельсины и бегонию в горшке, буйно цветущую. Явный протест против внезапно вернувшейся зимы. К утру снег успел растаять, было пасмурно, и даже бегония от тоски не спасала.

В палату я вошла с сумкой в одной руке и с цветком в другой. Димка лежал на приподнятых подушках, бледный, но в целом выглядел вполне нормально и даже улыбался.

– Фенька... – весело фыркнул он, заведя меня. – Ну, на фиг ты этот горшок приволокла? Я что, девочка?

– Ты – мальчик. А горшок для настроения.

В палате Димка был один, кровать напротив пустовала.

– Одноместных палат у них нет, – пояснил Ломакин.

– Ничего, с соседом даже веселее...

Я наклонилась и поцеловала его, хотела отстраниться, но он удержал меня за руку, и мы какое-то время смотрели в глаза друг другу, находясь так близко, как только возможно.

– Дай я тебя поцелую, – сказал он.

– Сначала выберись отсюда, – усмехнулась я. – Тебе болеть положено, а не приставать к женщинам с глупостями.

Он разжал руку, а я порадовалась: сил в нем немерено, значит, быстро пойдет на поправку.

– Как себя чувствуешь? – спросила, садясь рядом на единственный стул.

– Нормально. Заштопали.

– Напугал до смерти. Сестрица в коридоре металась, точно фурия, пока тебе операцию делали. Берсенев вообще до утра здесь дежурил.

– Он сегодня перед работой заезжал, – кивнул Димка. – Обещал заглянуть вечером, с коньячком, приложимся за мое здоровье.

– Придурки, – фыркнула я.

– И про твою сестрицу Серега рассказал. Я вот думаю, может, она того... в меня влюбилась?

– Кто знает? – с серьезной миной пожала я плечами. – Предки насаждают. При таком раскладе и ты сгодишься...

Мы продолжали болтать всякую чушь, и оба знали, что боимся заговорить о главном. Я не выдержала первой.

– Ты его видел? – спросила, отводя взгляд.

– Того, кто в меня стрелял? Лица не разглядел. Уже темно было. Высокий. Черное полупальто... шмальнул и припустился во двор... Если честно, я его видел всего ничего. Он в спину стрелял, я обернулся, толком

даже не понял...

– Думаешь, это Стас? – спросила я, на этот раз взгляд не отводя.

Димка чуть усмехнулся.

– Нет. Не думаю, – а я слегка растерялась, потому что не такого ответа ждала. – Не похоже это на нашего дорогого друга. Он бы непременно пожелал убедиться, что я отдал богу душу... Да? – Вот на этот вопрос мне отвечать совсем не хотелось. – Выйду отсюда, найду уroda, что в меня стрелял, и за яйца подвешу.

– Считай, я в деле...

Мы засмеялись и некоторое время сидели молча.

– Пойду, – сказала я, поднимаясь. – А то сестрица прогул поставит.

– Ей привет. Передай, я совсем не против внедриться в вашу семейку, хоть и с черного хода.

– Лучше не рисковать. Если честно, самая большая зануда в семье как раз старшенькая.

– Знаешь, что я думаю? Когда ты хочешь, чтобы человек был счастлив с тобой, – это одно. А если хочешь, чтоб был просто счастлив... даже без тебя, – совсем другое. Это значит – любишь по-настоящему. Так?

– Наверное, – пожала я плечами.

– Я раньше понять не мог, почему ты... а вот сейчас понимаю.

– Философ. – Я поцеловала его, шепнув: – Выздоровливай, – и поспешно покинула палату.

С сестрицей мы столкнулись в коридоре, она неслась в накинутах на плечи белом халате, в руках пакет. Подозреваю, в пакете были апельсины.

– Как он там?

– Сложно ответить. Не прочь на тебе жениться.

– Значит, бредит. Смотри, что делается, попали в плечо, а тыркнуло в голову.

– Ты сразу-то не отказывай.

– Твоя сестра не дура. Вдруг на ближайшие сто лет он единственный кандидат.

– Не приbedняйся.

– Слушай, я его усыновлю. Вот мама-то порадует... Что с тобой? – вдруг нахмурилась Агатка.

– Вопрос не достиг моего сознания.

– Наличие у тебя сознания наукой не доказано... Подождешь меня?

– Ты на машине?

– Само собой...

– Я тоже на машине, а значит, ждать тебя смысла никакого.
– Не нравится мне твоя физиономия, – покачала головой сестрица. – Димка что-нибудь рассказал?
– Я не спрашивала, ему волноваться вредно, – и я отправилась дальше по коридору, зная, что сестра смотрит мне вслед.

Берсеньев позвонил где-то около двух.
– Как ты относишься к утке по-пекински?
– Ну, съем, если надо.
– Валяй ко мне. Накормлю и расскажу, кто у нас убийца.
– Он что, пришел каяться? – насторожилась я.
– Ни о чем подобном не слышал. Ты идешь или нет?
– Бегу! – заорала я, изрядно напугав девчонок.
– Ты хоть предупреждай... – попеняла Ирка.
Сестрица отсутствовала, так что отпрашиваться не пришлось.
Очень скоро я тормозила возле дома, где жил Берсеньев. И сам дом, и уж тем более его квартира заслуживали отдельного описания, желательно в стихах, но в тот момент восторг и легкая зависть во мне молчали, уступив место любопытству: Берсеньев дурака валяет или в самом деле что-то раскопал?

Дверь на лестничной клетке была приоткрыта, я вошла, сообщив громко:

– Это я...
Разулась, убрала пальто в шкаф и прошла в кухню-столовую. Берсеньев стоял возле плиты и что-то помешивал в кастрюльке. Подобная картина неизменно вызывала умиление.

– Пахнет волшебным, – заметила я, подходя ближе.
– Еще бы... Что ты без меня делать будешь? Никто не вразумит и даже не накормит... Мой руки и накрывай на стол.

Я вошла в гостевой туалет, вымыла руки, таращась на люстру из муранского стекла. У людей такие висят в гостиных, у Берсеньева – в сортире.

– Сколько стоит эта хрень на потолке в туалете? – вернувшись в столовую, спросила я.

– Не завидуй.
– Нет, серьезно.
– Если серьезно, понятия не имею. Всем заправлял дизайнер. Я оплачивал счета, и было их так много, что все не упомнишь.
– Дизайнер была молода и прекрасна? И лелеяла надежду здесь

поселиться?

– Не то чтобы прекрасна и не так уж молода... Надежды были, но суровая реальность их развеяла. Ничего не забыла? – вопрос относился к сервировке стола, я окинула стол взглядом и кивнула:

– Ничего.

Пока Берсеньев раскладывал утку на тарелки, я без всякой пользы вертелась рядом. Он открыл бутылку вина, разлил его по бокалам, и мы устроились друг напротив друга.

– Ешь молча и восхищайся, – предупредил он.

– Так нечестно. Я любопытная девушка без намека на силу воли...

– Божественно, – сказал Берсеньев, точно нарочно изводя меня.

Я кивнула:

– Ага.

– В следующий раз хорошо подумаю, прежде чем тебя приглашать.

– Божественно, восхитительно, среди стоящих у плиты нет равных тебе...

– То-то, – кивнул Сергей Львович.

Отодвинув опустевшую тарелку, он допил вино в бокале и мне подмигнул.

– В любом преступлении важно понять мотив. С этого обычно начинают все великие сыщики...

– Само собой, «великие», – расплылась я в улыбке, но тут же ее убрала: чего доброго опять начнет дурака валять в отместку.

– В этот раз, – не обращая на меня внимания, продолжил Берсеньев, – я решил поступить иначе и прикинул: не у кого был мотив, а у кого была возможность убить всех троих и совершить покушение на Димку. И все мгновенно встало на свои места.

– И теперь ты знаешь, кто убил?

– И теперь знаю.

– А мне, наконец, расскажешь?

– Сейчас сама догадаешься. Сегодня я разговаривал с Димкой и выяснил кое-что интересное. В тот момент, когда доверенное лицо докладывало ему о первых результатах по розыску Лехиных друзей, Димка сидел в ресторане в компании своего приятеля и Смолина-младшего. Речь шла о новом проекте, которому требовалась информационная поддержка. Выслушав доверенное лицо, Димка тут же перезвонил мне. Оба эти разговора Смолин слышал. Вскоре они расстались, Димка отправился в бизнес-центр на очередную встречу, о чем Смолин был прекрасно осведомлен. Это к вопросу о возможностях. Смолин встречался с Ниловым

в тот вечер, когда его убили. С ним я столкнулся у антиквара, перед тем как прикончили Венеру.

– Ты считаешь убийцей Льва Смолина? – не поверила я.

– А по-другому не складывается. Отвлекись от мотива, сосредоточься на возможностях. Он знал, где Димка, и у него было время подготовиться. Точно так же он прекрасно знал, где стоит машина Нилова, ведь на парковку они приехали вместе. Их встреча тем вечером ни у кого подозрений не вызвала. Во-первых, они друзья, во-вторых, был повод для разговора: ведь Елисей адвокат Турова, предполагаемого убийцы единокровной сестры Смолина-младшего. А вот о чем они говорили на самом деле?

– Черт... – буркнула я. – Диктофонная запись.

– Правильно. Леха успел встретиться с Ниловым и покаяться в грехе за отдавшего богу душу каторжника. Рассказать об этом Смолину было вполне естественно. Верно? Вряд ли Нилов дал прослушать ему запись, возможно, и вовсе о ней не упомянул, возможно, даже и грех убийства с отцом Смолина никак не связал, хотя утверждать это на сто процентов не берусь. Но Смолин-младший тут же смекнул, в чем дело.

– По-твоему, отец рассказывал ему о дружбе с Дуровым?

– Ему рассказала Софья. Девчонка догадалась о тайне отца, что, согласись, было не так уж трудно, учитывая, что она видела письмо Надежды. Софья пыталась поговорить об этом с Туровым, но ему все это было безразлично. К кому ей еще обратиться? К отцу?

– К брату, – кивнула я.

– Итак, – продолжил Берсенев. – История начинается с того, что Софья находит письмо Надежды. Проводит собственное расследование и идет к брату. Тот пытается ее вразумить, однако уверенности в том, что девчонка не наделает глупостей, у него нет. От отца он узнает, что Софья собирается приехать на дачу, и это вызывает беспокойство: предположить, о чем пойдет речь в разговоре Софьи с отцом, ему совсем не трудно. И он начинает следить за сестрой, скорее всего еще не зная, как поступить. Предупредить отца о ее намерениях или постараться поговорить с ней еще раз? Ничего не подозревающий Туров везет Софью в Бережки. Девчонка взвинчена, оба мало на что обращают внимание. Следующий за ними по пятам Смолин вскоре становится свидетелем их ссоры, Туров уезжает, Софья одна на дороге. Появление брата ее вряд ли особенно удивило. Она ведь ехала к отцу, отчего бы Смолину тоже его не навестить. Возможно, решение пришло мгновенно, хотя они могли и поссориться. Я склоняюсь к мысли, что он запихнул ее в машину, боясь

внезапного возвращения Турова, а обнаружив в сумке девчонки пистолет...

– Застрелил ее, – кивнула я.

– После чего прячет тело и звонит в полицию, а потом оставляет окровавленный шарф на даче Турова. Разумеется, Смолин вне подозрений. Во-первых, пока не обнаружили труп, сам факт убийства под вопросом, во-вторых, мотив у него отсутствует. С какой стати ему убивать сестру, если о наследстве речи нет? Но тут появляется адвокат с рассказом Лехи. Уже зная от Софьи о плагиате, сообразить, почему погибли жена и сын Чадова, совсем не трудно. Выход один: избавиться от адвоката. Простившись с другом, Смолин спускается на парковку и поджидает его возле машины. Теперь на очереди был Леха. Смолин находит его номер в телефонной книжке адвоката и отправляет СМС с его мобильного. Назначает встречу. Леха приходит, ничего не подозревая, и получает пулю. Для Смолина опять все складывается вполне удачно. В исчезновении Софьи виноват Туров, Елисей – жертва ограбления, труп Лехи еще не найден. Однако в дело вмешиваемся мы. И появляемся у Венеры. Со Смолиным-младшим они большие друзья, после нашего визита она ему позвонила и рассказала, что мы интересовались исчезновением Чадова и убийством его семьи. Вряд ли ее откровения дошли до того, что она призналась в убийстве друга юности, но об ограблении квартиры и похищении бриллиантов Смолин, конечно, знал. Встретив меня у антиквара, Левушка сразу же отправился к Венере. Богиня была напугана, ведь никакой гарантии, что Хохлов будет молчать, нет. Либо она все рассказала Смолину, либо он сам догадался, что теперь было совсем нетрудно. В результате Венера убита. Смолин навещал ее часто, и на очередной визит, даже если кто-то из соседей видел его в тот день, особого внимания не обратили. Отлучиться с работы на некоторое время для него проще простого, с уверенностью никто не скажет, где и когда он был. Особенно через несколько дней.

– А на фиг было в Димку стрелять?

– С перепугу. Испугал Смолина не тот факт, что Димка нашел дружка Лехи, которому могло быть известно куда больше, чем следовало, а то, что такой человек, как Ломакин, влез в это дело. В отличие от следователя у него куда больше возможностей: от подкупа до расправы. Он отправляется вслед за Димкой, и когда тот выходит из бизнес-центра, стреляет в нашего дорогого друга. И тут уж точно никому в голову не придет заподозрить Льва Смолина. Мотив отсутствует. Мотива нет, а вот возможностей у него было сколько угодно. Куда ни плюнь, всюду он.

– Здорово, – почесала я нос. – Софью и Леху застрелили из «ТТ»,

в Димку стреляли из того же оружия. Это факт. Лева должен был предположить, что о наличии у Смолина-старшего пистолета следователям быстро станет известно. Допустим, никому в голову не придет беспокоить известного писателя в связи с убийством недавнего зэка или авторитетного бизнесмена Ломакина. Но есть еще убийство дочери.

– Труп Софьи могли и не найти. В любом случае совсем без риска не обойтись.

– По-твоему, Смолин-младший псих? Или мотив у него все-таки был?

– Конечно. Куда без мотива.

– Огромная сыновья любовь, которая берегов не знает?

– Вот это вряд ли. Скандал его родителям ни к чему. Но еще меньше он нужен сыночку. Папашу посадить бы все равно не смогли, срок давности и все такое... Обретался бы в своей деревеньке да книжки писал, никому не нужные. Ну, не заехал бы больше губернатор на чай... зато верная супруга рядом, хотя могла и сбежать... В любом случае жизнь, считай, уже прожита. В почете и славе. А вот сыночку без великого папы придется несладко. Не блещет он талантами. Пробовал бизнесом заниматься – не пошло. В своем кресле он только благодаря папе и оказался. Лишится его – и с привычной жизнью, где тебя уважают и ищут твоего внимания, можно проститься.

– Кто ж спорит, – вздохнула я. – А доказательства у нас есть?

– Доказательств у нас нет, – покачал головой Берсенев. – А без них это все мои фантазии.

– Но ты знаешь, как их добыть? Не вздумай меня разочаровывать...

– Что ты, как можно, – усмехнулся он. – Единственная серьезная улика – это пистолет.

– Не смешно, – фыркнула я. – Он давно от него избавился.

– Возможно. А возможно, и нет. Трупы множатся. То, что Смолин стрелял в Димку, говорит о том, что нервы у него на пределе, словом, наш парень пошел вразнос. Вдруг оружие еще понадобится? А где такой человек, как он, сможет его достать? Да еще внимания не привлекая? Нет, пушку он спрятал. В надежном месте, причем таком, с которым его связать будет трудно. У него голова работает, если не ума, то хитрости ему точно не занимать. Я бы, кстати, на его месте спрятал пистолет в доме отца. При необходимости легко забрать, полицейские родителя вряд ли побеспокоят.

– Так, может, он так и сделал.

– Последние несколько дней Смолин-младший на даче отца не появлялся. Значит, пистолет все еще у него.

- Попробуем обыскать его машину и квартиру?
- Я же сказал, он слишком хитер, чтоб так подставиться.
- Тогда не знаю... Поймать, пытать и вынудить признаться?
- С этим к Димке. Подождем, когда из больницы выйдет.
- Твоя утка уже наружу просится. Есть у тебя идея или нет?
- Попробуем убедить Смолина, что убийца – его мачеха, дражайшая Раиса Петровна... Убеждать придется тебе. Сможешь?
- И что это нам даст?
- Как – что? Спихнуть на нее убийства – значит не только облегчить себе жизнь, но и стать единственным наследником после смерти папы. Глядишь, губернатор к нему начнет ездить...
- И президент, – подсказала я.
- В любом случае почет и уважение ни с кем делить не придется. А для этого только и надо, что пистолет подбросить. В том состоянии, в котором сейчас находится Смолин-младший, идея должна быть заманчивой.
- Допустим, подбросит, – кивнула я. – Но она ведь все будет отрицать... Зато вспомнит, что пасынок к ней приезжал, когда отец был в больнице, и подозрение падет на него.
- Правильно, счастье мое. Поэтому старушке необходимо покончить жизнь самоубийством, в чем Смолин ей поможет. И круг замкнется. Раиса убивает Софью на почве личной неприязни или из-за наследства. Чем не повод? При этом подставляет Турова. Но его адвокат коварный замысел раскрыл, и Раиса от него поспешила избавиться. А потом и от Венеры, с которой теоретически адвокат мог встречаться и разжиться опасными для убийцы сведениями. Кстати, Венера скорее всего вообще в стороне останется. Менты будут искать грабителей, вломившихся в квартиру и убивших хозяйку. Остается Леха. То, что он застрелен из того же оружия, что и Софья, не скроешь. Но и здесь объяснение найти нетрудно. Он только что освободился, то есть тип сомнительный... Раиса наняла его убить адвоката, а после этого избавилась от исполнителя. Димка начал свое расследование. В ответ старушка с перепугу и его решила шлепнуть.
- Это слишком, – попеняла я. – Димка видел стрелявшего, на Раису он совсем не похож.
- Значит, наняла кого-то. Окончательно запуталась, впала в депрессию и застрелилась.
- Да кто в это поверит? Сам факт самоубийства может вызвать подозрения.

– Не обязательно. Главное, чтобы Смолин-младший за эту идею ухватился. Это решает все его проблемы. Дело постараются поскорее замять, чтобы не травмировать великого писателя, и наш убийца в шоколаде.

– Я б на такое не повелась.

– Ты и не убийца. У него-то сейчас нервишки расшалились. Главное, чтоб он наживку заглотил, а для этого тебе придется постараться. Ну что? Поиграем там, где мама не велит?

Через час усиленной тренировки под руководством Берсеньева я уже звонила Смолину-младшему, голос в трубке звучал приветливо.

– Ефимия Константиновна? Очень рад слышать.

«И чему ты радуешься?» – мысленно съязвила я, но заговорила с легким подхалимством:

– Лев Геннадьевич, неловко отнимать ваше время, но у меня несколько вопросов к вам. Очень прошу...

– Конечно, конечно, – легко согласился он. – В здании телецентра есть кафе на первом этаже. Вход с улицы, давайте там... через полчаса вас устроит?

Я рассыпалась в благодарности и хмуро посмотрела на Берсеньева.

– Что-то уж больно легко он согласился...

– Нервничает... Хочет понять, что у тебя на уме. Не подведи, счастье мое. На тебя теперь вся надежда.

Лев Смолин сидел за столом в компании юной особы в рваных джинсах. Футболка с растянутым воротом то и дело сползала с плеча девушки, открывая грудь без бюстгалтера до самого соска. Лев Геннадьевич наблюдал за этим весьма благосклонно, а я испугалась, что наш план летит к чертям. Но когда я подошла и поздоровалась, девушка поспешно удалилась, взглянув на Льва Геннадьевича с заметным обожанием и окинув сердитым взглядом меня. Должно быть, заподозрила во мне соперницу.

– Прекрасно выглядите, Ефимия Константиновна, – запел Смолин, помогая мне снять пальто.

– Спасибо. Еще раз извините за беспокойство...

– Что вы, всегда рад.

Он прямо-таки источал доброжелательность. Поинтересовался, что мне заказать, я попросила воды, желая подчеркнуть: разговор серьезный и на еду отвлекаться я не собираюсь. К тому же утка по-пекински еще была свежа в памяти, и здешние деликатесы вряд ли могли

меня прельстить. Смолин отложил меню в сторону, а я заметила, что пальцы его нервно подрагивают. Он это тоже заметил, потому что к своей чашке больше не притронулся. Откинулся на спинку стула и сказал:

– Слушаю вас.

– У меня несколько вопросов, которые вас, возможно, удивят... Первый и очень важный, как к Софье относилась Раиса Петровна?

– Раиса Петровна? – с сомнением переспросил он. – Нормально.

– То есть при вас они никогда не ссорились?

– Не припомню такого...

– И Раиса Петровна не высказывала недовольства поведением падчерицы?

– Наверное, что-то ее раздражало... Молодежь часто вызывает недовольство тех, кто значительно старше...

– Значит, открытого конфликта между ними не было?

Смолин нахмурился.

– Я не так часто видел их вместе. К чему эти вопросы?

– Я ведь предупредила, они могут показаться вам странными, – нерешительно улыбнулась я. – В доме вашего отца постоянно проживают только двое: он сам и его супруга. Домработница приходящая?

– Да.

– Приезжает из города, насколько я знаю?

– Всего на три-четыре часа в день.

– Ваш отец подолгу работает. И не любит, чтобы его беспокоили. То есть, по сути, Раиса Петровна предоставлена самой себе.

– У нее есть увлечения... она читает, кажется, вышивает.

– А если ей придет охота отлучиться на пару часов, этого скорее всего никто не заметит?

– Она следит за тем, чтобы отца не беспокоили. Всегда сама отвечает на телефонные звонки.

– Но ведь телефон можно отключить на какое-то время?

– Разумеется. Но...

– Скажите, – перебила я. – А Раиса Петровна проявляла интерес к оружию? В доме вашего отца хранился пистолет. И она хорошо знала об этом. Есть женщины, которым нравится заниматься стрельбой где-нибудь на природе.

– Как-то раз отец действительно... и Раиса пробовала стрелять, но... я не понимаю, к чему все эти вопросы?

Я кивнула с унылым видом, отвела глаза, демонстрируя смущение.

– У нас есть показания друзей Софьи. По словам вашей сестры, Раиса

Петровна не раз говорила, что не желает видеть ее в доме отца, и даже переходила к угрозам. Боялась, что Геннадий Сергеевич все завещает дочери.

– Софья такое говорила?

– К сожалению. Я понимаю, вам неприятно, что кто-то копается в делах вашей семьи, но...

– Произошло убийство, наивно полагать, что в ближайшее время нас оставят в покое... Но почему вы придаете такое значение словам Софьи?

– На днях обнаружен труп мужчины, он был застрелен из того же оружия, что и ваша сестра. Мужчина вернулся из мест заключения. Нуждался в деньгах. Приятель видел его накануне с женщиной. Ее описание очень подходит Раисе Петровне.

– И что?

– Многие факты вдруг приобрели совершенно иную окраску, – с умным видом заявила я. – Вот мы и решили проверить... Спасибо, что уделили мне время.

– Подождите, – заволновался Смолин. – Я ничего не понимаю...

– К сожалению, большего я сказать не могу. Идет следствие...

И пока он сидел с открытым ртом, я поспешно удалилась.

– И что теперь? – спросила я Берсеньева, садясь в его машину.

– Теперь будем ждать, когда клиент созреет. Главное, глаз с него не спускать.

– Ты спятил, что ли?! – завопила я, только сейчас оценив открывающиеся перспективы. – А если он Раису в самом деле убьет? У него сколько угодно возможностей незаметно покинуть телецентр... да и вообще... Вдруг мы лопухнемся, и он ускользнет у нас из-под носа?

– Придется рискнуть. Брать его надо с поличным, то есть с пистолетом в руках, желательно нацеленным в голову мачехи.

– А если мы этот миг провороним и он мачеху застрелит, получится, мы не только человека убили, но и подсказали преступнику, как выйти сухим из воды.

– Нужно постараться не проворонить, – лучезарно улыбнулся Берсеньев, а я буркнула:

– Авантюрист, – и добавила: – Не можем мы рисковать.

– Я – могу, – ошастливил он. – Или делай, что тебе говорят, или сама с этими убийствами разбирайся. А ко мне не лезь. Пусть твой Перфильев напрягается. Ему за это деньги платят.

Берсеньев отвернулся, не желая продолжать спор, а я задумалась. Взять Смолина с поличным очень заманчиво, а если он нас вокруг пальца

обведет?

Я продолжала терзаться, Берсеньев время от времени с насмешкой на меня поглядывал.

– А вот и наш красавец, – вдруг произнес он, и я увидела Смолина, который проехал мимо на своей машине. Сергей Львович скоренько отправился следом, держась на некотором расстоянии.

Примерно час Смолин катался по городу вроде бы без всякого толка, вернулся в телецентр, но машину бросил в переулке неподалеку, а не на внутренней парковке. Минут через двадцать появился снова.

– Он повелся, – с усмешкой произнес Берсеньев. – Наш парень явно что-то задумал.

Тут мое беспокойство достигло критической точки, и я сказала:

– Надо звонить Перфильеву.

– Ты во мне сомневаешься? – хмыкнул Сергей Львович, а я только головой покачала.

– Не сомневаюсь. Но если он тетку убьет...

Теперь мы вновь следовали за Смолиным по городу, и, судя по всему, он намеревался его покинуть, а я сжимала в руке мобильный, пытаюсь решить: звонить Перфильеву или нет. Здравый смысл подсказывал: звонить. И тут Перфильев позвонил сам. Я мгновенно решила, что это сигнал свыше, и завопила:

– Олег, срочно отправляй своих людей к Раисе Смолиной, пусть засаду устроят...

– Чего? – в ответ рявкнул он. – Ты какого хрена к Смолину полезла? Сыщик, твою мать. Хочешь нам всю работу завалить?

– Так вы его подозреваете? – начала я соображать, не скажу, что очень хорошо.

– Ты о тайне следствия что-нибудь слышала, юрист недоделанный?

– Олежек, родной, – перешла я на скулёж. – Очень может быть, что он едет ее убивать.

– Само собой, раз ты его и надоумила. Сегодня же отцу нажалуюсь... а сестрица? Сестрица о твоих выкрутасах знает?

Напоминание о родне вызвало острую зубную боль.

– Ой, мобильный разрядился, – пискнула я и телефон выключила.

– Следаки нас обскакали? – весело поинтересовался Берсеньев.

– Похоже, что так.

– Молодцы, не зря хлеб жуют.

– Не зря... – передразнила я. – Если б я этому олуху не рассказала про то, что Смолин-старший рукопись украл, и про все остальное...

хрен бы они с места сдвинулись. Наш разговор в кафе скорее всего записывали. И Перфильеву сразу донесли.

– Ну, теперь, если Смолин старушку кокнет, замаливать сей грех тебе не придется.

– Чего делать-то? – видя, как далеко впереди маячит машина Смолина, спросила я. – Вдруг он нас заметит? Сбежит, а Перфильев на это скажет, что мы ему операцию сорвали?

– Может, и нет никакой операции... В любом случае я все хочу досмотреть до конца...

Вскоре Смолин свернул на проселочную дорогу, хотя поворот на Бережки был дальше по шоссе, километрах в пяти. Берсеньев включил навигатор и ткнул пальцем в тонкую ниточку на экране.

– Он решил подъехать к отцовскому дому со стороны леса. Внимания не хочет привлекать.

– Неужто он в самом деле... – начала я, включила мобильный и позвонила Перфильеву.

– Не лезь! – заорал тот нечеловеческим голосом.

А я взмолилась:

– Скажи только, там есть твои люди или мне старушку спасать?

– Я тебя на пятнадцать суток посажу, – пригрозил он и бросил трубку.

– И как это понимать? – поворачиваясь к Берсеньеву, спросила я. – Есть или нет?

– Продолжая следовать по шоссе, мы прибудем в Бережки раньше, чем Смолин. Но если в доме менты, нам не обрадуются.

– Надо Раисе позвонить, – озарило меня. – Предупредить, чтоб была осторожней.

Я набрала номер, услышала равнодушное «да» и затараторила:

– Раиса Петровна, это Ефимия, помните, мы встречались...

Шуршание в трубке, а потом гневный голос Олега Викторовича:

– Ты уймешься, в конце концов, или нет?

Теперь торопиться было ни к чему. Собственно, нам следовало тут же вернуться в город, но я, как и Берсеньев, любопытна. В общем, мы подъехали к дому Смолина-старшего, когда его сына запикивали в полицейскую машину. По соседству обретался Перфильев и на меня взглянул так, что, будь я к его взглядам чувствительна, провалилась бы сквозь землю. Наплевав на его недавние угрозы, я спросила, приблизившись:

– С поличным взяли? Он пытался Раису застрелить?

– Сбрендила совсем? – обиделся Олег Викторович. – Дураки мы, что ли, бабой рисковать? Встретили в дверях, сообщили, что задерживаем по подозрению в убийстве, и обыскали.

– Пистолет был у него?

– Был. Но вину этого деятеля еще доказать надо. И я уже предчувствую весь этот геморрой...

Забегая вперед, скажу, что ведомство Перфильева с задачей справилось. Смолин-младший чистосердечно покался в убийстве сестры «на почве личной неприязни». Отец, по его словам, очень переживал из-за ее связи с Туровым, Лев Геннадьевич пытался девушку образумить, а она вдруг начала угрожать ему пистолетом. Оружие он отобрал и сгоряча ее пристрелил. Копать глубже следователи не стали, и причина такой нерадивости была мне отлично известна: лишняя головная боль им ни к чему. А куда ж без нее, если губернатор по-прежнему к великому Смолину на чай заезжает. Если убийство Венеры и адвоката еще можно списать на грабителей, то с Лешкой все куда хуже, ведь застрелили его из того же пистолета, что и Софью. Оттого следствие и «спустили на тормозах».

Смолин-младший отправился отбывать наказание, а его отец вдруг решил пролить свет на тайну гибели Чадова. Явился к следователю в сопровождении адвоката и поведал: убила его Венера (кто бы сомневался!). Произошло это во время ссоры, и, безусловно, было случайностью, хотя сам Смолин при этом не присутствовал и может судить обо всем лишь со слов Венеры. Она ему во всем покалась, а он, будучи влюбленным в нее практически до безумия, молчал о преступлении все эти годы. Хотя сия тайна уничтожила их отношения, и они вскоре расстались. Муки совести жестоко его терзали, и он рад наконец-то облегчить душу.

Венера ни подтвердить, ни опровергнуть этого по известной причине не может, а всерьез заниматься тем давним убийством никто не торопится. Само собой, убийство гражданской жены Чадова и его сына даже не вспомнили.

О визите писателя к следователям рассказал мне Перфильев. В городе об этом мало кто знал. СМИ помалкивали. И даже о смене руководства телецентра сообщили как-то между прочим и без объяснения причин, мол, был один руководитель, стал другой. А в официальной биографии писателя Смолина вдруг исчезли все упоминания о сыне. Но все это меня уже не волновало.

На следующий день после ареста Льва Смолина я ближе к вечеру

отправилась к дому Стаса. В основном для того, чтоб поглазеть на его окна. Днем я звонила секретарше, и она сказала, что он все еще в командировке.

Только я устроилась на заветной скамейке, как услышала автомобильный сигнал и, обернувшись, обнаружила машину Берсеньева. Он приоткрыл окно и спросил:

– Ждешь?

– Он в командировке, – ответила я, мысленно чертыхнувшись.

– На работу ходит исправно. Только со служебного входа. А живет в гостинице «Старый город», восемнадцатый номер, двухкомнатный люкс.

– Откуда ты... – начала я и головой покачала.

– Отвезти тебя? – предложил Берсеньев.

– Куда?

– Куда скажешь...

– Спасибо. Прогуляюсь...

Я торопливо зашагала по улице, желая как можно быстрее увеличить расстояние между нами. В дружеском участии я сейчас нуждалась меньше всего. Значит, Стас никуда не уезжал. Просто не хотел встречаться со мной. Это не удивило. Я взглянула на часы, а потом бегом припустилась домой. Достала платье, подарок Стаса, и даже соорудила прическу. Может, вышло не как в парикмахерской, но результат мне понравился. Через час я уже была в «Старом городе». Гостиница небольшая, но отделана с шиком. Администратор, с сомнением взглянув на меня, ответила на мой вопрос о Стасе:

– Он еще не вернулся.

– Ничего, я подожду.

Я сняла пальто и устроилась на диване в глубине холла, лицом к входной двери. Я таращилась на нее с таким усердием, точно намеревалась загипнотизировать, и мысленно твердила: «Пожалуйста, поскорее». Время от времени дверь распахивалась и появлялись какие-то люди.

«Он придет, – думала я, – только наберись терпения. Даже если придет не один, это не страшно. Главное, сказать ему, как я люблю его, попросить прощения за мои сомнения, за мое неверие... Пусть в ответ говорит что угодно, я все выдержу. Так глупо, что мы потеряли столько времени, что теряем его вновь...»

Тут дверь распахнулась в очередной раз, и я увидела Стаса. В мою сторону он даже не взглянул, прошел к стойке администратора, чтобы взять ключ, а я позвала:

– Стас, – и поднялась ему навстречу, когда он приблизился. – Привет, –

сказала я и улыбнулась счастливо.

– Привет, – ответил он.

– Надела твой подарок. – Я коснулась рукой платья.

– Тебе идет.

Повисла пауза, неловкая, и я поспешно сказала:

– Пригласишь меня в ресторан?

Он вздохнул и, едва заметно усмехнувшись, спросил:

– Твое пальто? – и протянул его мне. – Давай выйдем на улицу.

Я набросила пальто на плечи, и мы вышли из гостиницы. Тротуар в этом месте узкий, мы стояли почти вплотную к дверям и, наверное, мешали прохожим.

– Поедем на такси? – улыбнулась я.

– Никуда мы не поедем, Принцеска, – покачал головой Стас. – Нас нет. Есть ты, и есть я... Ты упорно цепляешься за свою любовь, которой давно нет и в помине. Не поверишь, как мне все это осточертело.

– Стас, пожалуйста...

– Знаешь, о чем я жалею? – спросил он со злостью. – Что когда-то встретил тебя. У господ сколько угодно причин на меня злиться, но такого я не заслужил. Вызвать тебе такси?

– Стас, – позвала я, но он перебил:

– В одном городе нам не жить, это ясно. Дай мне полгода, и я уберусь отсюда. А пока, будь любезна, держись от меня подальше.

Он распахнул дверь и вошел в гостиницу. Дверь захлопнулась, я стояла на тротуаре, точно разом оглохшая. Все звуки исчезли, словно я была в пустоте, не было рядом людей, машин, большого города. Боли тоже не было. Лишь звенящая пустота в душе, которую я будто боялась расплескать, вот и стояла, замерев. «Надо идти за ним, поговорить...» – пришла откуда-то мысль, но вся моя решимость внезапно испарилась. Он прав: нас давно нет, да и не было никогда. Только я со своей любовью.

Я пошла по улице, в вечернем платье и накинутом на плечи пальто. На меня обращали внимание, а я шла все быстрее и быстрее и, наконец, побежала. Хотелось поскорее забиться в угол дивана, закрыться, спрятаться... Я вошла в квартиру, сбросила пальто на пол, долго, очень долго смотрела в зеркало. Женщина напротив казалась незнакомой. Я испуганно огляделась вокруг: все было чужим. Мне не было здесь места, мне нигде не было места. А потом вдруг бросилась к входной двери, уверенная, что Стас стоит с той стороны. Он знает, как мне больно, он приехал...

На лестничной клетке пустота, и я закружилась по прихожей, завывала,

кусая пальцы, забормотала:

– Он позвонит. Он пожалеет меня. Он добрый.

Я села на диван, кутаясь в одеяло, держала в руках мобильный и ждала. Долго. И снова бессмысленно задвигалась по квартире, брала в руки вещи, такие знакомые и чужие, шла круг за кругом, не находя покоя... и вновь оказалась возле зеркала, пыталась разглядеть что-то, спрятанное там, за стеклом. А потом ударила по нему, один раз, другой, третий, пока оно не разлетелось осколками, а я смотрела в них и ухмылялась. Вошла в ванную и стала копаться в старом шкафчике, принадлежавшем когда-то моему соседу. На нижней полке опасная бритва.

«Винтаж, – усмехнулась я. – Почему я ее не выбросила? Знала, что пригодится?» И села на край ванны, включила воду, закинула ногу на ногу и провела бритвой по щиколотке. Боль ударила в висок, но она была ничто по сравнению с той болью, что рвала и комкала изнутри.

Я резала свои руки и смотрела на струю воды, ставшую розовой. Что теперь? Лечь в ванну?

– Умру, – сказала громко, звук собственного голоса успокаивал. Представила, как лежу в воде, красной от крови, и в ужасе вскочила. Я всегда была трусихой и крови боялась. Заматав руки полотенцем, торопливо зашлепала в комнату, легла на диван, завернулась в одеяло... и сразу пришел покой. Я уйду, уйду так далеко, что никакая боль не достанет. И не было ни сожалений, ни покаянных мыслей о родителях и Агатке, ничего не было, потому что я наконец стала свободной и принадлежала только себе...

Вот тогда и зазвонил мобильный. Я вздрогнула, а потом долго прислушивалась к этому звуку. Я не хотела ни с кем говорить, я даже на мгновение не хотела возвращаться. Но телефон звонил и звонил, и я знала, что лучше ответить, и стиснула зубы, услышав голос Стаса:

– Это я.

– Привет, – я старалась, чтобы голос звучал спокойно. Я должна быть хитрой, я должна обмануть его, чтобы не лишиться свободы...

– Чем занимаешься? – спросил он.

– Лежу на диване.

– Я приеду.

– Нет, – испугалась я и тут же добавила с удивившим меня самым спокойствием, почти равнодушно: – Если честно, я собралась спать. Голова болит. Понервничала после нашей встречи, выпила таблетку... теперь глаза слипаются.

– Я приеду, – повторил он, а я, вздохнув, сказала устало:

– Конечно, ты сделаешь по-своему... только я сейчас не в лучшей форме. Мне бы хотелось хоть немного прийти в себя и завтра поговорить обо всем спокойно. Может быть, тогда у нас все наконец получится... – Он молчал, размышляя, а я, боясь спугнуть удачу, попросила: – Давай ты встретишь меня завтра с работы. Мы пойдем в ресторан, будем ужинать при свечах. Мне так этого хочется... Хорошо?

– Хорошо, – сказал он.

– Тогда до завтра?

– До завтра.

Я торопливо отключилась и, кутаясь в одеяло, закрыла глаза. Меня знобило, и я подумала: не взять ли еще одеяло. Думать о пустяках, о чем угодно. Только не о тех, кого любишь. Только не о нем...

Услышав звонок в дверь, я замерла от ужаса. А потом повернулся ключ в замке. Господи, Агатка... Это нечестно, почему так, за что... Но все оказалось даже хуже, в комнату вошел Стас. «Не надо, господи», – в отчаянии просила я, а вслух сказала:

– Все-таки приехал... А у меня глаза слипаются...

– Спи. Я здесь посижу.

Я стиснула зубы, едва не взыв от отчаяния. Стас сидел в кресле, и мысли, ненужные мысли, навалились с чудовищной силой.

– Не могу я спать, когда ты рядом сидишь. Давай один раз сделаем так, как хочу я. Встретимся завтра, когда я не буду выглядеть заморенной курицей. Нельзя заставлять женщину чувствовать себя жалкой...

Он с минуту думал, разглядывая пол, а я молилась: «Господи, не оставь меня, сделай, чтобы он ушел». Он поднялся, кивнул:

– Утром позвоню. И встречу после работы. Идет?

– Идет, – улыбнулась я.

Он пошел, а я смотрела ему вслед, мысленно шепча: «Уходи, уходи, пожалуйста, уходи».

– Зеркало разбито, – сказал он.

– Ерунда, главное, в осколки не смотреться, так бабушка говорила. Хотела убратся, да лень. Пусть лежат до завтра. Дверь запри, вставать не хочется, – я говорила, говорила пустые равнодушные слова, чтобы он не почувствовал главного: я больше не принадлежу ему, я свободна, я ухожу.

– До завтра, – сказал он и вдруг замер, а я с ужасом поняла: кровь.

Он резко повернулся, в два шага достиг дивана и рванул одеяло. Лицо его мгновенно стало белым, я никогда не видела такой страшной бледности и закричала виновато:

– Ты меня обманул! Ты опять меня обманул! Ты сказал, если ничего

не получится, ты меня убьешь. Убьешь и больно не будет... а сам бросил...

Он обнял меня, стиснул так, что кричать уже не получалось, и зашептал:

– Ничего не бойся, Принцеска, ничего не бойся. Я с тобой... Я тебя ни на минуту не оставлю, на том свете, на этом, все равно. Я с тобой, я всегда с тобой.

Вот тогда я поняла, что сделала, и спросила испуганно:

– Я умру, да? Я сейчас умру?

– Нет, – покачал он головой. – Конечно нет, Принцеска. Сейчас приедет «Скорая»...

– Нет, – перепугалась я еще больше. – Нет.

– Никто ничего не узнает, – зашептал он, глядя меня по спине. – Никто. И я все время буду рядом.

Он потянулся к мобильному, и тут из-за его спины появилась Агатка:

– Твою мать, – еле смогла выговорить она. – Как сердце чувствовало...

– Катись отсюда! – заорал Стас. – Без тебя справимся.

– Справитесь? Она же кровью истечет... Ведь знала, что этим кончится... ты ее в могилу сведешь, но из своих лап не выпустишь...

– Звони в «Скорую», идиотка, – Стас вскочил, достал из шкафа простыню и, разорвав ее на полосы, стал перевязывать мне руки. Агатка принялась звонить, а я бестолково переводила взгляд с одного на другого и плакала, понимая, что теперь от меня ничего не зависит.

Солнце заглядывало в палату и било в глаза, я чуть передвинулась и улыбнулась Стасу.

– На улице тепло?

– Наконец-то весна, – ответил он. Взял мои руки и поцеловал, сначала одну, потом другую. А я провела ладонью по его волосам.

– У тебя седина появилась.

– Врач сказал, ты много крови потеряла, и ни за что не ручался.

– Испугался? – виновато улыбнулась я.

Он долго не отвечал, потом пожал плечами.

– Я ведь обещал, мы больше не расстанемся, так чего мне бояться? Но то короткое время без тебя еще надо как-то пережить.

– Прости меня, – сказала я тихо.

– Забудь об этом.

– И ты забудешь?

Ответить он не успел. В палате без стука появилась сестрица. С букетом цветов и пакетом со всякой снедью. Лежала я в отдельной

палате, врачам Стас заплатил столько, что была надежда: все происшедшее останется в тайне.

– Привет, – целуя меня, буркнула Агатка, Стаса она попросту игнорировала. – Предкам сказала, ты в командировке задержишься. Так что лежи спокойно, никто ничего не знает. Не считая Берсеньева.

– Ты проболталась?

– Ага. Выудил сведения самым иезуитским образом. Букет, кстати, от него. Там записка, я не читала, но, думаю, решил поздравить с очередным идиотским поступком.

Агатка поставила букет на подоконник, а открытку протянула мне.

«Ты, конечно, дуручка, – написал Берсеньев. – Но все равно лучше всех».

Я улыбнулась и вернула открытку сестре.

– Передай, что я по нему скучаю.

– Да? Удивительно, учитывая тот факт, что некоторые тут сидят безвылазно. – Она помолчала немного и спросила, вроде бы неуверенно, что совсем не свойственно моей сестрице: – Как дальше жить-то будем?

– Счастливо, – ответил Стас. – С тобой или без тебя. Даже не надейся, что мы когда-нибудь расстанемся.

– А Фимку можно послушать? – хмыкнула Агата. – Или ты, как всегда, все один решаешь?

– Я тебя люблю, – сказала я, протянув ей руку.

– Ага, – вновь хмыкнула сестрица. – Но его ты любишь еще больше?

– А без этого не получится? – вмешался Стас.

– Без чего? – сестра нахмурилась, а он усмехнулся.

– Не заставляй ее делать выбор. Я бы предпочел увезти ее отсюда, подальше от всех... от тебя подальше. Но ты ей нужна. Нужны родители, друзья, этот ваш Берсеньев и даже Димка. А она нужна вам... – Он развел руками, а Агатка молча кивнула.

– Ладно, пойду. Работы много. Пока тут некоторые отлеживаются... – она наклонилась, поцеловала меня и даже погладила по голове, точно я малый ребенок, а потом сделала то, что ни я, ни тем более Стас уж точно от нее не ожидали: коснулась рукой его плеча и, улыбнувшись, сказала: – Пока, родственник, не чаяла с тобой породниться, но небеса рассудили иначе. – Агата шагнула к двери и уже вышла в коридор, когда вдруг обернулась и добавила: – Если ты не сделаешь ее счастливой, я тебя с кашей съем.

Через несколько дней после этого Стас забрал меня из больницы.

От Агатки я знала, что за это время многое успело произойти. Лешку похоронили. Явились неизвестные родственники и в благодарность за немалое наследство все сделали как надо. Димку выписали. Он не звонил и никаких попыток встретиться со мной не предпринимал. Я заподозрила, что о моих делах он знает больше, чем хотелось бы. Может, Берсеньев рассказал, а может, кто-то другой. Люди любят посудачить, и даже большие деньги – плата за молчание – вовсе не гарантия сохранения тайны. Димка с моей орбиты исчез, а вот Берсеньев вскоре объявился.

В тот вечер мы ужинали у родителей. Я этого мероприятия побаивалась, но Стас заверил, что все будет хорошо. В семействе его встретили слегка настороженно, что не удивило. Однако теперь Стас был не охранником криминального авторитета, а известным в городе бизнесменом, что слегка примирило маму с действительностью. Выручила Агатка. Болтала целый вечер, то и дело обращаясь к Стасу, точно они закадычные друзья. Папа понемногу оттаял, вслед за ним и мама начала улыбаться. К концу вечера стало заметно: мама испытывает к будущему зятю что-то вроде почтения – вещь неслыханная, а еще чуть-чуть робеет в его присутствии, что уж вовсе из разряда фантастики.

– С тещей мне повезло, – смеясь, заметил Стас, когда мы возвращались домой. – Будем жить душа в душу. Батя тоже мужик нормальный, а сестрица – чистое золото.

Мы решили немного прогуляться, мобильный лежал в сумке, и звонок я едва не проворонила.

– Телефон, – сказал Стас.

Должно быть, Агатка ждет благодарности за образцовое поведение, подумала я, но оказалось, что звонит Сергей Львович.

– Привет. Надо бы встретиться.

– Когда? – спросила я.

– Лучше сейчас.

– Что-нибудь случилось?

– Нет. Просто давно тебя не видел, а тут еще собираюсь уезжать. Сможешь подъехать на набережную?

– Я в трех шагах от нее...

– Вот и отлично. Скоро буду.

Я убрала телефон и нерешительно посмотрела на Стаса.

– Берсеньев хотел встретиться... на набережной, прямо сейчас. Вдруг что-то случилось?

– Надеюсь, с ним все в порядке. Одну я тебя, конечно, не отпущу, но согласен попасть в сторонку, пока вы разговариваете.

– Правда? – ахнула я, совсем не ожидая подобной покладистости.

– Пора учиться на прежних ошибках, – улыбнулся Стас.

Мы спустились к набережной, и вскоре я увидела Берсеньева: он не спеша шел со стороны парковки. Стас устроился на скамейке, а я устремилась навстречу Сергею Львовичу.

– У тебя все хорошо? – спросила тревожно.

– Все отлично, – заверил он и кивнул в сторону Стаса. – Верный страж?

– Мы просто...

– Правильный парень, – перебил Берсеньев. – За тобой глаз да глаз... Как у вас? Все нормально?

– Да...

– Хочешь совет? С детьми не затягивайте. Один, второй... лучше еще и третий. Все старые проблемы мгновенно исчезнут.

– Потому что новые появятся? – засмеялась я. – Уезжаешь отдохнуть?

– Просто уезжаю, – ответил он, а я растерялась.

– Что?

– Видишь ли, как ни печально это сознавать, но сытая жизнь не для меня. Скучно, – пропел он.

– И куда ты...

– Официально в Таиланд, на пару месяцев.

– А на самом деле?

– Пока не знаю. Мир большой...

– Но... – я с трудом подбирала слова. – Это ведь не потому, что я... что мы со Стасом...

Берсеньев засмеялся и поцеловал меня в нос.

– Не потому. Моя любовь к тебе не знает границ, но она совсем иного свойства. Сделай одолжение: будь счастлива.

Он вновь поцеловал меня и собрался уходить, но я схватила его за руку.

– Подожди. Ведь ты вернешься?

– Вряд ли...

– Но... мы увидимся еще?

– Может быть... где-нибудь, когда-нибудь...

– Я буду тебя ждать. Всегда буду...

– Лучше не надо...

Он махнул рукой на прощание, сделал шаг, а я вновь позвала:

– Подожди. Как тебя зовут? По-настоящему?

– Зачем тебе? – удивился Берсеньев.

– Стану за тебя молиться.

Он вдруг засмеялся, а я повторила:

– Как?

– Как собаку, Сашкой, – ответил он и, видя мое недоумение, произнес: – Молись за раба божьего Александра.

Он сунул руки в карманы пальто и пошел по набережной. С реки ключьями поднимался туман, и в свете фонарей я еще некоторое время видела его удаляющуюся фигуру.

Стас подошел и встал рядом.

– Он уезжает, – сказала я, глотая слезы.

– И слава богу, – обнимая меня, кивнул Стас. – Только такого соперника мне и не хватало.

---

notes

СНОСКИ

Подробно об этом читайте в романах Т. Поляковой из сериала «Фенька – Femme Fatale», издательство «Эксмо».